

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

172

АРХЕОЛОГИЯ И АРХИТЕКТУРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

172

АРХЕОЛОГИЯ И АРХИТЕКТУРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1982

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь), Н. Н. ГУРИНА,
А. П. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

СТАТЬИ

П. А. РАППОРТ

АРХИТЕКТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ
И АРХЕОЛОГИЯ

Памятники зодчества — источник богатейшей информации о жизни создавшего их общества. Будучи одновременно памятниками искусства и строительной техники, они дают яркое представление об эстетических нормах эпохи, идеологии, о развитии производительных сил и организации ремесла, а порой и о политической обстановке той поры. Очень точно сформулировал это значение архитектуры Н. В. Гоголь: «Архитектура — тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе». Естественно, что памятники зодчества всегда привлекали к себе усиленное внимание не только историков архитектуры, но и историков, художников, писателей.

Но если памятники древней архитектуры всегда ярко отражали свою эпоху, имелся период в истории человечества, когда роль зодчества стала особенно значительной, — это было средневековье. В средние века зодчество выдвинулось на первый план как ведущее искусство, сконцентрировав в себе другие виды искусства — в первую очередь живопись и скульптуру. По отношению к Западной Европе это прекрасно выразил В. Гюго, писавший, что в эпоху средневековья «все материальные силы, все интеллектуальные силы общества сошлись в одной точке — в зодчестве».

Значение русского средневекового зодчества для истории общества было ничуть не меньшим, чем в других странах Европы. Однако здесь имеется очень существенная разница, заключающаяся в количестве сохранившихся памятников. Романскую архитектуру Франции или Италии мы можем изучать по сотням сохранившихся построек. Не так обстоит дело с зодчеством Древней Руси. Пронесшиеся над Русью военные грозы, начиная с монголо-татарского нашествия, снесли с лица земли значительную часть древних памятников зодчества. Большую роль сыграло и то обстоятельство, что часть территории Древней Руси в XIV—XVII вв. входила в состав Польского и Литовского государств и подвергалась процессу насильственной католицизации, при котором в первую очередь разрушали православные церкви, а ведь памятники зодчества эпохи средних веков — это прежде всего церкви. В итоге в настоящее время на всей древнерусской территории в более или менее целом состоянии сохранилось лишь около 30 построек домонгольского периода. Если даже добавить к этому и те памятники, которые были уничтожены сравнительно недавно, а также те здания, которые сохранились частично, хотя бы на половину своей первоначальной высоты, то и тогда общее количество памятников не достигнет 60. Причем это относится ко всей территории Руси и ко времени от конца X до середины XIII в., т. е. к двум с половиной векам русской истории. Можно представить, какими обрывочными, случайными данными мы обладаем. Естественно, что крайне ограниченное количество памятников сильно затрудняет изучение истории русской архитектуры домонгольского периода. Для получения более полной кар-

тины было необходимо значительно увеличить количество изучаемых сооружений, т. е. привлечь и те погибшие памятники, остатки которых скрыты под землей.

Интерес к памятникам древнерусской архитектуры проявился в России уже по крайней мере с конца XVIII в. К этому же времени относятся и первые случаи раскопок древних памятников. Правда, раскопки эти проводились не с научной целью, а в процессе хозяйственных или строительных работ, но все же при этом привлекали внимание и сами обнаруженные памятники. Так в 90-х годах XVIII в. при земляных работах в полоцком Бельчицком монастыре случайно наткнулись на остатки древней церкви. Незвестный нам автор не только подробно описал руины, но даже сделал схематическую зарисовку плана¹. В 1824 г. по инициативе киевского митрополита производились раскопки руин древнейшего памятника зодчества Киевской Руси — Десятинной церкви. Задача раскопок была также не научной; речь шла о предложении помещика А. С. Анненкова построить на этом месте новую церковь, и поэтому нужно было обнажить фундаменты древнего храма. Однако при вскрытии фундаментов были все же поставлены и чисто научные задачи, проведено описание раскопанных остатков и отмечено, что «полезно было бы поручить сие дело искусному в древнем зодчестве архитектору»². Впрочем, о научном уровне этого предприятия можно судить по тому, что для удобства возведения новой церкви остатки древних стен были сломаны до основания.

Понимание ценности памятников древнего зодчества именно как памятников независимо от их использования постепенно завоевывало признание. Появились любители-археологи, специально интересовавшиеся древнерусской архитектурой. В 1836 г. «купеческий сын» Д. Тихомиров начал раскопки храмов в Старой Рязани. И хотя он писал, что цель его раскопок «открыть место погребения великих князей и архипастырей рязанских», гораздо больше его интересовала сама архитектура раскапываемых памятников и исследование он проводил, «чтобы лучше можно было иметь понятие об архитектуре XII века»³. При этом следует отметить достаточно высокий для того времени научный уровень раскопок Д. Тихомирова, точность его описаний и грамотность чертежей.

Изучение памятников древнерусского зодчества пошло особенно ускоренными темпами с 70-х годов XIX в. При этом огромную роль в развитии историко-архитектурной науки сыграли археологические съезды. Организаторы этих съездов понимали археологию очень широко и включали в нее не только раскопки, но и изучение сохранившихся памятников. Статьи о памятниках древнерусского зодчества, публикуемые в Трудах археологических съездов, несомненно, способствовали усилению интереса и к раскопкам таких памятников. В 60—80-х годах XIX в. были осуществлены раскопки нескольких памятников древнерусской архитектуры, задуманные уже как чисто исследовательские задачи вне связи с практическими или культовыми целями. В Смоленске такие раскопки провел М. П. Полесский-Щепилло, в Старой Рязани — А. В. Селиванов, в Галицкой земле — И. Шараневич⁴. В конце XIX в. впервые подобные раскопки начали вести не любители, а профессионалы — археологи и искусствоведы: Н. Е. Бранденбург в Старой Ладогe, А. В. Прахов во Владимире-Волыньском⁵. Крупным шагом в развитии методики археологических исследований древних памятников зодчества стали работы П. П. Покрышкина по изучению остатков древних построек в Холме, церкви Василия в Овруче и церкви Спаса на Берестове в Киеве⁶. Следует особо отметить методику детальных обмеров древних памятников, впервые разработанную и блестяще осуществленную П. П. Покрышкиным в натуре. Наконец, в начале XX в. Д. В. Милеев провел в Киеве первоклассные по методике раскопки древних памятников зодчества, в том числе участка фундаментов Десятинной церкви⁷.

Казалось, что археологический метод исследования памятников древнерусского зодчества приобретает права гражданства. К сожалению, основная линия развития историко-архитектурной науки продолжала оста-

ваться не связанной с археологией. Быть может, вина в этом частично лежала на самих производителях раскопок, большей частью не только не делавших из своих работ историко-архитектурных выводов, но очень часто и вообще не доводивших свои исследования до публикации. Поэтому в 1-м томе капитальной «Истории русского искусства» И. Э. Грабаря, изданном в 1910 г. и подведшем итоги дореволюционному этапу изучения древнерусского зодчества, данные археологических раскопок оказались совершенно неучтенными.

В послереволюционные годы характер изучения истории древнерусской архитектуры существенно изменился. Впервые внимание исследователей начали привлекать общие проблемы истории зодчества. Ранее даже в наиболее серьезных трудах исследователи, как правило, не пытались выявить общую картину развития архитектурного стиля, ограничиваясь описанием памятников и в лучшем случае определением культурных влияний. Теперь на первый план выдвинулось раскрытие эволюции архитектурно-художественного образа, изучение закономерностей развития зодчества. На смену архитекторам, которые почти безраздельно господствовали в этом разделе науки, пришли искусствоведы. В работах Ф. И. Шмита, А. И. Некрасова, Н. И. Брунова была значительно продвинута вперед разработка основных проблем истории древнерусского зодчества. Однако именно эти работы показали, насколько недостаточен фонд изучаемых памятников, насколько важно максимально увеличить количество исследуемых сооружений. Во второй половине 30-х годов заметно явное оживление архитектурно-археологической деятельности. Раскопки Н. Н. Воронина в Боголюбове и М. К. Каргера в Киеве послужили началом нового этапа в изучении истории древнерусской архитектуры. Полностью этот новый этап развернулся уже после окончания Великой Отечественной войны.

Уже на I всесоюзном археологическом совещании, состоявшемся в Москве в 1945 г., было отмечено: «Подлинная и полная история древнерусской национальной архитектуры может быть лишь результатом археологического раскрытия ее памятников и их реконструкции»⁸. Последовавшее за этим развитие архитектурной археологии дало очень значительные результаты⁹. Помимо раскрытия большого количества памятников, остатки которых были погребены в земле, археологические раскопки затронули и значительную часть сохранившихся зданий, порой очень существенно изменив наши представления об их первоначальном облике. Развитие архитектурной археологии резко изменило количество доступных изучению памятников русской архитектуры домонгольского периода. До войны количество памятников возрастало довольно медленно. Так, А. М. Павлинов в своей «Истории русской архитектуры» (1894) упомянул о 26 памятниках X—XIII вв., в «Истории русского искусства» И. Э. Грабаря (1910) их уже 38, в книге А. И. Некрасова «Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII вв.» (1936) — 55. Наконец, в написанной Н. Н. Ворониным и М. К. Каргером главе «Архитектура» двухтомной «Истории культуры Древней Руси» (подготовлена к печати перед войной, но издана только в 1951 г.) таких памятников 77. В настоящее время более или менее изучено около 160 памятников русской архитектуры домонгольского времени, а общее количество известных памятников (включая и такие, от которых сохранились лишь жалкие следы) приближается к 200 (рис. 1)¹⁰. Естественно, что ведущая роль в изучении памятников древнейшего периода истории русской архитектуры стала принадлежать археологам.

В изучение древнерусской архитектуры археологи внесли не только количественные изменения; что важнее — они внесли в него подлинно исторический подход. История архитектуры стали рассматривать в неразрывной связи с политической и социально-экономической историей страны, с развитием идеологии, литературы. Такой методический принцип обеспечил переход к качественно новой, более высокой ступени в понимании развития зодчества.

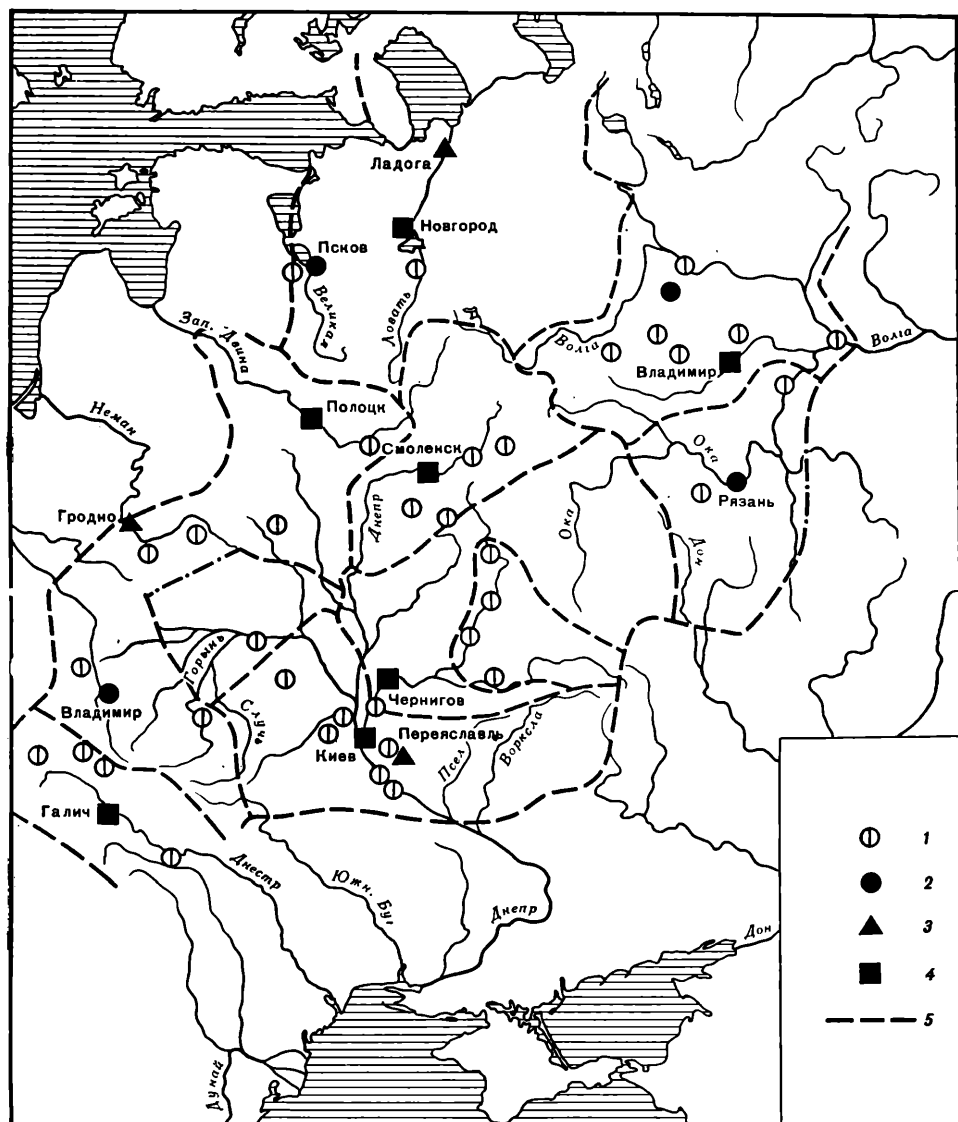

Рис. 1. Карта расположения памятников русского зодчества домонгольского периода. Количество памятников: 1 — один-два; 2 — три-четыре; 3 — пять—девять; 4 — десять и больше; 5 — границы древнерусских княжеств

Перенос центра тяжести исследований русского зодчества древнейшего периода в область археологии не прошел безболезненно. Археологи на первых порах не вполне оценили сложность и ответственность задачи, вставшей перед ними. Раскопки памятников зодчества в ряде случаев проводились по общерахеологической методике, не учитывавшей специфики памятников архитектуры, что приводило порой к потере важнейших сведений об изучаемых постройках. Не всегда помогало и привлечение к раскопкам архитекторов, поскольку оказалось, что для успешного проведения подобной работы минимумом архитектурных знаний должен был обладать сам руководитель раскопок, ставящий задачу исследования. Большим недостатком было также то обстоятельство, что раскрываемые остатки монументальной живописи большей частью пропадали для науки. Лишь постепенно совершенствовалась и уточнялась методика архитектурно-археологических раскопок. Разработана была и методика снятия со стен раскапываемых зданий обнаруженных в раскопках фресковых росписей и переноса их в музей.

Изучение древних памятников зодчества необходимо проводить во всем многообразии его связей и проявлений, в неразрывном сочетании собственно архитектурного аспекта с историко-археологическим и искусствоведческим. К сожалению, до самого последнего времени эти стороны большей частью рассматривались по отдельности, что не позволяло раскрыть цельную картину развития архитектуры. Кроме того, совершенно недостаточное внимание уделялось строительно-техническим вопросам, позволяющим изучать развитие строительной техники и организацию строительного производства.

Следует отметить, что в последние годы все более отчетливо проявляется тенденция к преодолению разрыва между специалистами, изучающими памятники древнерусского зодчества. Археологи, архитекторы, искусствоведы работают во все более тесном контакте. Особенно явно проявляется содружество археологов и архитекторов-реставраторов. Комплексное изучение памятников принимает все более конкретные формы.

В изучении истории древнейшего периода русской архитектуры, безусловно, остается еще много нерешенных и спорных проблем. Однако успехи, достигнутые в этой области, уже настолько значительны, что позволяют с большой долей уверенности пытаться обрисовать общую картину развития русского зодчества X—XIII вв. В конспективном изложении картина эта представляется в следующем виде.

Русская архитектура домонгольского периода достаточно четко делится на три этапа.

Первый этап — архитектура Киевской Руси: с конца X до рубежа XI и XII вв. Возведение первых каменно-кирпичных построек на Руси относится к самому концу X в. и связано с окончательным сложением древнерусского государства и принятием христианской религии. Первые монументальные постройки были возведены в Киеве греческими мастерами. Самостоятельная строительная артель сложилась в Киеве к середине XI в. В течение всего XI в. Киев был единственным центром, где имелись собственные квалифицированные строительные кадры. Строительство соборов в Новгороде и Полоцке осуществлялось киевскими мастерами. Лишь в конце XI в. при участии греческих мастеров была создана строительная артель в другом русском городе — Переяславле. Существенные отличия ранних киевских построек от византийских объясняются прежде всего своеобразием заказа, иными условиями строительства, применением местных строительных материалов. Этими же причинами объясняются отличия новгородского и полоцкого Софийских соборов от киевского.

Во второй половине и конце XI в. местные особенности памятников киевского зодчества делают все более ощутимыми и становятся русской архитектурно-строительной традицией. Техника кладки из кирпичной плинфы со скрытым рядом сохранилась в Киеве до начала XII в.

Новый, второй этап в истории русской архитектуры сложился в начале XII в. и продолжался примерно до 80—90-х годов этого века. В нескольких наиболее крупных политических центрах Руси в этот период создаются собственные строительные артели, а кое-где развитие архитектуры начинает идти иными путями — создаются самостоятельные архитектурные школы. В течение первой половины XII в. в русском зодчестве сформировалось пять архитектурных школ.

В киево-черниговской архитектуре произошли существенные изменения, полностью преобразившие как архитектурные формы, так и сам архитектурный образ памятников. Изменилась и система кладки; теперь здесь стали строить из плинфы в равнослойной (порядовой) технике. Черниговские зодчие строили также в Рязани, где не было своих мастеров-строителей. В середине XII в. с помощью черниговских зодчих была создана строительная артель в Смоленске. Под сильным влиянием Киева развивалась в XII в. архитектура Переяславля, но в середине XII в. строительство здесь прекратилось, а вся строительная артель переехала на Волынь. Таким образом, к середине XII в. киевская архитектурная школа

охватывала Киевскую, Черниговскую, Рязанскую, Смоленскую и Волынскую земли.

В Новгороде на базе киевских архитектурных традиций сложилась самостоятельная архитектурная школа, связанная с использованием местных строительных материалов и упрощением архитектурных форм. Построены новгородские здания из чередующихся рядов местной известняковой плиты и плинфы. Памятники новгородской школы обладают лаконичным и суровым обликом.

В Полоцке также продолжали развивать традиции киевской архитектуры рубежа XI и XII вв., но совершенно не восприняли новых киево-черниговских форм архитектуры XII в. Это обстоятельство в сочетании с прямым участием византийских зодчих привело к созданию своеобразной полоцкой архитектурной школы. В отличие от остальных русских школ здесь сохранилась техника кладки из плинфы со скрытым рядом.

Совершенно иначе происходило сложение галицкой архитектурной школы, где имела место не постепенная переработка киевских архитектурных форм, а резкий разрыв с киевской традицией. В начале XII в. в Галицкой земле началось монументальное строительство, в котором принимали участие романские зодчие из соседней Польши. В середине XII в. в Галич вновь прибыли романские мастера, на этот раз из Венгрии. Сложившаяся здесь архитектурная школа отличалась наличием романской белокаменной техники и романских деталей. Однако как планы, так и общая композиционная и конструктивная схема большинства храмов имеют здесь общерусский характер. Впрочем, в Галицкой земле строили также и храмы центрического типа (ротонды, квадрифолии), соответствующие центральноевропейской романской традиции.

В Северо-Восточной Руси в самом начале XII в. строительство начали южнорусские мастера, но собственные кадры строителей здесь в эту пору не были созданы, и в середине XII в. широкое монументальное строительство началось с помощью мастеров из Галича, а несколько позднее — при участии зодчих, присланных императором Фридрихом Барбароссой. В результате сложилась совершенно своеобразная владимиро-суздальская архитектурная школа, обладавшая романской белокаменной техникой, насыщенная романскими архитектурными формами, но в основе композиционных и конструктивных решений отвечавшая не романской, а русской архитектуре.

Третий этап в развитии русского зодчества сложился к концу XII в. Впрочем, первые признаки образования новых композиционных решений и нового архитектурного образа можно видеть в полоцком зодчестве уже в середине XII в. Раннему сложению новых форм в зодчестве Полоцка способствовала чрезвычайно благоприятная обстановка, поскольку полоцкие зодчие в силу сложившейся здесь политической ситуации не были связаны необходимостью следовать киевским художественным веяниям. Основные композиционные приемы храмов полоцкой школы были затем использованы в зодчестве Смоленска, но в самом Полоцке к этому времени монументальное строительство полностью прекратилось.

С 80-х годов XII в. очень яркая самостоятельная архитектурная школа, отвечающая новому художественному направлению, существовала в Смоленске. Яркость архитектурного облика смоленских храмов сделала их популярными в других русских землях, а широкий размах строительства в Смоленске привел к появлению здесь многочисленных кадров опытных строителей. Это позволило смоленским зодчим вести строительство и в других землях — в Рязани, Новгородской земле и даже в Киеве. В самом киево-черниговском зодчестве переход к новым формам совершился, по-видимому, в 90-е годы XII в. Разнообразие форм и типов храмов в Киевской, Черниговской и Северной землях в конце XII — первой трети XIII в. позволяет думать, что здесь работало несколько самостоятельных строительных артелей. Небольшая, но вполне самостоятельная архитектурная школа появилась в конце XII в. в Гродно.

В своеобразной форме проявились новые тенденции в начале XIII в.

во владими́ро-суздальской архитектуре, четко разделившейся к этому времени в своем развитии на две линии, связанные с деятельностью двух строительных артелей. Нового притока романских зодчих здесь более не было, и развитие владими́ро-суздальского зодчества определялось исключительно внутренней эволюцией архитектуры этой земли. Наконец, в совершенно специфических формах отразилось новое архитектурное направление на галицком зодчестве.

Единственной архитектурной школой Руси, где новые художественные тенденции не нашли отражения, была новгородская. Однако необходимость изменений назрела и здесь. После работы в Новгороде в начале XIII в. смоленских зодчих новгородские мастера использовали и переработали в своеобразной, чисто новгородской манере некоторые приемы, характерные для зодчества Смоленска. В результате был создан новый тип храма, послуживший основой для храмов более позднего периода новгородской архитектуры.

Таким образом, в первой трети XIII в. в русском зодчестве уже полностью господствовало новое архитектурное направление, общие закономерности которого в каждой архитектурной школе были выражены по-своему. Наряду с продолжавшимся процессом дифференциации русской архитектуры и дальнейшим ее членением на самостоятельные школы, в зодчестве проявились и некоторые признаки интеграции, сложения определенных элементов общности. На этом этапе развитие русского зодчества было прервано монголо-татарским нашествием.

Историческая обстановка на Руси сложилась так, что общерусское зодчество, зодчество Москвы опиралось на традиции лишь одной архитектурной школы домонгольского времени — владими́ро-суздальской. Кроме того, дальнейшее развитие получила также новгородская архитектура. Остальные архитектурные школы Древней Руси в более позднем русском зодчестве не получили прямого продолжения. Однако процесс сложения общерусской архитектуры подготавливался в домонгольскую пору на гораздо более широкой базе разнообразных архитектурных школ. Красота и многообразие русской архитектуры домонгольского периода делают ее одной из наиболее ярких страниц в истории русской культуры. В прочтении этой страницы огромная роль принадлежит археологии.

¹ *Воронин Н. Н.* К истории Полоцкого зодчества XII в. — КСИА, 1962, вып. 87, с. 102.

² Отечественные записки, 1825, ч. 21, № 59, с. 399.

³ *Тихомиров Д.* Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. М., 1844, с. 15.

⁴ *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979, с. 300, 353; *Пастернак Я.* Старый Галич. Краків; Львів, 1944, с. 75—80.

⁵ *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб., 1896; *Раппопорт П. А.* «Старая кафедра» в окрестностях Владимира-Вольнского. — СА, 1977, № 4, с. 253.

⁶ *Раппопорт П. А.* Холм. — СА, 1954, № XX, с. 313; *Раппопорт П. А.* Церковь Василия в Овруче. — СА, 1972, № 1, с. 82; *Каргер М. Е.* Древний Киев. М.; Л., 1961, т. 2, с. 383.

⁷ *Каргер М. К.* Древний Киев, с. 20.

⁸ Материалы к всесоюзному археологическому совещанию. М., 1945, с. 135.

⁹ Обзоры археологических исследований памятников древнерусского зодчества см.: *Воронин Н. Н.* Работы советских археологов в области истории русского зодчества X—XIII вв. — В кн.: Материалы научной конференции, посвященной 40-летию советского искусствознания. М., 1958, с. 118; *Раппопорт П. А.* Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв. — СА, 1962, № 2, с. 61; *Белыев Л. А.* Архитектура Древней Руси (конец X—начало XIII в.) по данным археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

¹⁰ Полный каталог памятников русского зодчества домонгольского периода подготовлен к печати в серии САИ.

АРХИТЕКТУРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Давно известно, что археологическое изучение памятников домонгольской архитектуры явилось основой небывалого расцвета науки о раннем периоде русского каменного строительства. Раскопки дали в руки историков и реставраторов огромный пласт материала для сравнений, анализов, реконструкций, материала массового, хорошо датируемого, отграниченного от позднейших достроек, а следовательно, искажений. Можно уверенно утверждать, что без широких археологических исследований архитектуры Руси X—XIII вв. история этой отрасли науки сложилась бы по-иному, развивалась медленнее, с гораздо большими трудностями.

Уже в начале XX в. благодаря работам лучших представителей дореволюционной науки, таких, как Д. В. Милеев, П. П. Покрышкин, К. К. Романов и другие, возник синтез областей истории, археологии, искусствоведения, которые образовали сферу архитектурной археологии. В первые 10—15 лет XX в. начала слагаться законченная методическая система, с помощью которой исследователи приступили к разрешению задачи выявления, фиксации и осмысления веками скрытых в земле шедевров древнерусского зодчества. Были сделаны первые полевые открытия — в Киеве изучались Десятинная церковь, храм Спаса на Берестове, дворцы киевских князей, была исследована Васильевская церковь в Овруче, а в Смоленске — церковь Бориса и Глеба на Смядыни.

Новый этап комплексного исследования домонгольских памятников архитектуры начался с 20-х годов, уже в советское время. Молодая советская наука, получив в наследство от ученых XIX—начала XX в. значительный, но разрозненный, мало еще осмысленный материал, состоявший из массы обрывочных, не всегда достоверных информации, а также не утвердившуюся еще полностью методику, постепенно вырабатывает общие принципы комплексного подхода. «Памятники архитектуры, — писал в 1920 г. Н. Б. Бакланов, — благодаря своей сложности, может быть, более, чем другие памятники материальной культуры, являются полной характеристикой страны, эпохи и народности, их создавшей, объединяя в себе ряд физических и моральных воздействий окружающей их среды, а будучи прикреплены к месту, являются наиболее бесспорными документами в отношении жизни страны»¹. С 30-х годов начинается систематическое, рассчитанное на десятилетия исследование наиболее крупных городов Древней Руси, в круг которого входит и архитектура. Наступает время чрезвычайно активного, жадного, массового открытия и изучения памятников зодчества X—XIII вв. — своеобразный «героический период» древнерусской архитектурной археологии. Чрезвычайно резко увеличивается число известных науке домонгольских монументальных сооружений, коренным образом меняются представления об истории искусства этого периода. Древнерусское зодчество — высшая форма проявления народного творчества, народного гения — приобретает особый вес в общей сумме исторических сведений о Руси. Подход к архитектурным сооружениям как к неисчерпаемым источникам исторического материала нашел наиболее полное отражение уже в 50-х годах в известной статье Н. Н. Воронина².

Комплексные археологические экспедиции открывают в 30—50-х годах десятки ранее известных лишь по названиям (или вообще неизвестных) каменных построек X—XIII вв. в Киеве, Новгороде, городах Владимиро-Суздальской земли и других княжеств. Работы, проводимые под руководством выдающихся историков — Н. Н. Воронина, М. К. Каргера,

Б. А. Рыбакова, увеличивают число известных памятников более чем втрое. На археологов ложится задача обобщения накопившегося материала, формулирование новых основных положений истории домонгольского зодчества и древнерусской культуры вообще. Эта задача успешно решалась в конце 40—50-х годов.

Грань нового периода в изучении археологами древнерусской архитектуры наметилась на рубеже 50—60-х годов. В это время подводятся итоги работе, появляются первые обзоры сделанного. Архитектурная археология вступала в 60-е годы триумфально, с богатейшим запасом материалов. В начале 60-х годов выходят в свет обобщающие капитальные монографии по архитектуре древнего Киева (М. К. Каргер) и Владимиро-Суздальской Руси (Н. Н. Воронин), подводившие в значительной степени черту под рядом вопросов истории искусства и культуры изучаемых княжеств³. Много нового стало известно и об архитектуре Новгорода, Чернигова, Переяславля-Южного. Общие итоги работе археологов на архитектурных памятниках с конца XIX в. и до 60-х годов были подведены в ряде обобщающих статей⁴. Все это свидетельствовало о наступлении определенного рубежа в изучении зодчества, об окончании большого этапа работ, о потребности оглянуться на пройденный путь.

Разумеется, он не был идеально гладким. Стремление открыть и исследовать как можно больше памятников, ограниченность возможностей работы в современных городах, не до конца изжитое тяготение к познанию в основном архитектурно-художественных особенностей памятника в ущерб строительно-техническим и даже историческим — вот отрицательные черты, сказавшиеся особенно в работах 30—40-х годов и чаще всего при раскопках архитекторов-реставраторов или местных ученых-краеведов.

Примерно с середины 60-х годов начался новый период архитектурно-археологических исследований, характеризующийся в целом более глубоким осознанием сложности, тонкости этих работ, повышенным вниманием к методической стороне исследований, исчерпывающему, многостороннему сбору информации об отдельном памятнике и полному охвату работами целых областей или городов. Целью настоящей статьи является характеристика первых 20 лет этого еще далекого от завершения периода, оценка всего того, что внесено им в историю культуры Руси, всего нового в самой архитектурной археологии как в сфере пересечения некоторых отраслей исторической науки на новом этапе ее развития.

Уже публикации начала 60-х годов отразили слабую изученность археологами (а следовательно, и в целом) архитектуры целого ряда областей Руси — в основном северо-западных и юго-западных, — а также недостаточное освещение сложных процессов, происходивших в домонгольском зодчестве в конце XII—первой трети XIII в. Так, опубликованная в 1964 г. работа М. К. Каргера о памятниках Смоленска наглядно продемонстрировала отрывочность, даже недостоверность материалов и информации, на которые пришлось опираться исследователю⁵. Немудрено, что центральной областью архитектурно-археологических работ в 60-х годах становится Смоленск, исследования в котором велись под руководством Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта. Эти исследования стали своеобразной лабораторией по разработке методов изучения монументальных сооружений. Обилие первоклассных, сравнительно хорошо сохранившихся памятников, относительно малая застроенность города современными зданиями — все это способствовало организации систематических, планомерных исследований, в результате которых за десять лет работы было исследовано 13 древних зданий, а общее число достаточно хорошо известных науке монументальных построек Смоленска достигло 19. Материалы исследований дали возможность подробно восстановить историю смоленского зодчества XII—XIII вв., сделать ряд важнейших выводов: о застройке первого каменного здания города — Успенского собора — южнорусскими (киевскими) мастерами, об организации местных кадров строителей в 40-х годах XII в. группой чернигов-

ских водчих; о начале обособления собственно смоленской архитектурной школы в 70 и 80-х годах и о воздействии на этот процесс в 80—90-е годы выработанного в Полоцке типа центрированного трехпритворного храма с динамичным силуэтом. Был в основном решен давно терзавший историков вопрос о происхождении сложнопрофилированных смоленских пилястр, сделаны важные наблюдения над строительной техникой, нарисована широкая картина яркого расцвета местного зодчества в конце XII—начале XIII в. На основе исследования смоленских памятников удалось выделить ряд несомненно смоленских построек в других городах: Новгороде, Киеве, Старой Рязани. Результаты исследований уже нашли отражение в капитальной публикации, и здесь нет необходимости останавливаться на них подробнее⁶.

Параллельно с исследованиями в Смоленске велись продолжающиеся и до сих пор раскопки в Полоцке и других городах северо-запада Руси. Работы ленинградских исследователей — М. К. Каргера, П. А. Раппопорта, В. А. Булкина в 60—70-х годах позволили по-новому представить историю полоцкого зодчества. Систематические раскопки вокруг Софийского собора и внутри него, проводившиеся начиная с 1975 г. В. А. Булкиным, позволили наконец окончательно решить вопрос о датировке западных апсид (они не одновременны основному объему), открыли целый ряд пристроек к собору⁷. Раскопанные в 1967—1968 гг. под руководством М. К. Каргера остатки храма на Верхнем Замке дали основание связать воедино историю развития смоленской и полоцкой архитектуры⁸. Не прекращаются начатые еще в 20-х годах Н. И. Бруновым и И. М. Ховеровым исследования знаменательного в истории древнерусской архитектуры ансамбля Спасо-Евфросиниевского монастыря, роскошный храм-сыпальница которого, вскрытый раскопками М. К. Каргера в 1961—1962 гг. и доследованный в 1976 г., построен несколько раньше знаменитого Спаса⁹. Другой крупный комплекс построек Полоцка — Бельчицкий монастырь, казавшийся потерянным для науки из-за почти полного разрушения, частично исследован в 1965 и 1977 гг. («Большой» храм)¹⁰. Наконец, в последние годы обнаружены и исследованы три новые домонгольские постройки: храмы «На рву»¹¹ и «На Нижнем Замке»¹², а также терем в детинце¹³. Чрезвычайно интересный храм Бориса и Глеба в Новогрудке (руины которого изучены М. К. Каргером в 1961—1962 и 1965 гг.) дает важный материал для заключений о взаимосвязях строительных групп Полоцка и Витебска XII в. благодаря последовательному участию в строительстве мастеров обоих центров¹⁴. В Новогрудке исследованы также остатки каменной оборонительной башни XII в.¹⁵ Небольшие архитектурно-археологические работы были проведены в 1968 г. на церкви Благовещения в Витебске в связи с необходимостью восстановления ее после уничтожения в 1961 г.¹⁶ До этого разведочные работы здесь проводил Г. В. Штыхов¹⁷. Появилась возможность реконструировать некоторые особенности памятника, ранее не известные (наличие трех притворов и развитого высокого докола).

Среди сооружений северо-западной Руси, исследованных в 60-е годы, особого внимания заслуживают остатки неоконченного храма XII в. на Замчище в Волковыске, относящегося к гродненской архитектурной школе. Начавшиеся еще в 50-х годах и вновь проводившиеся в 1966 г. раскопки вскрыли изумительно сохранившуюся древнюю строительную площадку¹⁸. Эти материалы, вплоть до настоящего времени остающиеся мало опубликованными, тем не менее послужили одной из основ для разработки вопроса об организации строительства в Древней Руси¹⁹.

Широкие археологические работы развернулись в 60—70-х годах на древнерусском Севере, охватив вместе с домонгольской и всю средневековую архитектуру. Большое значение для истории зодчества Новгорода имело археологическое раскрытие М. К. Каргером церкви Благовещения на Городище и исследование группы памятников XII в. (Никола-Дворищенский собор, церковь Бориса и Глеба в кремле), у которых были найдены остатки лестничных башен. Это дало возможность выделить

круг построек школы «мастера Петра» (церковь Благовещения 1103 г., Николо-Дворищенский собор 1113 г., Георгиевский собор Юрьева монастыря 1119 г.)²⁰.

Благодаря археологическим раскопкам стали известны церковь Успения Аркажского монастыря (1188—1189 гг.), изученная в 1962 г. экспедицией Новгородского исторического музея²¹, и церковь Пантелеймона (1207 г.) (раскопки П. А. Раппопорта в 1978 г.)²².

Характерно широкое участие в архитектурно-археологических работах сотрудников Новгородских реставрационных мастерских, исследовавших фундаменты храмов Петра и Павла на Синичьей горе, Благовещения близ Аркажского монастыря, храма 1198 г. в г. Старая Руса и других построек²³. Особенно важными были раскопки под руководством Г. М. Штендера в интерьере Софии Новгородской, давшие материал по внутреннему устройству алтарной части храма²⁴.

Существенно изменились благодаря археологическим раскопкам и наши представления о древних северных крепостях. В 70-е годы А. Н. Кирпичниковым в Старой Ладогe были открыты каменные крепостные стены IX—X вв.²⁵ (работы 1972, 1974—1975 гг.), а В. В. Седовым в Изборске — стены XI—XII вв.²⁶ Продолжалось и исследование культовой архитектуры Старой Ладоги (изучение остатков стен и фундаментов Никольской церкви второй половины XII в. в 1970, 1974—1975, 1979 гг.)²⁷.

В Пскове, где основное внимание привлекают архитектурно-археологические исследования памятников конца XIV—XVI вв., полностью вскрыта раскопками только одна домонгольская постройка — церковь Дмитрия Солунского (работы экспедиции Государственного Эрмитажа в 1965—1966 гг. под руководством В. Д. Белецкого)²⁸.

Несмотря на то что деятельность археологов центральных археологических учреждений в 60—70-х годах была обращена в первую очередь к изучению архитектуры северо-запада Руси (особенно это касается сектора славяно-финской археологии ЛОИА), история зодчества южнорусских княжеств также обогатилась многочисленными исследованиями новых памятников. В 50—60-х годах на Украине, прежде всего в Институте археологии Академии наук УССР, сформировались собственные кадры исследователей зодчества домонгольского периода, под руководством которых и осуществляются основные архитектурно-археологические работы, что не исключает, конечно, широкого участия в исследованиях ученых Москвы и Ленинграда.

Киев — колыбель русской архитектурной археологии, ставший уже с начала XIX в. центром активных поисков и исследований домонгольских сооружений, в 30—50-х годах XX в. подвергавшийся архитектурным раскопкам больше любого другого города, наглядно продемонстрировал в 60—70-х годах, что «запасы» древних построек в нем еще далеко не исчерпаны. Благодаря работам киевских археологов был введен в научный оборот ряд новых памятников и собрано много дополнительных сведений по уже известным. Чрезвычайно важным, ключевым для истории домонгольской архитектуры является открытие в 1963, 1974—1975 гг. Кловского собора Богородицы Влахерны, построенного на рубеже XI—XII вв., близкого по строительной технике к Десятинной церкви²⁹. Очень интересны также здания конца XII—начала XIII в. — фрагмент храма в Копыревом конце Киева (исследования 1967 г.)³⁰ и «киевская ротонда» — центрическое одностолпное здание (исследования 1975—1976 гг.)³¹. Большой интерес представляет новое открытие дворца на Старокиевской горе (в бывшей усадьбе Петровского)³². К сожалению, материалы исследования этого дворца пока не опубликованы. Делались попытки доследовать и другие дворцы, были открыты остатки домонгольского храма в урочище Церковщина на южной окраине Киева³³.

Неотрывной частью киевской архитектурной археологии продолжает оставаться изучение памятников, разрушенных сравнительно недавно или сохранившихся, но перестроенных. Крупным событием в этой об-

ласти стало полное исследование остатков храма Успения Богородицы Пирогощи на Подоле (1131—1135 гг.), разобранного в 30-х годах (работы Института археологии АН УССР 1976—1978 гг.)³⁴. При работах выяснились оригинальные черты строительной техники — чрезвычайно глубокие (более 3,6 м) фундаменты, использование кирпича с «волнистой» поверхностью и т. д. В 60—70-х годах была завершена огромная работа по разборке руин и архитектурно-археологическому исследованию знаменитого Успенского собора Киево-Печерского монастыря, погибшего во время Великой Отечественной войны. Последний этап работы — 1970—1971 гг. — был посвящен очистке западной части храма и Иоанно-Предтеченской церкви, а также общему изучению интерьера собора и строительной техники³⁵. В результате руководителю исследований Н. В. Холостенко удалось сделать ряд важных заключений относительно ритуала закладки памятника и организации строительных работ, собрать обильный материал для дальнейших исследований техники.

Неизменно привлекают к себе внимание уже неоднократно изучавшиеся памятники. Так, в 1971—1972 гг. при реставрационных работах был археологически изучен интерьер Михайловского собора Выдубицкого монастыря, что позволило определить следы несколько более поздней, чем основной объем, достройки нартекса и некоторые исчезнувшие сейчас фрагменты внутреннего убранства³⁶. При раскопках 1971—1972 гг. вокруг Золотых ворот удалось существенно уточнить данные об их конструкции, особенно о связи с примыкающей частью валов³⁷.

Наконец, раскопки в Киеве позволили накопить некоторые материалы по истории строительства и связанного с ним производства. Здесь изучены довольно хорошо сохранившиеся фрагменты строительных площадок, организованных при возведении архитектурных ансамблей X—XI вв. В их числе — комплекс печей конца X в. для обжига кирпича³⁸ и впервые в истории изучения домонгольского строительства целый ряд печей для отжига извести (30—40-е годы XI в.)³⁹.

Примерно так же развивалось исследование в 60—70-е годы древних памятников Переяславля-Южного. В основном составленная на основе раскопок 50-х годов картина монументального строительства XI—XII вв. пополнялась и уточнялась. Работы предыдущего этапа были закончены раскрытием в 1959—1963 гг. великолепного комплекса епископского «замка» — гражданской постройки и проездных ворот XI в.⁴⁰ В 1974—1975 гг. повторно изучались (после раскопок в 40—50-х годах под руководством М. К. Каргера) остатки собора Михаила Архангела⁴¹.

Важным дополнением к материалам истории южнорусского зодчества стали исследования двух храмов в Белгороде Киевском, впервые раскопанных еще В. В. Хвойкой: храма Двенадцати апостолов, вновь исследованного в 1966—1967 гг. под руководством Г. Г. Мезенцевой и Ю. С. Асеева⁴², и «малого храма», полностью изученного в 1968—1969 гг. под руководством Б. А. Рыбакова⁴³. Результаты этих работ, к сожалению, опубликованы лишь частично.

В Чернигове, одном из крупнейших центров домонгольского каменного строительства, широкие археологические исследования памятников зодчества в основном завершились в конце 50-х—начале 60-х годов раскопками двухкамерного терема XI в. (1959—1960 гг.)⁴⁴ и Борисоглебского собора (1959—1961 гг.)⁴⁵. Архитектурно-археологические исследования, проводившиеся в 60—70-е годы под руководством Н. В. Холостенко и связанные с реставрацией, дополнили наши сведения об интерьере Ильинской церкви (1964—1965 гг.)⁴⁶ и Спасского собора (1966—1969 гг.)⁴⁷.

Важные сведения по истории зодчества Северной земли дали работы, проведенные в Путивле. Раскрытый здесь под руководством В. А. Богусевича в 1959—1961 гг.⁴⁸ необычный храм с боковыми капеллами-певницами был частично изучен в 1965 г. Б. А. Рыбаковым, что привело к существенной передатировке памятника — 30-е годы XIII в. вместо второй половины XII в.⁴⁹

Необходимо, наконец, упомянуть два памятника, открытые в Турове и Трубчевске и тяготеющие к южнорусскому зодчеству. Храм в Турове, датирующийся серединой—второй половиной XII в., относится к типу крупных трехнефных шестистолпных храмов и несет на себе следы большой катастрофы, связанной, по-видимому, с инженерным просчетом, и последующих ремонтов⁵⁰. Четырехстолпная церковь в Трубчевске принадлежит к черниговской архитектурной школе конца XII—начала XIII в.⁵¹

Все еще недостаточно изученным остается зодчество юго-западной Руси, хотя работы здесь постепенно активизируются. В 1975 г. П. А. Раппопорт повторил раскопки А. В. Прахова «Старой Кафедры» во Владимире-Волынском и получил очень существенную информацию, не только уточнив план и особенности строительной техники, но и открыв под фундаментами храма второй половины XII в. остатки маленькой, более древней церкви⁵².

Начинают накапливаться материалы о домонгольском зодчестве Галицкой Руси. К открытой в 1960—1961 гг. в Перемышле четырехстолпной церкви⁵³ добавились материалы об остатках стен и башен древнерусской крепости Львов XII—XIII вв., изученных в 1975—1976 гг. экспедицией Института общественных наук УССР⁵⁴. В 1965—1972 гг. под руководством А. А. Ратича был исследован и частично опубликован дворцовый комплекс в Звенигороде на Белке (включавший руины дворца и церкви)⁵⁵. С 1977 г. начато систематическое изучение галицкого зодчества: в 1977—1978 гг. раскопаны остатки деревянной церкви XII в. в Звенигороде, в 1979 г. заново раскопана известная по материалам работ XIX в. постройка «полигон», оказавшаяся небольшой церковью с планом в форме квадрифолия⁵⁶.

Вне сферы активного археологического изучения временно оказались памятники Владимиро-Суздальской Руси, что, разумеется, не может быть оправдано существованием капитального труда Н. Н. Воронина, поскольку значительное количество построек XII—XIII вв. все еще не найдено, да и существующие памятники требуют дальнейшего изучения, а в ряде случаев, быть может, и некоторого пересмотра наших представлений о них. Думается, что постепенное накопление вопросов скоро заставит искать ответы на них в новых раскопках.

Более активно сферу архитектуры затронула археологическая деятельность в Старой Рязани. Здесь были повторно изучены с целью уточнения плана и музеефикации остатки Спасского собора (1968 г.)⁵⁷ и церкви в Новом Ольгове Городке (1970 г.)⁵⁸ — памятники, тесно связанные со смоленской архитектурной школой, а в последние годы (1979 г. работы под руководством В. П. Даркевича) — и части руин Борисоглебского храма середины XII в.

Подводя итоги полевому изучению памятников русской домонгольской архитектуры в 60—70-х годах, можно с уверенностью говорить о существенном обогащении как общего фонда исследованных зданий X—XIII вв., так и научных сведений о многих постройках. В общей сложности серьезными археологическими работами было затронуто более 70 памятников, из которых примерно 33 впервые введены в научный оборот. Обогатились наши знания об истории домонгольского зодчества, в совершенно новом свете предстали многие архитектурные школы — особенно смоленская, полоцкая; изменились представления о взаимосвязях отдельных строительных традиций — переяславской и волынской, рязанской и черниговской; все более рельефно выступают характерные черты древнерусской строительной техники, одеваются плотью схематичные ранее представления о средневековом строительстве.

Необходимо добавить, что в 60—70-е годы был введен в научный оборот ряд материалов археологических раскопок, до того времени не опубликованных и послуживших теперь для новых умозаключений и реконструкций. Так, были опубликованы материалы исследований церкви Василия в Овруче⁵⁹, материалы исследований раскопанной Б. А. Рыба-

ковым Михайловской церкви (1174 г.) в Чернигове⁶⁰, данные об изучении Батыевых ворот в Киеве⁶¹ и информация о раскопках храма-квадрифолия в с. Побережье в 1959 г.⁶² Обработаны материалы раскопок М. К. Каргером церкви Михаила в Переяславле.

Постоянное накопление сведений по русской домонгольской архитектуре в 60—70-е годы настойчиво требовало переосмысления в двух планах — необходимо было обобщать данные для использования их в общей истории искусства и культуры, а с другой стороны, оценивать процессы внутри самой архитектурной археологии, искать пути дальнейшего совершенствования ее как с точки зрения методики, так и в первую очередь в вопросах исторической интерпретации накапливаемых материалов (как известно, эта сторона проблемы — вообще одна из самых болезненных в современной археологии). Наконец, назрела потребность уточнения отдельных информации — и в первую очередь датировок — на научной основе. Имевшиеся в наличии данные позволяли приступить к решению указанных проблем, что и вызвало к жизни целый ряд общих и локальных исследований — теоретических и конкретно-научных — в сфере архитектурной археологии.

Вопросы совершенствования методики полевых работ при раскопках архитектурных сооружений получили трактовку в специальной статье П. А. Раппопорта, основывающегося на многолетнем опыте подобных исследований⁶³. Основное внимание в статье было обращено на изучение технико-строительных особенностей здания, процесса его возведения. В новом издании «Методики реставрационных работ» археологическому изучению сооружений и особенно окружающего их культурного слоя был посвящен специальный раздел⁶⁴.

Конкретная полевая практика архитектурно-археологических работ в настоящее время постепенно избавляется от главного недостатка большинства раскопок предшествующего периода — от стремления во что бы то ни стало получить в первую очередь общий план здания, пусть даже ценой утраты некоторого количества стратиграфических данных, поскольку руины при этом отрезались от окружающего слоя и оказывались как бы в «стерильном» пространстве, «очищенными» от исторического контекста. Важными положительными примерами «микростратиграфического» исследования архитектурных сооружений стали уже упоминавшиеся работы Б. А. Рыбакова в Путивле и Белгороде Киевском в 1965 г. Раскопав всего одну из «певниц» храма на Городке в Путивле (почти полностью раскрытого в 1960 г. В. А. Богусевичем), исследователь сопоставил данные стратиграфии, говорившей о полном возведении объема (судя по прогнутости слоев от осадки здания) и почти немедленном разрушении его при монгольском нашествии. Так, путивльский храм получил необычную (для неизвестного здания) по точности, стратиграфически обоснованную дату⁶⁵. При исследовании в 1968—1969 гг. храма в Белгородке Б. А. Рыбаков применил метод последовательного изучения памятника с помощью широких траншей, позволявших получить многочисленные стратиграфические разрезы, сопоставление которых дало возможность полностью разобраться в сложной строительной истории участка — в соотношении «малого» и «большого» храмов, а также изучить остатки предшествовавшей деревянной церкви, майоликовый пол которой обнаружился в фундаментных рвах «малого» храма. Удалось также полностью зафиксировать план храма (чрезвычайно плохо сохранившегося), не прибегая при этом к «окопке» его по периметру.

Высокий методический уровень имели и раскопки 60-х годов в Смоленске. Так, глубокое изучение памятников конца XII—начала XIII в. позволило П. А. Раппопорту с целью сохранения культурного слоя и остатков сооружения для будущих исследователей удовлетвориться вскрытием лишь половины (северной) Троицкого собора Кловского монастыря и реконструировать вторую половину на основе полученных данных. Таким образом была обеспечена возможность контрольных рас-

копок и последующей музеефикации руин⁶⁶. Исполненная впоследствии (1978 г.) геофизическая съемка нетронутого участка подтвердила реконструкцию плана собора.

Следует отметить, что 60—70-е годы — время оживления исследований в области истории строительной технологии. Вновь после перерыва (чуть не с 30-х годов!) получены и опубликованы серии анализов домонгольских строительных растворов (по смоленским памятникам и храму в Тмутаракани)⁶⁷. Снова привлекли внимание знаки на древнерусских кирпичах, были сделаны попытки собрать их и использовать для изучения организации строительства на Руси и, возможно, для датировки. В результате удалось установить, что функциональное назначение знаков варьирует в зависимости от периода и местной архитектурной традиции⁶⁸. На материале смоленских памятников П. А. Раппопорт пришел к выводу о производственно-технологическом назначении знаков на кирпиче, связанном с его формовкой и сушкой или, скорее, с партией одного обжига⁶⁹. Хотя, по признанию самого исследователя, такое предположение не разрешает всех вопросов, однако пока что — это первая обоснованная попытка положительного ответа на них.

Массовые исследования строительных материалов памятников, открытие значительного количества кирпичеобжигательных печей (в Смоленске, Киеве, Чернигове) позволили, наконец, детальнее разработать и обосновать метод датировки кирпича по его формату, определить общую степень «разброса» параметров, составить надежную хронологическую таблицу, правда, пока лишь для Смоленска⁷⁰. Также проводились и ждут обобщения широкие обмеры кирпича зданий иных городов (прежде всего Киева).

Успешно разрабатывались в 60—70-е годы вопросы интерпретации накопленных архитектурной археологией материалов и включения их в общий контекст истории культуры и искусства. Сопоставление данных археологических раскопок с материалом исследований «живых» памятников позволило Ю. С. Асееву существенно изменить современные представления о развитии зодчества южной (Приднепровской) Руси в период конца XII—начала XIII в.; доказать, что и на последнем этапе в развитии архитектуры киевских и черниговских земель не было заметно признаков упадка; наметить основные характерные черты этого этапа, связанные с усилением воздействия вкусов и представлений посада в сфере культуры феодального города⁷¹. Близки по направлению и исследования П. А. Раппопорта, посвященные вопросам развития древнерусского зодчества в период XII—начала XIII в.⁷² В них на основе обобщения обширной новой информации поднимаются вопросы исторических и стилевых закономерностей в становлении местных архитектурных школ отдельных княжеств и накопления затем в них признаков, свидетельствующих о единых (или сходных) тенденциях в выработке типа городского храма — динамичного, устремленного ввысь, характеризующегося цельностью соподчиненных объемов. Нетрудно заметить здесь сходство, параллельность процессов с общеевропейской средневековой тенденцией архитектурного развития, нашедшей высшее выражение в «вертикализме» готики. Сходны и социальные основы этих тенденций — активное вторжение городской культуры в мир «классического» средневековья на позднем этапе его развития, в период складывания предпосылок для ликвидации феодальной раздробленности. В этой связи становится понятным образование во многих (если не во всех) локальных русских архитектурных школах конца XII—начала XIII в. основы для явственно намечавшейся интеграции в рамках единой стилиевой линии, которой в силу трагически сложившейся исторической судьбы русской средневековой культуры суждено было реализоваться значительно позже и в измененных условиях.

Большое внимание в 70-е годы было уделено самоосмыслению древнерусской архитектурной археологии как особой области на стыке ряда гуманитарных наук. Подобный подход потребовал детального изучения

всего пути, пройденного ею от зарождения в результате первых раскопок памятников древнего зодчества до превращения в важнейшую сферу истории средневековой культуры в начале XX в. Источниковедческие и историографические изыскания в этой области стали основой для специальной работы, осуществленной на кафедре археологии МГУ автором данной статьи⁷³. В работе поднимались также вопросы современного состояния архитектурной археологии, в частности вопросы методики раскопок и интерпретации материалов полевых работ. В качестве примера для демонстрации возможностей этой среды науки в области исторических исследований была избрана проблема организации строительных работ в Древней Руси в их развитии с конца X до начала XIII в. На основе обобщения пока еще немногочисленных данных (археологических, литературных, искусствоведческих и др.) был решен вопрос о производстве искусственных строительных материалов на месте строительства, намечены возможные пути взаимосвязи профессиональных строителей с городскими ремесленниками, работающими на рынок; гипотетически проследован социальный облик групп древнерусских строителей: в конце X—начале XI в. — это единственная на Руси «артель», находящаяся в распоряжении киевского князя и, видимо, зависящая от него; в начале XII в. собственная группа «епископских» строителей начинает работать в Переяславле. Эти два типа социально-зависимых «артелей» прослеживаются в зодчестве Руси на протяжении всего домонгольского этапа, причем в нескольких городах (Смоленск, Полоцк и др.). Возможность появления свободно нанимаемых строителей можно допустить в конце этого периода лишь для Новгорода. Наконец, было определено строение «артели», всегда имевшей «вертикальный» характер и включавшей мастеров всех основных специальностей — от проектировщиков до изготовителей материалов (конечно, со свойственной средневековой возможностью взаимозамены) во главе, по-видимому, с «главным мастером». Работы, требовавшие массового участия чернорабочих, выполнялись в форме феодальной повинности или даже на условиях свободного найма.

Работы над обобщением материалов древнерусской архитектурной археологии находятся в разгаре. Потребность в подробном всеобъемлющем корпусе материалов по памятникам X—XIII вв., изучавшимся археологически (а это, по сути дела, все домонгольские памятники), очень велика. В настоящее время такой обобщающий труд подготовлен П. А. Раппопортом к выходу в серии «Свод археологических источников».

Нет никакого сомнения, что история зодчества и культуры Древней Руси в целом будет и впредь пополняться материалами широких и серьезных археологических исследований, как полевых, так и теоретических.

¹ *Бакланов Н. Б.* Записка об учреждении при Академии Истории материальной культуры постоянной комиссии по архитектуре (1920 г.). — *Арх. ЛОИА*, № 1237, л. 1 об.

² *Воронин Н. Н.* Архитектурный памятник как исторический источник: (Заметки к постановке вопроса). — *СА*, 1954, т. XIX, с. 41—76.

³ *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1961. Т. 2; *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961, 1962. Т. 1, 2.

⁴ *Воронин Н. Н.* Работы советских археологов в области истории русского зодчества X—XIII вв. — В кн.: *Материалы научной конференции, посвященной 40-летию советского искусствознания*. М., 1958, с. 118—130; *Раппопорт П. А.* Археологические исследования памятников русского зодче-

ства X—XIII вв. — *СА*, 1962, № 2, с. 61—80.

⁵ *Каргер М. К.* Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964.

⁶ *Воронин Н. Н.*, *Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв., Л., 1979.

⁷ См. краткие ежегодные информации об этих работах в сборниках «Археологические открытия» начиная с 1976 г.

⁸ *Каргер М. К.* К истории полоцкого зодчества XII в.: (Руины вновь открытого храма на Верхнем Замке). — В кн.: *Новое в археологии*. М., 1972, с. 202—209.

⁹ *Каргер М. К.* Храм-усыпальница в Евфросиниевском монастыре в Полоцке. — *СА*, 1977, № 2, с. 240—247.

¹⁰ *Раппопорт П. А.* Полоцкое зодчество XII в. — *СА*, 1980, № 3.

¹¹ Там же.

- ¹² Там же.
- ¹³ *Раппопорт П. А., Шолохова Е. В.* Дворец в Полоцке. — КСИА, 1981, вып. 164; *Булкин В. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М.* Раскопки памятников архитектуры в Полоцке. — АО 1976 г. М., 1977, с. 401.
- ¹⁴ *Каргер М. К.* Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке. — КСИА, 1977, вып. 150, с. 79—95.
- ¹⁵ *Ткачев М. А.* Исследование памятников оборонного зодчества Белоруссии. — АО 1970 г. М., 1971, с. 307—308.
- ¹⁶ *Каргер М. К.* Церковь Благовещения в Витебске. — КСИА, 1978, вып. 155, с. 71—76.
- ¹⁷ *Штыгов Г. В.* Археологические раскопки в Витебске. — В кн.: Материалы IX конференции молодых ученых. Минск, 1965, с. 61—67.
- ¹⁸ *Зверуго Я. Г.* О строительном материале храма XII в. на Волковыском Замчище. — В кн.: Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, с. 153—161; *Каргер М. К.* К вопросу о памятниках зодчества XII в. в Волковыске. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 420—429.
- ¹⁹ *Беляев Л. А.* Архитектура Древней Руси (конец X—начало XIII в.) по данным археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975, с. 14.
- ²⁰ *Каргер М. К.* Памятники древнерусского зодчества: (Новые архитектурно-археологические открытия в Новгороде). — Вестн. АН СССР, 1970, № 9, с. 79—85; Раскопки производились в 1966 г. (церковь Благовещения на Городище) и в 1969 г. (остальные памятники).
- ²¹ *Орлов С. Н., Красноречьев Л. Е.* Археологические исследования на месте Аркажского монастыря под Новгородом. — В кн.: Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967, с. 69—76.
- ²² *Раппопорт П. А.* Церковь Пантелеймона в Новгороде. — См. наст. вып. КСИА.
- ²³ *Штендер Г. М.* Новгородское зодчество: (Работы Новгородской реставрационной мастерской за 20 лет). — В кн.: Древнерусское искусство: (Художественная культура Новгорода). М., 1968, с. 352—353.
- ²⁴ *Штендер Г. М.* К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской. — Там же, с. 83—108.
- ²⁵ *Киричников А. Н.* Ладога и Переяславль-Южный — древнейшие каменные крепости на Руси. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. М., 1977, с. 417—434.
- ²⁶ См. информации о работах в Изборске в АО 1977 и 1978 гг.
- ²⁷ *Гусева О. Г., Иоаннисян О. М., Стеценко Н. К.* Исследование Никольского собора в Старой Ладоге. — См. наст. вып. КСИА.
- ²⁸ *Белецкий В. Д.* Поиски древнейшего памятника архитектуры средневекового Пскова — церкви Дмитрия Солунского постройки 1144 г. — В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1965 г. Л.; М., 1966, с. 13—16 (а также другие публикации В. Д. Белецкого).
- ²⁹ *Асеев Ю. С., Харламов В. О., Мовчан И. И.* Дослідження архітектури Кловського собору в Києві. — Археологія, 1979, № 30, с. 37—46.
- ³⁰ *Толочко П. П., Асеев Ю. С.* Новый памятник архитектуры древнего Киева. — В кн.: Древнерусское искусство: (Художественная культура домонгольской Руси). М., 1972, с. 80—87.
- ³¹ *Боровский Я. Э., Толочко П. П.* Київська ротонда. — В кн.: Археологія Києва. Дослідження і матеріали. Київ, 1979, с. 90—100.
- ³² Дворец открыт в 70-х годах. См.: *Толочко П. П.* Нове у вивченні Київва. — Археологія, 1978, № 26, с. 92.
- ³³ Там же. См. также: *Толочко П. П., Килиевич С. Р.* Раскопки на Старокиевской горе. — АО 1966 г. М., 1967, с. 246—247.
- ³⁴ См. информации о раскопках в АО 1976, 1977 и 1978 гг.
- ³⁵ Руины разбирались в три этапа: 1951—1952, 1962—1963, 1970—1971 гг. См. об этом: *Холостенко М. В.* Успенський собор Печерського монастиря. — В кн.: Стародавній Київ. Київ, 1975, с. 107—170.
- ³⁶ *Мовчан И. И.* Археологічні дослідження на Видубичах. — Там же, с. 80—106.
- ³⁷ *Высоцкий С. О., Лопушинская Е. И., Холостенко М. В.* Архитектурно-археологичні дослідження Золотих воріт у Києві у 1972—1973 рр. — В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1976, с. 63—85.
- ³⁸ *Килиевич С. Р.* До питання про будівельну справу в Києві в X ст. — В кн.: Археологія Києва: Дослідження і матеріали. Київ, 1979, с. 11—18.
- ³⁹ *Толочко П. П.* Нове у вивченні Києва..., с. 91.
- ⁴⁰ *Асеев Ю. С., Сикорский М. Н., Юра Р. А.* Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславле-Хмельницком. — СА, 1967, № 1, с. 199—214; *Юра Р. О.* Стародавній ворота в Переяславі-Хмельницькому. — Український Істор. ж., 1961, № 2, с. 155—157.
- ⁴¹ *Асеев Ю. С., Харламов В. А., Сикорский М. Н.* Исследования Михайловского собора в Переяславе-Хмельницком. — В кн.: Славяне и Русь. Киев, 1979, с. 122—137. Материалы раскопок М. К. Каргера также обработаны. См.: *Малевская М. В., Раппопорт П. А.* Церковь Михаила в Переяславе. — Зограф. Белград, 1980, № 10.
- ⁴² *Асеев Ю. С.* Дослідження собору в Білгороді. — Образотворче мистецтво, 1970, № 1.
- ⁴³ *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Белгороде Киевском. — АО 1968 г. М., 1969, с. 330—332; *Рыбаков Б. А., Николаева Т. В.* Раскопки в Белгороде Киевском. — АО 1969 г. М., 1970, с. 285—287.
- ⁴⁴ *Холостенко Н. В.* Черниговские каменные терема XI в. — В кн.: Архи-

- тектурное наследство, 1963, т. 15, с. 3—17.
- ⁴⁵ *Холостенко Н. В.* Исследования Борисо-Глебского собора в Чернигове. — СА, 1967, № 2, с. 189—220.
- ⁴⁶ *Холостенко Н. В.* Ильинская церковь в Чернигове по исследованиям 1964—1965 гг. — В кн.: Древнерусское искусство. М., 1972, с. 88—103.
- ⁴⁷ *Холостенко Н. В.* Мощеница Спаса Черниговского. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1975, с. 199—201.
- ⁴⁸ *Бозусевич В. А.* Розкопки в Путивльскому кремлі. — Археологія, 1963, т. 15, с. 165—174.
- ⁴⁹ *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Путивле. — АО 1965 г. М., 1966, с. 154—155.
- ⁵⁰ *Каргер М. К.* Новый памятник зодчества XII в. в Турове. — КСИА, 1965, вып. 100, с. 131—133.
- ⁵¹ *Раппопорт П. А.* Трубчевск. — СА, 1973, № 4, с. 205—217.
- ⁵² *Раппопорт П. А.* «Старая Кафедра» в окрестностях Владимира-Волынского. — СА, 1977, № 4, с. 253—266.
- ⁵³ Раскопки под руководством А. Жаки.
- ⁵⁴ *Багрий Р. С. и др.* Раскопки во Львове. — АО 1975 г. М., 1976, с. 298; *Багрий Р. С., Могытыч И. Р., Свешников И. К.* Работы древнерусского отряда Львовской экспедиции. — АО 1976 г. М., 1977, с. 264—265.
- ⁵⁵ *Ратич О. О.* Літописний Звенигород. — Археологія, 1973, т. 12, с. 87—94.
- ⁵⁶ *Иоаннисян О. М.* Центрические постройки в галицком зодчестве. — См. наст. вып. КСИА; см. также *Каргер М. К.* К истории галицкого зодчества XII—XIII вв. — КСИА, 1976, вып. 146, с. 53—59.
- ⁵⁷ *Монгайт А. Л., Чернышев М. Б.* Спасский собор в Старой Рязани. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 210—216.
- ⁵⁸ *Монгайт А. Л., Раппопорт П. А., Чернышев М. Б.* Церковь Нового Ольгова городка. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 163—167.
- ⁵⁹ *Раппопорт П. А.* Церковь Василия в Овруче. — СА, 1972, № 1, с. 82—97.
- ⁶⁰ *Беллев Л. А.* Из истории зодчества древнего Чернигова. — В кн.: Проблемы истории СССР. М., 1974, с. 3—18.
- ⁶¹ *Самойловський М.* Міська брама X ст. у Києві. — Археологія, 1965, т. 19, с. 183—188.
- ⁶² *Каргер М. К.* К истории галицкого зодчества XII—XIII вв., с. 53—59.
- ⁶³ *Раппопорт П. А.* О методике раскопок археологических памятников древнерусского зодчества. — КСИА, 1973, вып. 135, с. 17—22.
- ⁶⁴ *Беллев Л. А.* Раскопки: (Археологический комплекс). — В кн.: Методика реставрации памятников архитектуры. М., 1977, с. 58—61.
- ⁶⁵ *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Путивле, с. 154—156; *Он же.* Раскопки в Белгороде Киевском, с. 330—333; *Рыбаков Б. А., Николаева Т. В.* Раскопки в Белгороде Киевском, с. 285—287.
- ⁶⁶ *Раппопорт П. А.* Собор Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске. — СА, 1975, № 4, с. 235—248.
- ⁶⁷ *Медникова Е. Ю., Раппопорт П. А., Селиванова Н. Б.* Изучение древнесмоленских строительных растворов. — КСИА, 1978, вып. 155, с. 44—56; *Значко-Яворский И. Л.* Исследование строительных растворов церкви 1023 г. в Тмутаракани. — СА, 1979, № 1, с. 210—217.
- ⁶⁸ *Беллев Л. А.* Из истории древнерусского строительного ремесла: (Знаки и клейма на древнерусских кирпичах). — В кн.: Проблемы истории СССР. М., 1973, с. 436—456.
- ⁶⁹ *Раппопорт П. А.* Знаки на плинфе. — КСИА, 1977, вып. 150, с. 28—33.
- ⁷⁰ *Раппопорт П. А.* Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича. — СА, 1976, № 2, с. 83—93.
- ⁷¹ *Асеев Ю. С.* Зодчество Приднепровской Руси конца XII—первой половины XIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975.
- ⁷² *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв. — В кн.: Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 12—29; *Он же.* О взаимосвязи русских архитектурных школ в XII в. — Тр. ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Сер. Архитектура. Л., 1963, вып. 3, с. 3—25. См. также: *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. М., 1970.
- ⁷³ Работа была защищена в качестве кандидатской диссертации. См.: *Беллев Л. А.* Архитектура Древней Руси...

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ФРАГМЕНТОВ

Вряд ли кто будет сомневаться в том, что памятник архитектуры только тогда может быть всесторонне познан, когда исследуется в своем назначении, в историческом действии, в несении общественной роли, короче говоря — функционально. Многообразие ролей-назначений памятников даже в границах одного видového круга обуславливает многообразие их структур, находящихся, однако, между собой в определенных системных отношениях. Все это повышает интерес к структурно-функциональному методу исследования¹, без которого невозможна никакая содержательная типология архитектуры.

Относительно типологии следует заметить, что прежде, чем стать типологией в широком смысле, т. е. равнозначной для разнонациональных синхронных архитектур², она должна оформиться в национальном плане и диахронно, приобрести однолинейно-историческое выражение.

Нельзя сказать, чтобы такие типологические построения не предпринимались в изучении древнерусской архитектуры. Рассмотрение, например, культовых памятников XI—XVII вв. с точки зрения планово-конструктивных особенностей их крестово-купольной структуры (пятинефные, трехнефные, бесстолпные, четырехстолпные, шестистолпные, одноглавые, пятиглавые и т. п. храмы) есть не что иное, как историческая типология. Надо, однако, признать, что если «никакое типологизирование не может обойтись без упрощения»³, то описанная типология особенно упрощена и прежде всего потому, что чисто формальна, не включает моменты содержания. Иначе говоря, она не функциональна⁴.

Между тем именно с такой типологией, основанной, по существу, только на иконографических признаках, приходится иметь дело археологу, когда он сталкивается при раскопках с теми или иными архитектурными фрагментами (остатками стен, столбов и пр.). Будучи в достаточной степени знаком с иконографией древнерусской архитектуры, он в состоянии определить, подчас по далеко не полным фрагментам, что перед ним, например, шестистолпный или четырехстолпный храм. Естественно, что чаще всего в подобных ситуациях оказываются археологи, ведущие раскопки городищ или территории городов домонгольского времени, архитектурные памятники которых (главным образом храмы) сохранились только в фундаментах.

Иконографическая типология, которую можно было бы назвать формально-технической, все же обладает известной исторической информативностью, поскольку археолог, фиксируя, что перед ним остатки архитектурного памятника того или другого типа, уже применяет функциональный аспект. Более того. По этим остаткам нередко создаются выразительные реконструкции, причем не только планов, но и архитектурных объемов. Здесь функциональный аспект играет, конечно, более активную роль.

И все же надо признать, что такие реконструкции, если они к тому же не основаны на пропорциональных закономерностях⁵, нередко бывают ошибочными. В прошлом так обстояло дело с интерпретацией архитектурных фрагментов громадного храма Бориса и Глеба, раскопанных в несколько приемов (1816, 1860, 1874 гг.) в киевском Вышгороде. Храм первоначально был признан за шестистолпный, трехнефный, но М. К. Каргер позднее (1936—1937 гг.) показал, что это был восьми-столпный храм, необычайно вытянутый вдоль западно-восточной оси⁶. Для этого потребовались не только дополнительные раскопки, но изуче-

ние всей истории соперничества киевских и черниговских князей вокруг культа Бориса и Глеба, в котором и обрисовалась полностью историческая функция этого храма-мавзолея, как назвал его М. К. Каргер. Вместе с этим, естественно, была глубже познана и его архитектура.

Не менее яркий пример продуктивности функционального аспекта при интерпретации архитектурно-археологических фрагментов дает история реконструкции киевской же церкви Спаса на Берестове.

Долгое время этот храм, сохранившийся только в своей западной части и в XVII в. примитивно «восстановленный» в виде поперечного нефа, к которому с востока примкнули три апсиды (!), считался постройкой князя Владимира I. Лишь со времен П. А. Лошкарева (конец XIX в.) историки стали склоняться к тому, что это — постройка Владимира Мономаха. Наконец, было признано, что церковь Спаса на Берестове представляла родовую усыпальницу Мономаха. В соответствии с уточнением функции храма, наполнением его историческим содержанием происходило осмысление и архитектурных форм здания. Уже П. А. Лошкарев считал, что первоначальный храм был гораздо большим. П. П. Покрышкин, хорошо знающий архитектурную иконографию, предположительно реконструировал его план в виде шестистолпного храма. Но только полное функциональное осмысление всех архитектурно-археологических фрагментов дало возможность М. К. Каргеру воссоздать план здания в его истинных формах⁷.

Нелишне напомнить, что продолжающиеся дискуссии вокруг реконструкции Н. Н. Ворониным храма Покрова на Нерли с открытыми галереями объясняются слишком узким пониманием архитектурной функции археологических остатков этих галерей. Функциональный аспект обязан включать все многообразие функций памятника, начиная с технических и кончая идеологическими.

Если перейти от домонгольского периода к архитектуре Московского государства, то для иллюстрации нашей мысли не найти лучшего примера, как реконструкция архитектурного облика первых Успенских соборов Московского Кремля — соборов 1326 и 1472 гг. Надо заметить, что первые реконструкции их предприняты еще тогда, когда в распоряжении исследователей не имелось никаких археологических данных, а были только письменные материалы. Поэтому ни реконструкция А. И. Некрасова (1929), ни реконструкция К. К. Романова (1944) не отличались точностью. Оба исследователя считали, что Успенский собор 1326 г. был небольшим храмом в духе Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском, а Успенский собор 1472 г., наоборот, громадным, но квадратным в плане (!) собором⁸. Картина существенно изменилась, когда под полом ныне существующего Успенского собора начались археологические работы (археолог Н. С. Шеляпина, архитектор В. И. Федоров), в результате которых были обнаружены архитектурные фрагменты Успенских соборов 1326 и 1472 гг. От первого Успенского собора археологически зафиксированы основание юго-западного столба и часть смежной с ним южной стены. От второго найдены основания нескольких столбов западной части здания⁹.

Предварительная реконструкция по этим небольшим частям общих планов сооружений еще не выполнена графически, но стала возможной теоретически и именно благодаря тому, что открытые архитектурные фрагменты были рассмотрены функционально.

Выяснилось, что первый Успенский собор был гораздо больше Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском, а второй Успенский собор не трехнефный, а пятинефный. Но функциональный подход этим не заканчивается, а только начинается.

Функциональный аспект в интерпретации архитектурно-археологических фрагментов состоит не столько в их иконографической реконструкции, сколько в иконологическом раскрытии всего историко-архитектурного содержания памятника, его символики, его архитектурной образ-

ности, т. е. всего того, в чем выражались как ведущие идеи эпохи, так и конкретный замысел сооружения.

Если с такой точки зрения подходить к осмыслению архитектурных фрагментов первого Успенского собора, то необходимо учитывать, что он строился Иваном Калитой не просто как княжеский храм и даже не просто как главный храм Московского княжества. Нет. Если бы он задумывался именно в такой функции, то мы имели бы все основания искать в нем «копию» юрьев-польского собора, как это и делали предшествующие исследователи. Но Успенский собор 1326 г. был функционально намного значительнее княжеского храма. Княжеским храмом следует считать предшествующую Успенскому собору Дмитриевскую церковь (конец XIII в.), археологические остатки которой были обнаружены Н. С. Шеляпиной¹⁰. Именно этот первый храм Московского Кремля был «копией» Георгиевского собора в Юрьеве-Польском.

Московское княжество уже в первой половине XIV в. выдвинулось на первое место среди других русских княжеств, в Москву незадолго до закладки Успенского собора переехал из Владимира митрополит Петр; следовательно, Успенский собор Ивана Калиты строился как кафедральный храм «всёя Руси». Это позволяет реконструировать открытые архитектурные фрагменты в истинном масштабе без искусственной «подгонки» под юрьев-польский собор. По данным В. И. Федорова, с которыми совпадают и мои предварительные расчеты (ни тот, ни другой материал не опубликован), Успенский собор 1326 г., хотя иконографически и повторял Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, был почти вдвое большим.

В меньшей степени функциональный подход плодотворно сказался и в интерпретации архитектурных фрагментов второго Успенского собора, заложенного на месте разобранного первого собора в 1472 г. зодчими Мышкиным и Кривцовым. Конечно, он тоже строился как митрополичий храм. Но сами митрополичьи функции в 1472 г. выглядели гораздо более общерусскими, так как константинопольский патриарх Филофей всячески «тормозил» тенденцию по возрождению особых митрополий в Галицкой Руси и в великом княжестве Литовском. И хотя угроза латинизации Галицкой Руси заставила Филофея пойти на временную уступку, но в отношении остальной Руси единство митрополий он поддерживал твердо и неукоснительно¹¹. Московский митрополит Алексей, а за ним и Филипп, при котором строился второй Успенский собор, были несравненно более «общерусскими», нежели Петр. В таких условиях второй Успенский собор Московского Кремля приобретал более обширные функции, и если Иван Калита еще не мог поставить задачу воссоздать в Московском Кремле подобие владимирского Успенского собора, то теперь создались условия не только для подобной задачи, но, если можно так выразиться, для «сверхзадачи». Дело в том, что Мышкин и Кривцов вынуждены были воздвигать свой собор на месте еще не до конца разобранного старого здания. Поэтому они не только не уменьшили размеры владимирского «образца», но, наоборот, увеличили их на полторы сажени¹² (вдоль и поперек), так что второй Успенский собор представлял собой поистине грандиозное сооружение, великолепно отвечавшее возросшей общерусской функции. Именно в этом функциональном аспекте надо рассматривать и вопрос о завершении собора. Одноглавым он мог быть лишь в незаконченном виде¹³. Мысль К. К. Романова о запроектированном пятиглавии собора следует признать правильной. Незаконченный собор обрушился из-за недостаточной клеветности извести.

В настоящем кратком сообщении функциональный аспект был распространен главным образом на планировку памятников древнерусской архитектуры и лишь частично на их композицию. Первое более необходимо для археологов, второе — для освещения проблемы типологии. Но, как уже говорилось, в функциональном аспекте должны рассматриваться и архитектурно-пластические формы, в которых идейные сто-

роны архитектурной программы выражаются более сложным образом. В частности, недостаточно ясная до сих пор семантика фасадной скульптуры храма Попрова в функциональном аспекте рисуется несравненно более содержательной, идейно насыщенной и исторически обусловленной. Но это уже тема особой работы.

- ¹ Философская энциклопедия. М., 1970, т. 5, с. 146—148.
- ² Первым подходом к такой типологии можно считать работу А. Л. Якобсона. См.: Якобсон А. Л. Некоторые закономерные особенности средневековой архитектуры Балкан, Восточной Европы, Закавказья и Средней Азии. — Византийский временник, 1972, т. 33, с. 166—189.
- ³ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с. 38.
- ⁴ «Мышление в функциях, — по словам С. С. Аверинцева, — все последовательнее очищает себя от реликтов мышления в субстанциях» (Аверинцев С. С. Поэтика..., с. 50), но это вовсе не означает обеднения его содержательности. Просто оно становится более причинно-следственным.
- ⁵ О пропорциональных закономерностях см. подробно: Афанасьев К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961.
- ⁶ Каргер М. К. К истории Киевского зодчества XI в.: Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде. — СА, 1952, т. XVI, с. 77—99.
- ⁷ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1961, т. 2, с. 374—391.
- ⁸ Некрасов А. И. Возникновение московского искусства. М., 1929. Т. 1; Романов К. К. О формах Московского Успенского собора 1326 и 1472 гг. — МИА, 1955, № 44, с. 7—19.
- ⁹ Шеляпина Н. С. К истории изучения Успенского собора Московского Кремля. — СА, 1972, № 1, с. 200—214; Федоров В. И. Успенский собор: Исследование и проблемы сохранения памятника. — Уникальному памятнику русской культуры Успенскому собору Московского Кремля 500 лет: (Тез. науч. конф.). М., 1979, с. 21—25.
- ¹⁰ Шеляпина Н. С. К истории изучения Успенского собора Московского Кремля, с. 205—213.
- ¹¹ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975, с. 108—109.
- ¹² ПСРЛ, т. VI, с. 195; т. XII, с. 144.
- ¹³ Изображение второго Успенского собора в миниатюрах Лицевого свода одноглавым следует объяснить тем, что изображался именно недостроенный собор.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

К ПРОБЛЕМЕ АРХИТЕКТУРНОЙ АРХЕОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ЗОДЧЕСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ

Термин «архитектурная археология» пока непривычен для слуха. Принято говорить «археолого-архитектурное изучение памятников зодчества». А между тем такое изучение составляет лишь один из аспектов архитектурной археологии, ибо археолого-архитектурное изучение наземно стоящих памятников зодчества или их руин обычно связано с практическими задачами консервации и потому имеет узкую направленность. Закладка шурфов позволяет установить техническое состояние фундаментов, выяснить отметку первоначального пола с тем, чтобы затем опуститься до этого уровня, извлечь в процессе расчисток фрагменты упавших кладок и облицовок и использовать их при реставрации. Все это закономерно, необходимо, но не исчерпывает тех возможностей, которые содержит культурный слой для познания памятника архитектуры. К сожалению, нередко культурный слой реставраторами попросту выгребается и выбрасывается. При этом бесследно исчезают запечатленные в нем следы истории создания, бытия и разрушения зданий, а нередко и всей окружающей их зоны.

Архитектурная археология уже давно существует и играет немало важную роль в археологической практике как определенная категория исследований. Ей еще недостает теоретического обобщения, но предпо-

сылками к тому может стать накопленный опыт. Он весьма значителен, например, в Средней Азии. Постараемся сформулировать некоторые выводы из него.

Архитектура сопровождает большинство археологических раскопок, соотвествуя им уже в памятниках эпохи неолита и все возрастая в последующие периоды. В археологических толщах бывают погребены цитадели и крепостные ограждения городов, дворцы и жилые дома, коммунально-бытовые и производственные сооружения, храмы и культовые комплексы. И даже изучая такую характерную группу археологических памятников, как погребения, исследователи нередко имеют дело с архитектурными объектами: толосами, наусами, мавзолеями.

Архитектурная археология многое дает для археологической стратиграфии изучаемого пункта, но ее задачи гораздо шире. Для выяснения стратиграфии и соответствующей хронологии слоев иногда бывает достаточно одного шурфа, в который попадает свита строительных горизонтов. Но изучение смены строений по археологическим остаткам ставит цель не только определить относительную и абсолютную хронологию, но и ряд других проблем самодовлеющего историко-архитектурного порядка.

Архитектура — особый вид созидательной деятельности человека, соединяющей качества материальной и художественной культуры. Еще Витрувий очень точно определил ее триединство — сочетание «пользы, прочности и красоты». «Польза» подразумевает утилитарное назначение сооружения, археологические же вскрытия как раз позволяют воссоздать их функцию, а также черты быта (особенно в жилых домах), идеологии (в культовых и погребальных постройках), состояния военного дела (фортификационные строения) и многое другое. «Прочность» — это строительная инженерия: материалы, конструктивно-технические приемы, состояние строительного дела, и все как отражение общего уровня технического развития данного общества в данный период. «Красота» — то качество архитектуры, как высшей формы строительного искусства, которое возводит зодчество в уровень эстетической категории, отображающей художественные традиции и вкусы народа и эпохи.

Археология может в той или иной мере выявить эти многообразные свойства архитектуры в зависимости от содержимого архитектурных остатков и насыщенности культурных слоев.

Методика архитектурной археологии не однородна в разных регионах, ибо во многом связана с составом основных строительных материалов и конструкций. В строительстве Средней Азии (как, впрочем, и во многих странах Среднего Востока) камень использовался крайне редко, а господствовала глина, точнее, тот сероземный суглинок — лёсс, который слагает здесь основные почвы долин и предгорий. Лёсс очень плодороден, но это также и превосходный, притом даровой, лежащий под ногами строительный материал. Уже в эпоху позднего неолита и энеолита он применялся при выведении стен в форме продолговатых «булок» — прообраза будущего прямоугольного кирпича. Затем появляются сырцовый кирпич и битая глина-пахса, причем эти строительные материалы широко используются в народной архитектуре Средней Азии до наших дней. Сырцовые, пахсовые, а также глино-каркасные конструкции стен, глиняные штукатурки и смазки полов, глино-саманные кровли употреблялись здесь на протяжении тысячелетий, и лишь сырцовые своды и купола претерпевали эволюцию в веках.

Со временем появляются обжиговые глиняные материалы — кирпич, терракота, изразцы. С рубежа I—II тысячелетий н. э. в средневековом монументальном зодчестве Средней Азии начинает играть существенную роль жженный кирпич, причем в качестве не только конструктивного, но и декоробразующего материала. В массовом строительстве, а частью и в парадной архитектуре по-прежнему господствуют глиняные конструкции.

Строительно-технические особенности существенным образом отражаются на характере культурных слоев, в которых погребены архитек-

гурные остатки. В разрушенных или просто покинутых зданиях глина стен, сводчатых перекрытий или смазок плоских кровель, заполняя помещения, образует слитную с остатками стен массу строительного завала, обнаружить в котором их контуры (особенно когда это не сырцовые, а пахсовые стены, притом сохранившиеся на небольшую высоту) бывает порой крайне трудно. Глинобитными были полы, и поэтому уловить путем горизонтальных расчисток их уровень также далеко не всегда удается.

Ведущим принципом самого метода архитектурной археологии является изучение архитектурных остатков как некоего развивающегося во времени организма. История же его возникновения, последующих переделок, гибели или запустения запечатлена не только в самих этих остатках, но и в культурных напластованиях, заполняющих покинутые строения.

Для памятников среднеазиатской архитектурной археологии, особенно древних эпох, античности и раннего средневековья, характерна многообразие строительных образований, сменявших друг друга иногда на близких отрезках времени, а иногда в интервалах веков. При этом чередование архитектурных напластований предстает в следующих вариантах, которые проиллюстрируем примерами из практики Узбекистанской искусствоведческой экспедиции.

1. Назначение здания и его основная планировка сохраняются, претерпевая лишь небольшие переделки (закладки проемов, выведение перегородок). Заметно нарастают лишь уровни полов, причем изменение на них комплекса археологических находок свидетельствует о разделяющих эти полы значительных интервалах времени. Пример — древнебактрийская усадьба Кызылча-6, где установлено несколько стратиграфических горизонтов, отделенных уровнями полов. Разница отметок нижнего и самого верхнего пола — до полуметра, разница же датировок — VII—VI вв. до н. э. внизу, V—IV вв. до н. э. сверху¹.

2. Функции нового здания изменяются, но остатки предыдущих стен частично используются в качестве фундаментов. Пример — халчаянский дворец².

3. При сохранении функций здания существенно изменяется его планировочно-композиционное решение. Так, раскопки караван-сарая Рабат-и Малик выявили два разных строительных периода. В начале XI в. на главной оси располагался квадратный дворик, обведенный галереей с круглыми колоннами из жженого кирпича, основанными на сырцовых фундаментах. Вокруг дворика, вероятно, располагались разного рода помещения. Затем эта постройка пришла в упадок (скорее всего, вследствие разрушительного землетрясения). После этого в последней четверти XI в. здесь происходит полная перестройка и над остатками упомянутого колонного дворика возводится октагональный зал, перекрытый куполом 17-метрового пролета, подкупольная система которого была основана на кирпичных устоях в форме спаренных колонн³.

4. Как назначение, так и планировка более ранних и новых строений абсолютно иные, причем в процессе нового строительства нижняя застройка преобразуется в уплотненную платформу для верхней. Пример — главный архитектурный комплекс Айртама, где единое многокомнатное здание II в. до н. э. со строго организованным нивелируется на высоте 1,8 м. Его помещения частью заполнены надувным песком, частью забиты комковатой массой разрушенных кладок и строительными отходами. Поверх наносится толстый смазочный слой из речных глин, и на этой новой платформе во II в. н. э. воздвигается комплекс буддийских сооружений⁴.

5. От конструкций не сохранилось ничего — только следы. Случай в архитектурной археологии Средней Азии не единичный. В основном он связан со средневековыми памятниками, в которых жженный кирпич стен и фундаментов в более поздние периоды был выбран до основания,

и на долю археологов остались лишь котлованы, заполненные землей и кирпичным боем. Так, по котлованам и содержимому культурного слоя, в котором оказалась масса фигурных декоративных кирпичиков, ЮТАКЭ была изучена огромная мечеть-намазга XI—XII вв. в сельджукидском Мерве⁵.

Трудность вскрытия архитектурных остатков среднеазиатских памятников заключается в том, что строительные горизонты нередко бывают невелики по высоте, а конструкции трудно отделимы от завалов или забутовок из-за полной однородности их материала — глины. В силу этого общепринятый в археологии способ горизонтальных послойных расчисток путем изучения и удаления одного строительного горизонта за другим затруднителен и явно недостаточен. Совершенно необходимы также разрезы через помещения — продольные и поперечные. В них легко улавливаются контуры стен, границы полов и реальная картина завала, слои которого в отличие от однородной массы забутовок никогда не дают горизонтальных линий, но следуют со скосами от стен к середине помещений. В среднеазиатской археологии таким разрезам придается большое значение. Между тем в практике раскопок аналогичных по своему характеру объектов, осуществляемых зарубежными археологами даже высокой квалификации, они не применяются. Так, при раскопках памятников греко-бактрийского и кушанского времени в Северном Афганистане участники Французской археологической миссии, расчленяя со скрупулезной точностью при раскопках зданий планы строительных горизонтов и отмечая состав соответствующих находок, разрезов почти не дают. А если таковые имеются, то фиксируют лишь архитектурные остатки — стены, полы, базы колонн, но картины завалов внутри помещений на этих разрезах нет⁶.

Археологические находки из помещений нередко помогают уточнению дат, состав их имеет и самостоятельный интерес. Но лишь в целом завал помещений дает возможность сделать важные наблюдения относительно истории здания на последних этапах его функционирования, упадка и либо полного разрушения, либо последующего использования; причем дает не только и, может быть, не столько вещественными находками, а всем объемом и общей картиной заполнения. Прочсть эту картину без разрезов нельзя. Только в разрезе можно ясно увидеть, стояло ли покинутое сырцово-пахсовое здание какое-то время под крышей или балки были разобраны и вскоре началось разрушение стен силами природы. В первом случае на полах, особенно у стен, накапливаются надувные слои глины с песком и лишь позднее — строительные завалы и натечные прослойки. Во втором случае прямо на полах лежат штукатурки потолков и завалы от глинобитных кровель, на которые оползали или падали комковатые массивы разрушенных кладок, переслоенные многолетними тонкими натеками. Обрушения сводов и куполов создают свое специфическое заполнение. Все эти примеры — для случая постепенной гибели здания и образования на его месте археологического бугра. Если же еще в древности на старых руинах возводились новые сооружения, то во избежание просадок строители создавали плотные забутовки, нивелируя платформу сырцовыми выкладками, пластинами пахсы, смазками. «Прочсть» это можно лишь по разрезам.

При изучении архитектурных завалов вне и внутри зданий существенную роль играют также наблюдения над местоположением упавших архитектурных деталей, что может помочь при последующей реконструкции памятника.

Реконструкция — описательная и графическая — составляет важный, заключительный раздел архитектурно-археологического исследования. К сожалению, даже в научной среде встречается скептический взгляд на архитектурные реконструкции, расцениваемые как занятные картинки, в которых доля авторского домысла неизмеримо преобладает над реальными данными. Ссылаются при этом на многовариантность реконструкции одного и того же памятника (к примеру Галикарнасского мав-

золея), выполненной разными авторами, на спорность восстановления форм верхних, несохранившихся частей здания и т. п.

Все так, и все же не так. Если определенный процент гипотетичности и авторской догадки при реконструкциях неизбежен, то все же общий комплекс археологических наблюдений, расчетов и привлечения близких аналогий вооружают исследователя той суммой реальных данных и возникающих на этой основе умозаключений, которые позволяют с большей или меньшей точностью воспроизвести объемно-пространственную композицию здания и некоторых его интерьеров.

Археологические наблюдения дают исследователям план здания (или по крайней мере элементы этого плана), местоположение и шаг колонн и пилястр, данные о характере перекрытия (балочное, сводчатое), детали архитектурного декора. Архитектурная археология располагает методами примерного, а иногда и достаточно точного определения первоначальных высотных отметок здания по его остаткам. В тех случаях, когда здание было просто заброшено без специального сноса верхних участков, постепенно оплывая по внешнему периметру стен и внутрь помещений, подсчет объема этих оплывов, разделенного на горизонтальную площадь стен (протяженность и толщина которых известны), позволяет с известной точностью высчитать высоту разрушенных верхних кладок. В халчянском дворце при исчислении высоты зала, помимо такого подсчета, нами были привлечены и иные данные: к максимально сохранившейся в северо-западном углу высоте первого яруса стены была прибавлена высота фигур располагавшейся сверху большой скульптурной композиции и проходившего над нею скульптурного фриза плюс небольшое добавление на разделявшие их бордюры ⁷.

Иногда помогают в исчислении архитектурные детали. Так, в Квадратном зале Старой Нисы сохранился лишь нижний ярус стен. Его высота была уточнена исчислением пропорций настенных колонн дорического типа с добавлением фриза из тех терракотовых плит, которые были найдены в завалах. Но на полу зала оказалась глино-ганчевая оболочка ствола деревянной колонны (от дерева осталась внутри лишь труха), сброшенной целиком при землетрясении. Прибавив размеры базы и капители (фрагменты и целые терракотовые аканты, найденные в завале, уточняют ее формы и размер) и фриза (также найденного в виде крупных терракотовых плит), мы получили достаточно уточненную высоту несохранившегося верхнего яруса зала, который некогда был оформлен пристенными коринфизированными колоннами и монументальными статуями в нишах, располагавшихся в интерколумниях. Соответственно была определена и общая высота Квадратного зала ⁸.

Проиллюстрируем ход рассуждений и аргументации на примере двух реконструкций, выполненных в разные годы автором этих строк.

Кызылча-6, древнебактрийская усадьба в Шурчинском районе УзССР (рис. 1) ⁹. Раскопками выявлена ограда внешнего хозяйственного двора, откуда можно было попасть в жилой отдел. Здание имело квадратный план с выступом входа в одном из углов; продолговатые помещения охватывали внутренний квадратный дворик, в который были обращены их двери и, вероятно, оконные проемы. Круглые ямки на равных интервалах вдоль двух фасадов двора — следы когда-то стоявших здесь деревянных колонн, поддерживавших навесы. Перекрытия помещений также были деревянные — балочные, так как сводчатые системы в архитектуре Северной Бактрии данного периода еще не применялись (простейшие формы сводов использовались лишь в гончарных печах). Плоская крыша усадьбы, как и в наши дни в народной архитектуре Средней Азии, могла использоваться с хозяйственными целями и для летнего сна. Подъем на крышу располагался в возвышавшейся над ней угловой входной постройкой.

Реконструкция воссоздает общую объемно-пространственную композицию усадьбы. Стены ее в сохранившихся участках гладкие, с глиносаманной штукатуркой, никаких деталей декора не обнаружено, и можно

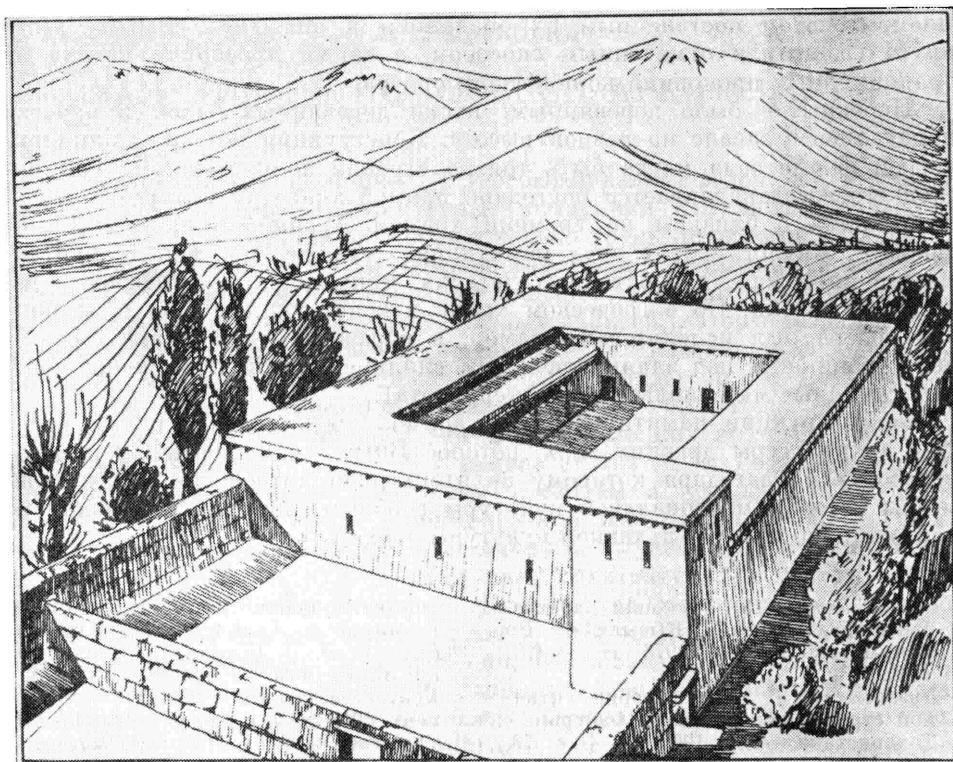

Рис. 1. Кызылча-6, древнебактрийская усадьба. Реконструкция Г. А. Пугаченковой

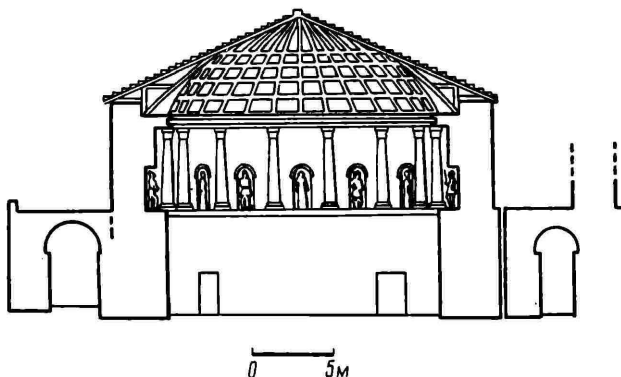

Рис. 2. Круглый храм парфянской Нисы. Схема интерьера. Реконструкция Г. А. Пугаченковой

лишь предполагать, что деревянные колонны здесь имели архитектурное расчленение, как и те колонны, которые в разных вариантах можно встретить в традиционной народной архитектуре горных кишлаков Сурхандарьинской области¹⁰.

Интерьер Круглого храма в Нисе (рис. 2). Обоснование его реконструкции уже было изложено в специальной статье¹¹; здесь отметим лишь основное. Храм этот, квадратного плана по внешнему периметру, включал круглый зал 17-метрового диаметра с тремя входами, которые соединялись с обводными сводчатыми коридорами. Сохранившаяся нижняя половина стен до 6 м в высоту была покрыта гипсовой побелкой. Верхний же ярус восстановлен благодаря изучению завала. Он был парадно оформлен пристенными колоннами и крупными статуями. Фрагменты лепкальных жженных кирпичей от стволов колонн, акантов от капителей, терракотовых плит типа «метоп» от фриза, разделявшего оба яруса, и от венчающего фриза, терракотовые зубцы от карниза, а также остатки скульптур найдены в слоях заполнения зала, образовавшихся при разрушении верха стен, вызванным вначале мощным землетрясе-

нием, а потом постепенным их опаданием и оплывами. Высоту этого яруса вычислили отмеченным способом, а также проверили исходя из традиционных пропорций коринфского ордера.

Перекрытие было деревянным: куски деревянных балок и брусьев попадались в завале на разной высоте. Конструкция его при цилиндрической форме зала могла быть только стропильно-шатровой¹². Тип последнего восстанавливается благодаря прямой аналогии интерьера Круглого храма с близким по времени храмом Арсинойон на о-ве Самофрака¹³. Аналогии этих двух памятников — также и в общей архитектонике интерьера, декоративных деталях, применении коринфских пристенных колонн. Но в греческом храме в конструкциях стен и элементах ордера был использован мрамор, в парфянском же храме, хотя и явно возникшем под эллинистическим влиянием, были применены местные глиняные материалы (сырец, терракота).

Реконструкции памятников дают зримое представление о том качестве архитектуры древних эпох, которое Витрувий определял термином «красота» и благодаря которому архитектурная археология выходит из сферы истории материальной культуры в область истории художественной, или еще шире — духовной культуры этих эпох.

¹ Сагдуллаев А. С. Раскопки древнебактрийской усадьбы Кызылча-6: (По итогам работ 1974—1976 гг.). — СА, 1980, № 2.

² Пугаченкова Г. А. К истории античной строительной техники Бактрии — Тохаристана. — СА, 1963, № 4, с. 73, рис. 1.

³ Немцева Н. Б. Новое о Рабат-и Малике. — Строительство и архитектура Узбекистана, 1980, № 1.

⁴ Тургунов Б. А. К изучению Айртамма. — В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

⁵ Кочнев Б. Д. Мусалла Средней Азии и их место в исторической топографии феодального города: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1971, с. 10.

⁶ Ср.: Ай-Ханум — Fouilles d'Ai Khanoum. — MDAFA, 1973, t. 21, pl. 18. Единственный, притом схематический разрез при обилии планов. То же в предварительных публикациях исследований Сурх-Котала. См.: D. Schlumberger. Le temple de Surkh Kotal en Bactriane. — J. Asiatique, 1952, № 240; 1954, № 242; 1955, № 243; 1964, № 252.

⁷ Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966, с. 138 сл.

⁸ Пугаченкова Г. А. Реконструкция «Квадратного зала» парфянского ансамбля Старой Нисы. — Тр. ЮТАКЭ, 1951; т. 2, с. 143 сл.

⁹ В 1978 г. объект был раскопан полностью, были выявлены выступ входа и передний — хозяйственный двор,

еще не попавшие на опубликованные в статье А. С. Сагдуллаева планы.

¹⁰ Ремпель Л. И. Народная архитектура предгорий юга Узбекистана. — В кн.: Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1969, т. 4, с. 185 сл., рис. 18—20.

¹¹ Крашенинникова Н. И., Пугаченкова Г. А. Круглый храм парфянской Нисы: (Археологическое исследование и вопросы реконструкции). — СА, 1964, № 4; Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М., 1967, табл. III.

¹² Совершенно неприемлема идея С. П. Толстова, который, привлекая в качестве аналогии «апасиакское» круглое погребальное сооружение Баланды-2, утверждал, что перекрытием Круглого храма Нисы была не деревянная шатровая конструкция, а купол как «эволюция архитектурных форм, возникших в степи среди полукочевого населения и впоследствии развитых парфянской архитектурой» (Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 178). За исключением круглого плана центрального помещения, здесь совершенно иные масштабы здания, его назначение и архитектурные формы. Сырцовый купол 17-метрового пролета технически невозможен: он рухнул бы под собственной тяжестью. Находки же в завале деревянных деталей перекрытия снимают окончательно предположение о купольном перекрытии.

¹³ Conze A. H. Dp. Archäologische Untersuchungen aus Samothrake. Wien, 1880.

ЗАМЕТКИ ОБ ИНГУШСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

В исследованиях историков и географов-кавказоведов часто упоминаются средневековые архитектурные памятники Ингушетии, суммарно датированные XIII—XVIII вв. Однако только труды профессора Л. П. Семенова и художника И. П. Щерблыкина были специально посвящены башенным и склеповым постройкам ингушей¹. Несмотря на то что их работы зачастую носят характер полевых записей, авторы создали типологию построек, сумели выделить наиболее архаические комплексы, датировали многие архитектурные объекты. Труды Л. П. Семенова и И. П. Щерблыкина, написанные в основном в 30—40-х годах, до сих пор имеют первостепенное научное значение. После них архитектура Ингушетии мало изучалась². В 1968 г. вышла статья А. И. Робакидзе, основное содержание которой посвящено жилищам и поселениям ингушей. Но для автора этой очень содержательной работы постройки ингушей служат прежде всего «ценным источником изучения всех важнейших сторон народного быта»³, в силу чего архитектура изучается только с точки зрения этнографической. Иной подход характеризует исследование М. Б. Мужухоева, проведенное в 1972 г. Памятники ингушского зодчества разобраны им типологически, обоснована их хронология (с учетом археологического материала), выявлены некоторые особенности местных башенных и склеповых построек⁴. Однако мелкие детали архитектурных объектов в этой работе почти не описаны, не использованы они и в его монографии⁵. В работах историка архитектуры А. Ф. Гольдштейна поставлен целый ряд интересных вопросов, но, к сожалению, им использованы в основном старые, не всегда грамотные обмеры и зарисовки⁶. В книгах А. Ф. Гольдштейна читатель почти не найдет конкретизации характерных черт в зодчестве отдельных народов Северного Кавказа, в том числе чеченцев и ингушей (вайнахов).

В 1966 г. мне удалось провести исследования в горной Ингушетии, от Терека до Ассы, и собрать материал, интересный для изучения некоторых особенностей местной архитектуры.

Башенные постройки Ингушетии, как и соседней Чечни, делят обычно на два вида: жилые и боевые. Из них более древними Л. П. Семенов вполне справедливо считал жилые башни⁷. Они конструктивно более просты, кровля, покрывающая их, сделана также довольно примитивно. А. И. Робакидзе согласен с указанным мнением Л. П. Семенова, проверив его на материалах грузинской народной архитектуры⁸. Однако существуют переходные формы от жилой башни к боевой. Подобные постройки известны в Ингушетии. Такова уже описанная мною башня, стоящая в сел. Эгикал⁹. Эта башня (рис. 1) в отличие от жилых более высока и многэтажна¹⁰. В ней четыре этажа и, возможно, имелось еще подвальное помещение, в то время как высота жилых башен не превышает двух-трех этажей. Площадь основания данной башни меньше, чем у жилых, но больше, чем у боевых. Зафиксированы довольно стандартные размеры оснований башен: жилых — 9×8 м, боевых — 6×5 м с небольшими отклонениями.

Площадь основания башни в сел. Эгикал равна $6,8 \times 6$ м. В жилых башнях обычно устанавливается срединный опорный столб, на котором держатся межэтажные перекрытия. В данной башне такого столба нет, внутренняя площадь ее мала и межэтажные балки держались только на выступах стен и в специальных гнездах. Боевые башни обычно снабжены высоко расположенными входными проемами, нижний из которых вел сразу же на второй этаж (поднимались по приставной лестнице), а жилые башни, помимо отдельных дверей второго этажа, имеют вход и на первый, в котором размещался скот. В башне сел. Эгикал имеются три входных проема, которые вели на первый—третий этажи, что сбли-

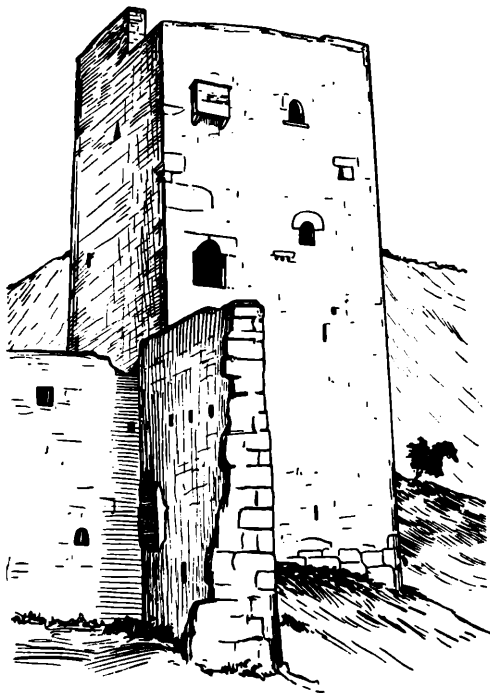

Рис. 1. Полубоевая башня в сел. Эгикал. Рисунок В. И. Марковина

жает ее с жилыми башнями. Для боевых башен характерны стройность, гармоничность пропорций, довольно симметричное расположение дверных и оконных проемов, машикулей (боевых балкончиков). Башня в сел. Эгикал лишена подобной симметрии, проемы разбросаны по ее стенам, а машикули расположены не по центру стен, а по углам — над дверными проемами.

В сел. Эгикал возвышаются еще две аналогичные башни, имеются они в селениях Верхний и Нижний Алкун (рис. 2, 7, а—д)¹¹, Эрзи, Фалхан, Бейни. Характерные признаки полубоевых башен горной Ингушетии существенно дополнены М. Б. Мужухоевым, им же описаны постройки этого типа в сел. Одзик¹². Этнографы В. Н. Басилов и В. П. Кобычев опубликовали строго научные обмеры полубоевой башни сел. Кяхк. По их мнению, из подобных построек возникли, с одной стороны, жилые башни без машикулей, а с другой — боевые башни¹³. С этим трудно согласиться.

Наблюдения С. Ц. Умарова в местечке Чеча-Ахк (р. Фортанга) показывают, что полубоевым сооружениям предшествуют конструктивно ранние типы жилых башен. Наиболее древние из них сложены из огромных глыб камня и содержат археологически ранний материал — XIII в.¹⁴ Близкие наблюдения сделаны М. Б. Мужухоевым, отмечающим более позднее возникновение боевых пирамидальных башен¹⁵. Очевидно, полубоевые башни возникают постепенно в результате эволюции жилых построек. Несомненно, данная типологическая схема лишь указывает на возможную последовательность в изменении облика башенных построек.

Ясно, что в более позднее время все три типа башен не только использовали, но и спорадически возводили. Этот факт, вероятно, и смутил А. Ф. Гольдштейна. Он склонен рассматривать полубоевые башни в качестве построек «синкретического типа» и с «определенными преимуществами», так как такие башни могли использоваться «повседневно». Вместе с тем для времени их бытования, по его мнению, «как будто нет места», тем более что этот исследователь не видит хронологического разрыва между жилыми и боевыми башнями в процессе их возникновения — одни следуют за другими. Вообще же появление местных боевых башен он считает результатом «явных связей» с Передней Азией¹⁶. Таким образом, намеченный типологически-эволюционный ряд нарушается. Однако согласиться с мнением А. Ф. Гольдштейна трудно. Полубоевые башни реально существуют (это название предложил я, его можно заменить, здесь дело не в терминологии); жилые и боевые башни имеют с ними много сходства как в строительной технике, так и в архитектурном оформлении проемов, бойниц и т. д. Что же касается переднеазиатского влияния, то указание на него представляется голословным. Для того чтобы подобное утверждение стало фактом, нужно сопоставить пропорции азиатских и вайнахских башенных построек, сличить их строительную технику, конструктивные особенности в устройстве арочных проемов, машикулей и других деталей. Необходимо также выяснить, каким путем и когда подобное «цивилизующее» влияние проникло к вайнахам. Ничего этого пока не сделано. Известно, что чечено-ингуш-

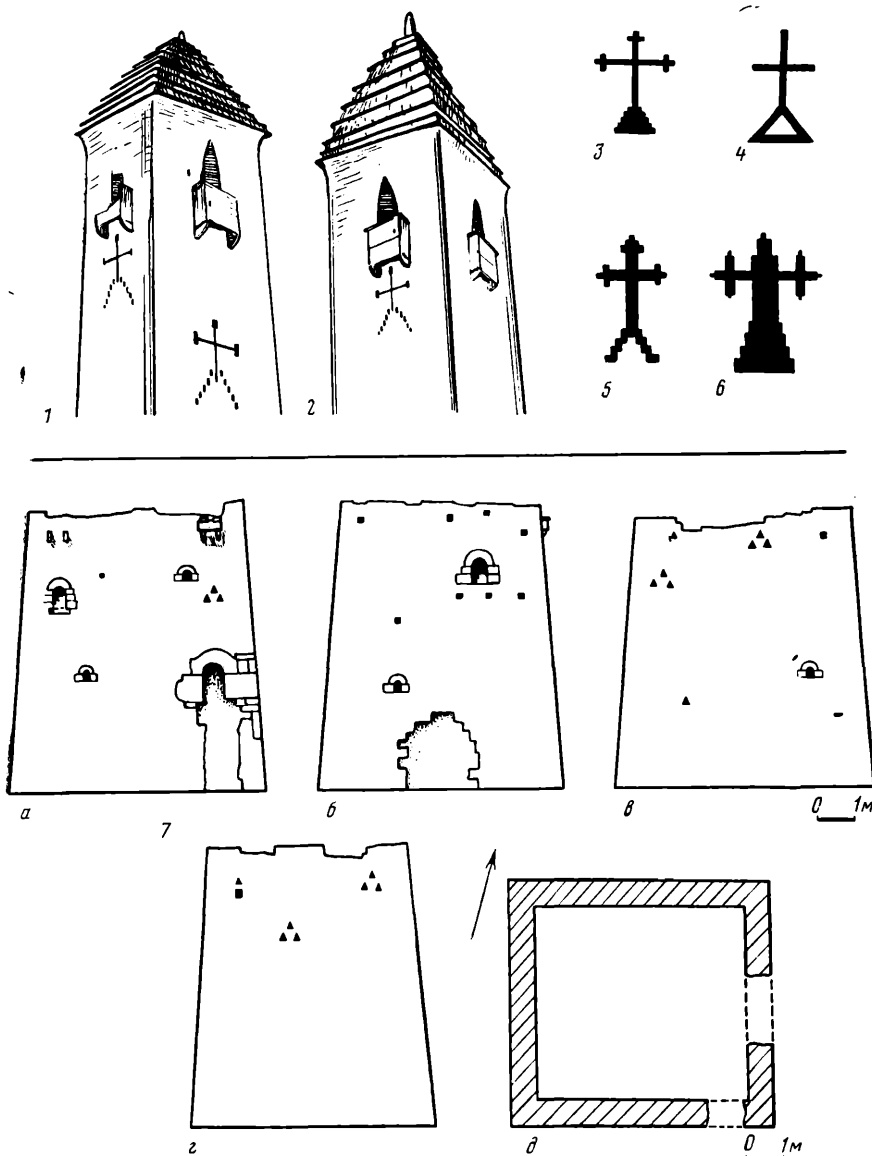

Рис. 2. Архитектурные памятники Ингушетии и Грузии в деталях и схемах
 1 — верхняя часть боевой башни в сел. Эгикал; 2 — верхняя часть боевой башни в сел. Таргим;
 3 — «Голгофа» башни в сел. Пца; 4 — «Голгофа» колокольни Ниноцминда, середина XVI в.; 5, 6 —
 «Голгофы» церкви архангелов Михаила и Гавриила в Греми, около 1565 г.; 7 — схематические объ-
 меры полубоевой башни в сел. Нижний Алкун; а — южная стена; б — восточная стена; в — север-
 ная стена; г — западная стена; д — план; 1, 2, 7 — Ингушетия; 3—6 — Грузия

ские постройки сравнивали даже с центральноазиатскими культовыми сооружениями — пагодами¹⁷. Ясно, что речь шла о чисто внешнем и беглом сходстве.

Как мне представляется, полубоевые башенные постройки, имеющие черты, характерные для жилых и боевых башен, занимают промежуточное положение между ними и явно указывают на местное, вайнахское происхождение боевых сооружений. Возможно, в определенной степени прав А. И. Робакидзе, который утверждает, что «треугольник, образуемый селениями Эгикал, Хамхи, Таргим, действительно был местом, где оборонительная башня со ступенчато-пирамидальным перекрытием получила наивысшее развитие»¹⁸. Я бы только расширил район, предложенный А. И. Робакидзе, не ограничиваясь указанным им пространством, а включая в него горную часть бассейна р. Ассы и окрестности

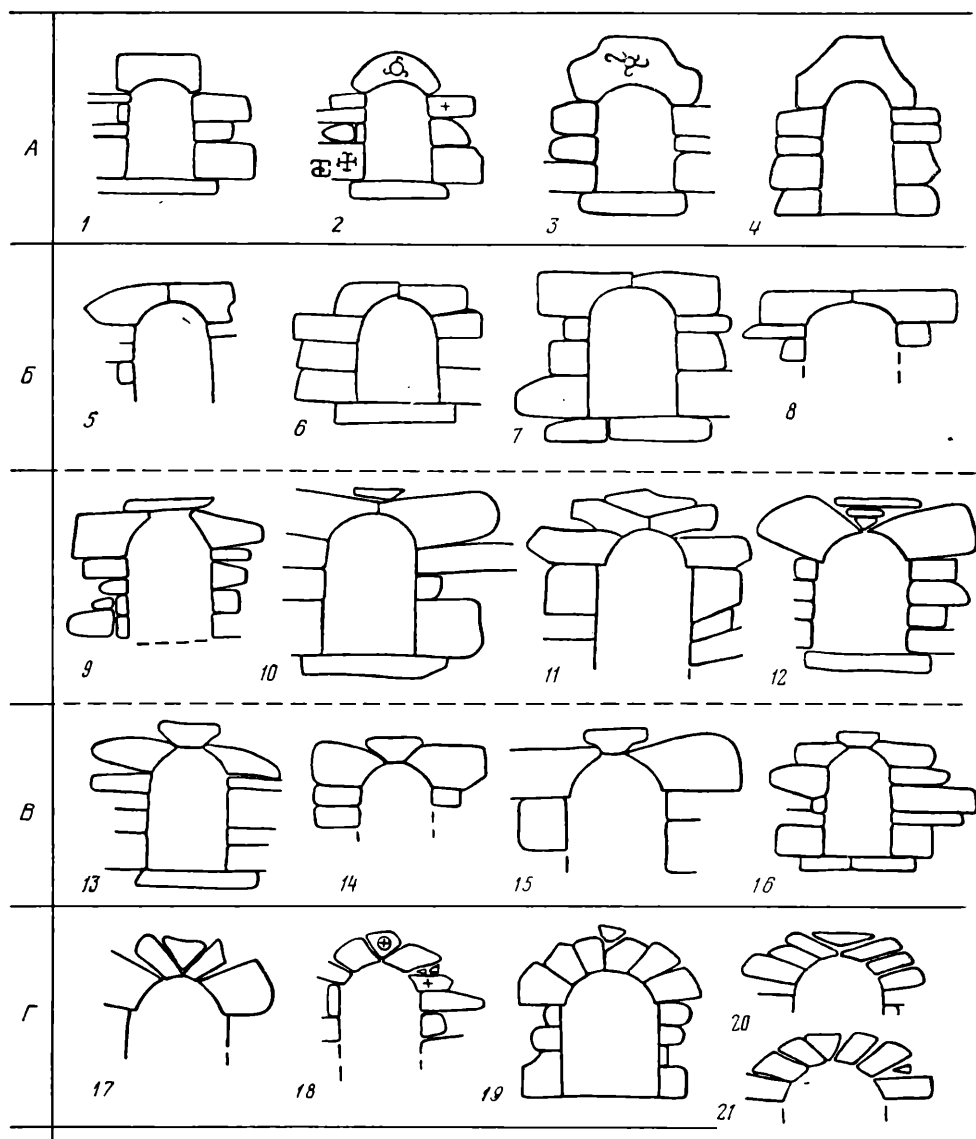

Рис. 3. Арки дверных проемов в ингушских башнях

А—Г — типы арочных конструкций; 1 — Харпе, боевая башня; 2, 9, 16 — Бейни (2, 9 — жилые башни; 16 — полубоевая башня); 3, 5, 7, 10, 12, 14 — Эрзи (3, 5 — жилые башни; 7, 10, 12, 14 — боевые башни); 4, 6, 11, 13, 17, 20 — Фалхан (4, 11, 13, 17, 20 — жилые башни, 6 полубоевая башня); 8, 21 — Таргим, жилые башни; 15, 19 — Эгикал, жилые башни; 18 — Мецхал, жилая башня

оз. Галанчо́ж-Ами. Именно здесь по сей день стоят лучшие образцы башенной архитектуры вайнахов.

И. П. Щерблюкин оставил лишь зарисовки некоторых типов дверных башенных проемов. К сожалению, он не изучил детально их арочные конструкции¹⁹.

Почти все арки, которые можно видеть на ингушских средневековых постройках, имеют очертания лучкового вида, реже встречаются арки полуциркульной формы. Все арочные конструкции можно разделить на четыре основных типа (рис. 3): А — арочные пролеты, высеченные в каменных блоках — монолитах; Б — арочные пролеты, высеченные в двух сближенных каменных блоках; В — арочные пролеты, сложенные тремя блоками, средний из которых слегка зажат боковыми камнями и возвышается над ними; Г — арочные пролеты, собранные из отдельных клинчатых блоков с примитивным замковым камнем.

Нужно отметить, что между арочными типами *Б* и *В* имеется целый ряд промежуточных конструкций. Все четыре типа арок встречаются как на жилых и боевых башнях, так и на постройках полубоевого вида. Сейчас трудно сказать, для каких сооружений характерно преобладание тех или иных типов арок. Так, на башнях сел. Фалхан, Эгикал, Таргим, Эрзи можно видеть арки всех четырех типов; в сел. Бейни преобладают три первых типа арок, а в сел. Харпе — два первых. Кстати замечу, что арки разных типов часто украшают одну и ту же постройку (жилая и полубоевая башни в сел. Фалхан, жилые башни в сел. Таргим и др.). Это затрудняет выделение наиболее старых построек. Вероятно, только комплексное изучение местных башен позволит выявить постройки разной степени древности внутри одноименных видов. Естественно, что типологически самыми поздними арками являются клинчатые конструкции с замковым камнем, а наиболее примитивными — арки, высеченные в монолитах (они характерны для архаических памятников всего горного Кавказа).

Опуская детальный анализ всех арочных конструкций (он сделан ранее²⁰), отмечу, что первые три типа арок (*А—В*) не дают бокового распора. Перекрытия типа *В* можно отнести к вариантам ложной арки, причем на материалах местной архитектуры можно проследить переход ложноарочных конструкций к аркам клинчатого вида (тип *Г*). Это происходит за счет более плотной подгонки каменных клиньев и правильности их формы (рис. 3, 17—21). Клинчатая арка, связанная генетически с конструкциями предыдущих типов, создает распор (башни в селениях Таргим, Эрзи, Эгикал и др.). Арки подобной конструкции известны в Чечне (Аргунское ущелье, район оз. Кезеной-Ам, Шарой), Хевсуретии (Ахиели), горной Раче, Северной Осетии (Дзивгис и др.). Можно думать, что возникли они на месте, но под определенным влиянием широко известной храмовой и городской архитектуры Закавказья и народной архитектуры Дагестана, где довольно рано стали применяться вполне законченные виды клинчатой арки²¹. Горцы могли видеть у своих соседей постройки с такими арками, а затем уже на месте обдумывать их конструктивные особенности. Вот почему различные, несколько примитивные вариации клинчатой арки можно наблюдать на сравнительно поздних постройках. Однако типы и варианты арочных пролетов ингушских построек представляют большой интерес для истории архитектурной мысли.

Машикули полубоевых и боевых ингушских башен ничем не отличаются от машикулей чеченских построек. Они не имеют пола и предназначались для ведения навесного огня, сбрасывания камней и т. д. (рис. 2, 1, 2). За стены башни вынесены они на тщательно обработанных двух-трех консолях, кладка стен «балконов» высока, и за ними на боевых башнях обычно устроен высокий проем стрельчатой формы. При желании воин мог видеть, что делается далеко впереди, и стоя стрелять поверх машикуля. Конструкции этого типа характерны только для чисто вайнахских построек. У других народов Кавказа машикули имеют свои особенности. Некоторые осетинские башни снабжены боевыми «балкончиками»; но они настолько низки, что воины, находившиеся за ними, должны были сидеть или лежать и могли видеть только то, что позволяло небольшое отверстие в основании машикуля. В Осетии можно встретить также на отдельных постройках еще более примитивные машикули: боевая щель под самым потолком башни снаружи заслонена Т-образным камнем, который поддерживают по бокам две консольные плиты²². Машикули закавказских башенных построек имеют свои особенности (клювовидную форму и пр.), которые отличают их от чечено-ингушских²³.

А. Ф. Гольдштейн, отрицая самобытность в конструкции машикулей вайнахских башен, склонен их возникновение, как и появление самих башен, целиком связывать с переднеазиатским миром. Но ведь его указание на внешнее сходство, приведенное по сирийской гробнице (кстати,

аркер — «балкончик» гробницы — имеет закругленные формы) и по изображению на пехлевийской монете²⁴, основано на случайных аналогиях. Сразу же возникает ряд вопросов. Как попали балконовидные машикули к вайнахам? Непосредственно из Азии? Может быть, через Грузию, Азербайджан и Дагестан? Но на территории Грузии подобные машикули в основном известны лишь в Хевсуретии, где башни иногда возводили приглашенные мастера-ингуши²⁵, а для азербайджанских и дагестанских построек подобные машикули просто не характерны.

Таким образом, та конструкция машикулей, которая характерна для вайнахских построек, самобытна. В их устройстве нельзя усмотреть влияние и европейского фортификационного искусства²⁶.

В Ингушетии реже, чем в Чечне, встречаются башенные постройки, украшенные петроглифами. В этом отношении ингушские памятники так же бедны, как и сооружения Северной Осетии и Картли, где петроглифы встречаются спорадически. Правда, в Ингушетии, в отличие от Чечни, известны рисунки краской, нанесенные на штукатурку построек²⁷.

Ингушские петроглифы можно разбить на четыре группы: 1) изображения спиралей, солярных знаков, крестов и кругов, геометризованных начертаний; 2) буквообразные изображения; 3) фигуры людей и животных; 4) изображения рук.

Первая группа рисунков самая многочисленная. Для нее особенно характерны спирали и солярные знаки — триквестры (селения Эгикал, Харпе, Эрзи, Мепхал, Бейни²⁸), кресты, выдавленные по штукатурке (святилище Маги-Ерды у сел. Салги, на склепах селений Хамхи, Вовнушки, Эгикал, Эрзи)²⁹. Целый комплекс подобных рисунков можно видеть на одной из жилых башен сел. Бейни (рис. 4. 10—12, 14). Подобные изображения характерны и для Чечни.

Вторая группа знаков пока что известна лишь по описаниям В. Ф. Миллера и Л. П. Семенова. Они упоминают буквообразные знаки в сочетании с елочным орнаментом на кладке столпообразного святилища в сел. Нью³⁰.

Третья группа рисунков зафиксирована на башнях сел. Эгикал. Здесь изображены три змеи и человеческие фигуры с массивными луками (рис. 4, 15—17)³¹. Часто все описанные группы петроглифов сочетаются в единых композициях. Таковы начертания на склепе сел. Лейлаг, сделанные краской (рис. 4, 18)³².

Последняя, четвертая группа представляет собой оттиски руки мастера — строителя, вдавленные в штукатурку (жилая башня в сел. Эгикал, святилища у селений Бархин и Таргим).

Л. П. Семенов отмечает сходство ингушских рисунков краской с осетинскими³³. Однако такое сходство не ограничивается только изображениями, сделанными краской. Близки ингушским осетинские петроглифы, выбитые на камне; сходство имеет и манера обоих народов оставлять на сырой облицовке зданий вдавленные рисунки³⁴. Такое сходство не может быть случайным, оно указывает на взаимовлияние культур двух народов, что нашло отражение в лексике ингушей³⁵. И все же нужно отметить, что буквообразные петроглифические начертания встречаются только в Чечено-Ингушетии и могут считаться чисто местным явлением.

Многие ингушские боевые башни и некоторые склепы украшены углубленным узором, напоминающим человеческую фигуру, у которой расставлены ноги и раскинуты руки (см. рис. 2, 1, 2). Такой декор встречается и на чеченских постройках (Аргунское ущелье)³⁶, но он не известен в Дагестане и очень редок в Осетии. Однако его нельзя считать характерным только для Чечено-Ингушетии. Такие изображения можно видеть на башнях Картли (селений Пца, Сакашети, Корди и др.). На местных постройках эти фигуры выполнены в той степени стилизации, которая характерна для креста — «Голгофы»³⁷ — и должна символизировать гору Голгофу с распятым на ней Иисусом (ноги трак-

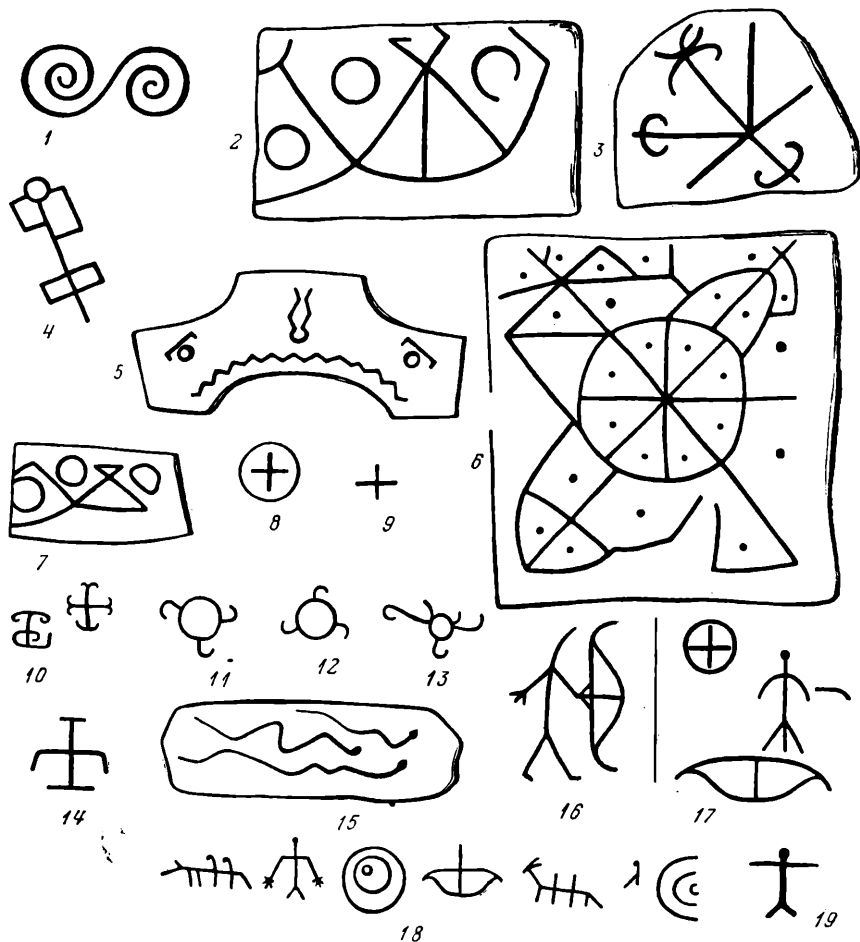

Рис. 4. Петроглифы Ингушетии

1—3, 5—7, 15—17 — Эгивал (1—3, 5, 6, 15 — по зарисовкам Е. И. Крушнова, 7, 16, 17 — по Л. П. Семенову); 8, 9 — Мещал, жилая башня Точиевых (8 — диаметр 16 см, 9 — размеры 16×12 см, сборы В. И. Марковина); 10—12, 14 — Бейни, жилые башни (10 — около 50×25 см, 11 — диаметр 25 см, 12 — диаметр 23 см, 14 — около 24×24 см, сборы В. И. Марковина); 13 — Эрзи, жилая башня (длина около 50 см, сборы В. И. Марковина); 4, 18 — Лейлаг, рисунок красной краской на склепе (по Л. П. Семенову); 19 — Эрзи, боевая башня (размеры — 6×8,5 см, сборы В. И. Марковина)

тованы вместе с фоном в виде пьедестала, под которым на распятых обычно изображают череп — «голову Адама»).

Источником появления декоративной «Голгофы» на вайнахских башнях, несомненно, послужила Грузия. Здесь, начиная с XII—XIII вв., на хорошо освещенных фасадах храмов часто изображался этот основной символ христианства. Крест — «Голгофа» — украшает храм XIII в. в Цугругашени, храм XVI в. в Гречи, колокольню XVI в. в Ниноцминда (рис. 2, 3—6) и т. д.³⁸ Как осмысливали вайнахи образ «Голгофы», это другой вопрос, он требует изучения, но возник данный образ под влиянием грузинской культуры. Возможно, в среде ингушей этот знак являлся сильным оберегом.

Как видно, взаимодействие вайнахов с соседними народами позволило создать им произведения своего, специфически вайнахского стиля. Нечего говорить, что пирамидально-ступенчатое перекрытие чечено-ингушских башен имеет местное происхождение. Мне уже приходилось писать об этом³⁹. Можно только пожалеть, что А. И. Робакидзе, вспоминая о вайнахской башенке в Анаури, следует за П. П. Закарая⁴⁰ и готов считать ее грузинской⁴¹, хотя для Грузии она совершенно не характерна.

А. И. Робакидзе пишет, что основное отличие ингушских башенных построек от чеченских состоит в их габаритах и пропорциях. Ингушские башни высоки и изящны, чеченские — менее стройны⁴². Такое утверждение необходимо подтвердить цифровыми выкладками. На мой взгляд, боевые башни Чечни (район оз. Галанчож-Ами, Аргунское ущелье, Шарой) не менее высоки и изысканно изящны, чем башни в Ингушетии. Другое дело — районы Чаберлоя в Чечне, где действительно башни более приземисты, но ведь рядом с Чаберлоем расположен Дагестан, и здесь заметно его влияние (своды в нижних этажах построек, выступающие михрабы в мечетях, перекрытия «дарбазного» типа и пр.)⁴³. В силу сказанного утверждение о том, что высокие боевые башни (пирамидального типа) возникли только на территории Ингушетии⁴⁴, представляется слабо аргументированным.

В своих заметках я остановился лишь на некоторых деталях вайнахской, преимущественно ингушской архитектуры, слабо освещенных в научной литературе. Ингушские башенные постройки мало отличаются от чеченских (мнение, что большинство башен Чечни имеют плоские перекрытия⁴⁵, ничем не обосновано). Правда, в Ингушетии поражает большая скученность башенных построек, обилие мелких деталей, выполненных в камне: кормушек для коней, вмонтированных в стены башен и даже в заборы, коновязей, выступающих из стен в виде плит с отверстием или наподобие катушек, наличие над окнами каменных навесов — козырьков. Все эти детали, обыгрываясь светотенью, производят яркое впечатление.

Исследование вайнахской архитектуры, несомненно, должно проводиться на широком фоне, с учетом особенностей зодчества различных районов Кавказа. Нельзя забывать и важности изучения мелких архитектурных деталей. Эти особенности позволяют ярко представить своеобразие мастерства горских строителей.

¹ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963; *Он же*. Эволюция ингушских святилищ. — В кн.: Труды секции археологии РАНИОН. М., 1928, т. 4; *Он же*. Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал. — Изв. ЧИНИИ, 1960, т. 2, вып. 1; *Щеблыкин И. П.* Искусство Ингушетии в памятниках материальной культуры. — Изв. Ингушского НИИ краеведения, 1928, вып. 1; *Он же*. Архитектура древних ингушских святилищ. — Там же, 1930, вып. 2—3; *Он же*. Путеводитель по Ингушской области. Владикавказ, 1929.

² *Базоркин М. М.* Памятники средневековья в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963 (в работе использованы некоторые зарисовки В. И. Марковина); *Очерки истории Чечено-Ингушетии*. Грозный, 1967, с. 274—279 (обзор написан В. И. Марковиным по материалам, известным к 1965 г.).

³ *Робакидзе А. И.* Жилища и поселения горных ингушей. — В кн.: Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968, т. 2, с. 43 и сл.

⁴ *Мужухоев М. Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии, XIII—XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972.

⁵ *Мужухоев М. Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977, с. 19—48.

⁶ *Гольдштейн А. Ф.* Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной

Осетии. М., 1975; *Он же*. Башни в горах. М., 1977, с. 203—266.

⁷ *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания..., с. 126—128.

⁸ *Робакидзе А. И.* Жилища..., с. 43, 44.

⁹ *Марковин В. И.* Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры. — Архитектурное наследие, 1975, вып. 23, с. 119, 120, рис. 1.

¹⁰ В работе А. И. Робакидзе на рис. 22 эта башня изображена в группе построек ПаргIал-наькъе.

¹¹ *Виноградов В. Б., Марковин В. И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966, с. 50, № 201 (обмеры башен у селений Верхний и Нижний Алкун были произведены в 1955 г. В. И. Марковиным и М. П. Севостьяновым).

¹² *Мужухоев М. Б.* Средневековая материальная культура..., с. 20, 21, 32, 33.

¹³ *Басилов В. Н., Кобычев В. П.* Галгай — страна башен. — СЭ, 1971, № 1, с. 124, рис. 2.

¹⁴ *Умаров С. Ц.* Средневековая материальная культура горной Чечни XIII—XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970, с. 6—9.

¹⁵ *Мужухоев М. Б.* Средневековая материальная культура..., с. 38, 39.

¹⁶ *Гольдштейн А. Ф.* Средневековое зодчество..., с. 18, 19.

¹⁷ *Дирр А. М.* В Тагаурской и Кургратинской Осетии. — Изв. КО РГО, 1912,

- т. 21, вып. 3, с. 265; *Plaetschke В.* Die Tschetschinen. Hamburg, 1929, S. 73, 74.
- ¹⁸ *Робакидзе А. И.* Жилища..., с. 81.
- ¹⁹ *Щеблыкин И. П.* Искусство Ингушетии, с. 273, рисунок.
- ²⁰ *Марковин В. И.* Некоторые особенности..., с. 122—125, табл. I—VI.
- ²¹ *Хан-Магомедов С. О.* Арочные конструкции в народной архитектуре Дагестана. — Архитектурное наследство, М., 1958, вып. 11.
- ²² *Марковин В. И.* Некоторые особенности осетинской башенной архитектуры. — В кн.: Кавказский этнографический сборник. М., 1976, т. 6, с. 233, 234, рис. 11.
- ²³ *Джандиери М. И., Лежава Г. И.* Архитектура горных районов Грузии. М., 1940, с. 7 и сл., рис. II, IX, XI; *Закарая П. П.* Крепостные сооружения Картли. Тбилиси, 1968; *Харадзе Р., Робакидзе А.* Мтиульское село в прошлом. Тбилиси, 1965.
- ²⁴ *Гольдштейн А. Ф.* Средневековое зодчество..., с. 28, 45, 47, рис. 17, 40, 41.
- ²⁵ *Макалагия С. И.* Хевсурети. Тбилиси, 1940, с. 95 и сл.
- ²⁶ *Латин Н.* Судак. М., 1928; *Якобсон А. Л.* Крым в средние века. М., 1973, с. 116, 117.
- ²⁷ *Семенов Л. П.* Склеп с фресками...; Архив ЛО ИА СССР, д. ГАИМК (ф. 2), № 234 за 1937 г.; *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 188—193, рис. 52—55.
- ²⁸ *Кобычев В. П.* Язык есть нем. — СЭ, 1973, № 4, с. 158, рис. 6.
- ²⁹ *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания..., с. 12, 20, 28.
- ³⁰ *Миллер В. Ф.* Терская область: Археологические экскурсии. — МАК, 1888, т. 1, с. 34; *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания..., с. 102, 103.
- ³¹ Архив ЛО ИА АН СССР, д. ГАИМК, № 174 за 1929 г., л. 63.
- ³² Там же, № 181 за 1928 г., л. 40, рис. 40.
- ³³ *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания..., с. 80.
- ³⁴ *Миллер А. А.* Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г. — Изв. РАИМК, 1925, т. 4, с. 29—40, рис. 14—16; Архив ЛО ИА АН СССР, д. ГАИМК, № 210 за 1925 г. (отчет И. П. Щеблыкина), л. 41.
- ³⁵ *Крупнов Е. И.* К истории Ингушии. — ВДИ, 1939, № 2, с. 84, 85.
- ³⁶ *Исламов А. А.* К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях р. Чанты-Аргуна. — Изв. ЧИНИИ, 1965, т. 3, вып. 1, с. 141, 142, рис. 6; *Марковин В. И.* В стране вайнахов. М., 1968, с. 92.
- ³⁷ *Закарая П. П.* Крепостные сооружения Картли, с. 130, 132, табл. 46, 47.
- ³⁸ *Амиранашвили Ш. Я.* История грузинского искусства. М., 1965, с. 273, 300, 301, рис. 55, табл. 149, 184.
- ³⁹ *Марковин В. И.* Исследование памятников средневековья в высокогорной Чечне. — КСИА, 1962, вып. 90, с. 51.
- ⁴⁰ *Закарая П. П.* Фортификационные сооружения Шида-Картли. — КСИИМК, 1952, вып. 46, с. 127—129.
- ⁴¹ *Робакидзе А. И.* Жилища..., с. 82, 83.
- ⁴² Там же, с. 70.
- ⁴³ *Марковин В. И.* В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965, с. 109, 110; *Он же;* В стране вайнахов, с. 102.
- ⁴⁴ *Мужухоев М. Б.* Средневековая материальная культура..., с. 47, 48.
- ⁴⁵ Там же, с. 47.

О. М. ИОАННИСЯН

ЦЕНТРИЧЕСКИЕ ПОСТРОЙКИ В ГАЛИЦКОМ ЗОДЧЕСТВЕ XII в.

Среди раскопанных в различное время памятников галицкого зодчества выделяется группа из четырех центрических построек-ротонд: церковь Пророка Ильи, Воскресенская церковь, ротонда-квадрифолий у с. Побережье и памятник, известный с 1882 г. под условным названием «Полигон». Кроме них, в домонгольском зодчестве Древней Руси известно только две ротонды — «Немецкая божница» в Смоленске¹ и открытая недавно в Киеве круглая в плане постройка, определяемая авторами раскопок как здание гражданского назначения². Еще две ротонды, Михайловская и Васильевская церкви во Владимире-Волынском, относятся уже ко второй половине XIII в.³

Галицкие ротонды с момента открытия постоянно привлекали к себе внимание исследователей. На первом этапе изучения галицкого зодчества (вторая половина XIX в.) необычность плана центрических храмов заставляла исследователей сомневаться в назначении открытых ими построек и высказывать предположения о том, что это — остатки оборонных башен⁴. Уже в наше время такой точки зрения придержи-

вался В. Гончаров⁵; однако другими исследователями эта позиция не только не была поддержана, но и оказалась опровергнутой после раскопок двух галицких ротонд, проведенных М. К. Каргером⁶. Исследователей последних трех десятилетий центрические памятники Галича интересовали уже с другой точки зрения — в них видели наиболее яркую иллюстрацию связей галицкого зодчества с романской архитектурой Запада. Галицкие ротонды упоминаются во всех общих работах по древнерусскому искусству, а также в специальных исследованиях, посвященных вопросам зарубежных связей культуры Древней Руси⁷.

Столь пристальный интерес к галицким ротондам объясняется двумя причинами. Во-первых, из восьми известных нам древнерусских памятников центрического типа четыре были выстроены в Галиче, два — во Владимире-Волинском, который с XIII в. входил вместе с Галичем в состав одного княжества — Галицко-Волинского, и только два памятника — в других древнерусских землях (по одному в Киеве и Смоленске). Указанная пропорция явно свидетельствует о том, что в Галиче сложилась определенная традиция строительства таких зданий, в то время как во всем остальном домонгольском зодчестве они представлены лишь единичными памятниками. Это и обусловило то обстоятельство, что сам факт наличия целой группы ротонд в галицком зодчестве заинтересовал исследователей более, чем все другие вопросы, связанные с его историей. Во-вторых, галицкие ротонды стали известными раньше других древнерусских памятников этого типа: в основном они были открыты еще во второй половине XIX в., в то время как смоленская и киевская — лишь в недавнее время.

Попытка выяснить истоки центрического типа храма в галицком зодчестве была предпринята В. Яремой⁸. Сделанный им вывод о том, что ротонды в архитектуре древнего Галича и центральноевропейских стран обязаны своим происхождением центрическим постройкам Великой Моравии, сам по себе верный, не объясняет, однако, конкретных путей проникновения центрического типа в галицкое зодчество. К более определенным выводам пришел М. К. Каргер. Публикуя один из раскопанных им галицких памятников, он привел конкретные аналогии, которые «наглядно свидетельствуют о той архитектурной среде, в которой вырос зодчий квадрифолия с Побережье»⁹. В то же время круг аналогий, предложенный М. К. Каргером, охватывал широкие как временные (с X по XIII в.), так и географические границы (Польша, Чехия, Венгрия), в то время как степень исследованности собственно галицкого материала была невелика. Это не давало возможности отвести квадрифолию у с. Побережье определенное место в историческом развитии зодчества древнего Галича.

П. А. Раппопорт, также очертивший границы аналогий галицким ротондам в романском зодчестве, впервые сделал попытку ограничить и возможное время их появления 60-ми годами XII в.—30-ми годами XIII в., не исключая, однако, возможности того, что некоторые из этих памятников могли быть построены уже во второй половине XIII в.¹⁰ Указывая эти хронологические рубежи, П. А. Раппопорт исходил из того, что первой монументальной постройкой в Галиче он считал Успенский собор, созданный в середине XII в., а ближайшие венгерские аналогии квадрифолию у с. Побережье относятся уже к XIII в. В то же время он отмечал условность этих хронологических рамок, вызванную недатированностью большинства галицких памятников. Из 13 известных в настоящее время памятников галицкого зодчества только четыре — церковь Иоанна в Перемышле, церковь Спаса, Успенский собор и церковь Пантелеймона в Галиче — связываются с более или менее определенными датами; остальные же совершенно не датированы.

Исследования, проведенные в последние годы, позволили вновь обратиться к анализу галицких ротонд и предпринять попытку связать эти памятники с одним из периодов в истории зодчества древнего Галича.

Церковь пророка Ильи (рис. 1, 1) стояла до начала XIX в., когда

Рис. 1. Центрические постройки древнего Галича. Планы (умен. около 600)

- 1 — церковь пророка Ильи (по М. К. Каргеру);
 2 — квадрифолий у с. Побережье (по М. К. Каргеру);
 3 — «Полигон»

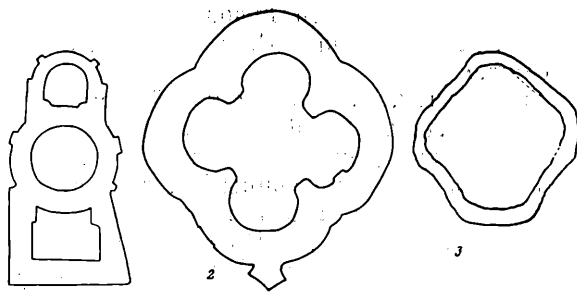
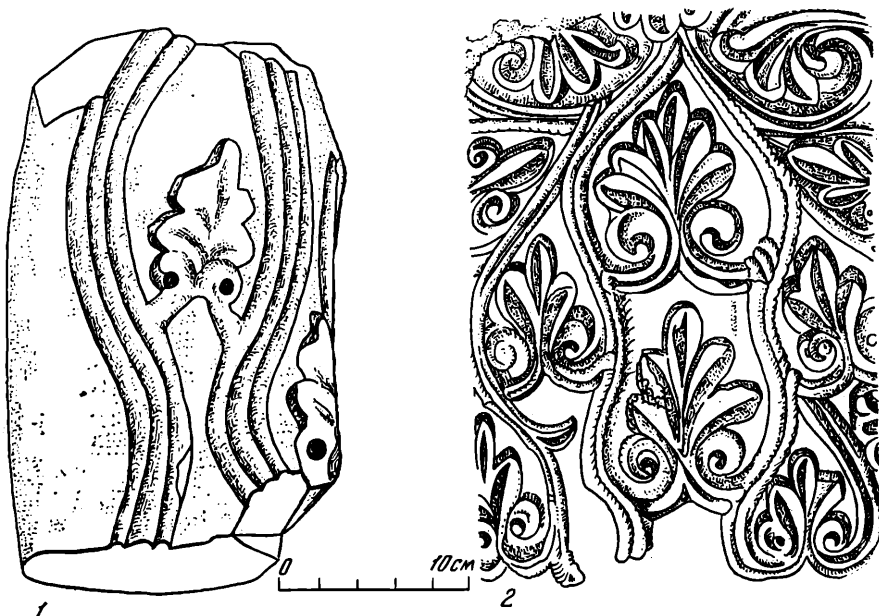

Рис. 2. Образцы с резным орнаментом

- 1 — фрагмент архивольта портала церкви пророка Ильи (ЛМУИ, н. м. 13937/3);
 2 — фрагмент белокаменного резного орнамента. Венгрия. Печ. Середина XII в.

она была разобрана, а ее материал использован для строительства митрополичьей палаты в с. Крылос. В 1884 г. ее остатки раскопаны Л. Лаврецким и И. Шараневичем. Схематичность плана, полученного в результате раскопок 1884 г., заставила М. К. Каргера провести в 1955 г. новое, более тщательное исследование¹¹. После раскопок М. К. Каргера были уточнены существенные детали плана. Выяснилось, что снаружи фасады ротонды и апсиды обработаны симметрично расположенными пилястрами. Вместе с тем сохранность кладки фундамента при раскопках 1955 г. была уже значительно хуже. М. К. Каргер отмечал, что «особенно сильно разрушен наружный контур бутовой кладки», в то время как при раскопках 1884 г. выявлено, что края фундамента, сложенного из небольших булыжников и рваных кусков известняка на известковом растворе, были укреплены тесаными блоками белого камня¹². М. К. Каргером была прослежена интересная конструктивная особенность: фундаменты апсиды, ротонды и притвора, несомненно одновременные, имеют различную глубину заложения. Фундамент апсиды заложен на 15 см выше фундамента ротонды, а фундамент притвора, наоборот, углублен. Более глубокое заложение последнего, вероятно, можно объяснить не только падаением материка, отмеченным в этом месте, но также и тем, что фундаменты различных частей здания могли нести неодинаковую нагрузку. Прием устройства фундаментов с разной глубиной заложения под различно нагруженные части здания — черта, характерная не только для этого памятника галицкого зодчества. Такая же особенность была выявлена и при исследовании церкви Николая во Львове, постро-

енной уже во второй половине XIII в.¹³ Не исключено, что западное членение церкви Ильи представляло собой не просто притвор, а башню.

Примеры памятников с такой композицией можно найти в романском зодчестве Центральной Европы: в Чехии и Моравии — ротонда св. Иржи в Ржице, освящена в 1126 г.¹⁴; костел Марии Магдалины в Пржеднн Копанине, вторая половина XII в.; костел св. Вацлава в Либоуне, первая половина XIII в.¹⁵; в Венгрии — в Моричели, XIII в.; в Словакии — в Шалове, XIII в.¹⁶; в Польше — ротонда св. Прокопа в Стрельно, вторая половина XII в.¹⁷ В некоторых случаях башни на определенной высоте открываются в интерьер ротонды. Не исключено, что они играли роль княжеских хор¹⁸. В древнерусском зодчестве подобный тип здания совершенно неизвестен.

Как при раскопках 1884 г., так и при повторном исследовании памятника в 1955 г. были найдены белокаменные архитектурные детали. В 1884 г. — это фрагменты архивольтов портала, покрытые резным растительным орнаментом (рис. 2), и фрагмент восьмигранной порталной колонки¹⁹, а в 1955 г. — фрагмент круглой колонки²⁰, которая также могла входить в состав портала, но могла и поддерживать пять арочки сложного окна (к сожалению, местонахождение ее в настоящее время неизвестно, а размеры М. К. Каргером не указываются). Церковь была расписана, при раскопках 1955 г. найден маленький фрагмент штукатурки со следами синей краски.

Вторая центрическая постройка Галича — ротонда в урочище Воскресенское. На основании названия урочища Я. Пастернак определил руины этого здания как остатки церкви Воскресения²¹. Этот памятник практически не изучен. Раскопки его, предпринятые в 1941 г., из-за войны не были доведены до конца. Прослежена лишь верхняя, наиболее разрушенная часть фундамента. На основании полученных данных делать какие-либо выводы бесполезно. Я. Пастернак приводит три различных варианта интерпретации плана постройки, предложенных ему М. Драганом: 1) ротонда с внутренними, не обозначенными снаружи апсидами; 2) ротонда, апсиды которой были обозначены снаружи; 3) квадратная постройка с апсидами²². Опубликованная Я. Пастернаком реконструкция М. Драгана совершенно условна, что, впрочем, и оговаривается обоими авторами. До проведения новых исследований церкви Воскресения все попытки ее интерпретации окажутся совершенно бесплодными. На основании раскопок Я. Пастернака можно утверждать только, что фундаменты Воскресенской ротонды были сложены в той же технике, что и церкви пророка Ильи, а также, что ее пол выложен из поливных плиток, фрагменты которых найдены при раскопках.

Третий памятник этой группы — ротонда-квадрифолий у с. Побережье (рис. 1, 2). Первую попытку ее исследования предпринял в 1935 г. Я. Пастернак, однако раскопки были проведены лишь частично²³. Полностью памятник был вскрыт в 1959 г. М. К. Каргером²⁴. Выяснилось, что он представляет собой наиболее редкий тип центрического здания — ротонду с четырьмя симметрично расположенными апсидами. Фундамент постройки при сравнительно небольших ее размерах имеет необычайную ширину — 3,5 м. В западной части западной апсиды он образует ромбовидный выступ, назначение которого никак не было объяснено М. К. Каргером.

Как Я. Пастернак, так и М. К. Каргер находили при раскопках памятника резные белокаменные детали. Я. Пастернаком найдено довольно большое количество их фрагментов, среди которых он особенно отмечает кусок граненой колонки, тесаный блок архивольта, граненый камень с углублением от подпятника двери, замковый камень двойного окна и «несколько фрагментов архитектурной резьбы в романском стиле». Эти находки были переданы исследователем в Музей Богословской академии во Львове. Где они находятся в настоящее время, пока выяснить не удалось; поэтому остается неизвестным, какой характер носила

резьба — орнаментальный или изобразительный. Несколько небольших фрагментов архитектурных деталей найдено М. К. Каргером, хотя по ним также сложно представить себе общий характер резьбы; вместе со сведениями, приводимыми Я. Пастернаком, они дают возможность предположить, что в декоре церкви резной камень применялся довольно широко. находка граненой колонки и фрагмента архивольты свидетельствует о том, что у квадрифолия был перспективный портал. Ромбовидный отросток фундамента у западной апсиды, вероятнее всего, является основанием такого портала, выдвинутого к западу. Основываясь на местном предании, Я. Пастернак утверждал, что церковь у с. Побережье была храмом существовавшего в древности в Галиче Борисоглебского монастыря²⁵.

Четвертый из этой группы памятников — центрическое сооружение на поле между селами Залуква и Шевченково — до сих пор оставался самой загадочной постройкой во всем галицком зодчестве. Впервые он был открыт Л. Лаврецким и И. Шараневичем в 1882 г.²⁶ Обмер памятника производился известным львовским архитектором Ю. Захаревичем. Снятый им план являлся не столько документом, показывавшим истинное состояние открытых руин, сколько попыткой реконструировать непонятное сооружение. Ю. Захаревич представил постройку в форме многоугольника с двумя скругленными восточными углами и, исходя из этой конфигурации, дал памятнику условное наименование «Полигон»²⁷, с тех пор прочно закрепившееся за ним в научной литературе. В 1979 г. «Полигон» был повторно вскрыт Галицким отрядом Архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР. В результате этих раскопок выяснилось, что постройка представляет собой в плане не многоугольник — «полигон», а квадрифолий (рис. 1, 3). Фундамент западного лепестка более широкий и, кроме того, заложен значительно глубже фундаментов остальных частей здания. Это свидетельствует о том, что он нес на себе более нагруженную часть здания, вероятнее всего перспективный портал. Техника кладки фундамента аналогична технике кладки описанных памятников. Фундамент был опущен в культурный слой, образовавшийся на этом месте еще до возведения постройки, и на 40—50 см заглублен в материк.

При раскопках 1882 г. были найдены фрагменты цокольных камней с сегментовидным валом²⁸. Такой же фрагмент найден и в 1979 г. В памятниках галицкого зодчества первой половины XII в. цоколь сводился лишь к небольшому прямоугольному уступу; впервые профильный цоколь появляется в Успенском соборе. Уже на основании только этих находок «Полигон» не может быть датирован первой половиной XII в., а должен быть отнесен к более позднему времени.

Более точно определить время создания этой ротонды-квадрифолия позволяют керамические плитки с рельефными изображениями орлов и грифонов, найденные при раскопках 1979 г. Такой тип плиток известен еще только в двух памятниках галицкого (и вообще древнерусского) зодчества — Успенском соборе в Галиче²⁹ и деревянной церкви домонгольского времени в Василеве³⁰. Небольшой сохранившийся участок пола «Полигона», обнаруженный при раскопках 1979 г., показывает, что рельефные плитки были применены в его наборе случайно, без всякой системы, вместе с обычными гладкими плитками. Это заставляет предположить, что они не были специально изготовлены для этой постройки. Вряд ли такие плитки изготавливались и в Василеве. Учитывая, что плитки этого типа, кроме «Полигона» и Василева, известны только в Успенском соборе, можно предположить, что все они изготовлены в одной партии (с различными вариантами рельефных изображений), а на строительство «Полигона» и в Василев были отправлены плитки, по каким-то причинам оказавшиеся не использованными в Успенском соборе. Это позволяет датировать «Полигон» временем после постройки Успенского собора — серединой—второй половиной XII в. Такая датировка подтверждается и керамическим материалом. Для того чтобы на месте по-

стройки до начала ее возведения мог накопиться слой с керамикой XII в. мощностью около полуметра, с начала этого столетия должно было пройти по крайней мере несколько десятков лет.

Центрические храмы с планом в виде квадрифолия относятся к наиболее редкому типу ротонд. Наибольшее количество памятников этого типа известно в венгерском зодчестве XI—XIII вв. В Галиче уже при постройке Успенского собора работали венгерские мастера. Поэтому естественно предположить, что совершенно неизвестный в древнерусском зодчестве тип храма-квадрифолия был принесен в Галич строителями из Венгрии, где этот тип получил широкое распространение. Об этом же говорит и характер белокаменной резьбы. Так, например, мотив листьев на камне архивольта из церкви пророка Ильи находит прямые аналогии в венгерских памятниках XII в. (рис. 2, 2). Исходя из венгерских же аналогий, можно объяснить и необычную ширину фундамента церкви у с. Побережье. Наиболее близкие ему по размерам и форме плана капеллы в Яке и в Папоце были двухэтажными, а в Храсте над Горнадом и в Гурасаде на углы, образованные сопряжением апсид, опираются массивные четырехгранные башни. И та, и другая композиция требует более мощного, чем обычно, основания.

Наличие декоративной резьбы во всех центрических памятниках Галича дает возможность предположить, что они, как и «Полигон», были построены уже после Успенского собора, где эта резьба впервые появляется. Однако резьба церкви Пантелеймона стилистически существенно отличается от известных нам фрагментов из церкви пророка Ильи и квадрифолия у с. Побережье. Она характеризуется большей декоративностью, изощренностью орнамента, дробностью его элементов, большей натуралистичностью растительных мотивов. На основании этого можно предположить, что время появления галицких ротонд укладывается в промежуток между постройкой Успенского собора и церкви Пантелеймона, т. е. во вторую половину XII в.

Вторая половина XII в. характеризуется в истории Галича как период активных контактов с Венгрией. Начиная с 1187 г., летописец упоминает их ежегодно, а в 1188—1189 гг. на галицком престоле находился даже венгерский королевич Андрей³¹. Соблазнительно предположить, что центрические храмы были выстроены именно в это время. Однако, как мы уже видели, «Полигон» был построен вскоре после Успенского собора, т. е., вероятнее всего, в 50-е годы XII в., а венгерские мастера работали в Галиче при строительстве последнего, очевидно, уже с конца 40-х годов. Кроме того, период княжения Андрея и связанная с ним венгерская оккупация Галича были временем военных тревог и усобиц, мало приспособленным для строительства, а в конце XII в. в Галиче уже происходит смена стилистического направления в зодчестве, примером чего служит церковь Пантелеимоны. Поэтому следует предположить, что памятники исследуемой нами группы были построены при князе Ярославле Осмомысле, т. е. в промежутке с начала 50-х до конца 80-х годов XII в. Во всяком случае, «Полигон», датируемый лучше других памятников этой группы, был выстроен именно при Ярославле. Правда, как раз для времени его княжения почти отсутствуют летописные упоминания о контактах с Венгрией. Однако тот факт, что летопись молчит о них, вовсе не означает, что их не было. Характер проводившейся Ярославом Осмомыслом внешней политики свидетельствует о том, что такие контакты были неизбежны.

Конец 50-х годов XII в. характеризуется борьбой Ярослава с князем Иваном Берладником за территорию Дунайского Повизья, закончившейся в 1159 г. победой галицкого князя. Земли в низовьях Дуная, который после того, как половцы перерезали путь «из варяг в греки», стал важнейшей артерией международной торговли между Западом и Византией, были жизненно важным как для Галича, так и для Венгрии³². Поэтому неудивительно, что, когда Ярослав Осмомысл направил в Киев посольство с жалобой на Ивана Берладника, захватившего на Дунае

галицкие торговые суда «и пакостише рыболовом галичским», в его состав входили и представители венгерского короля³³. Захватив Дунайское Понизье, Ярослав тем самым «затворил Дунаю ворота» и мог, опираясь на свои «железные полки», диктовать свою волю венгерскому королю. Говоря о возможных контактах Ярослава с Венгрией, не следует забывать и о том, что он являлся союзником Изяслава Киевского, сестра которого была венгерской королевой.

Время княжения Ярослава Осмомысла — период расцвета экономики и культуры Галича, когда *«ученые хитрецы и ремесленники от всех стран к нему приходили»* (курсив мой. — О. И.) и грады населяли, которыми обогатилась земля Галицкая во всем³⁴.

Галицкие ротонды — пожалуй, единственный в истории древнерусского зодчества пример появления на русской почве не только романской строительной техники и элементов декоративного убранства храма, но и западных типов культовых построек. Если венгерский зодчий, строивший Успенский собор в Галиче, так же как и работавшие в Галицком княжестве в начале XII в. польские мастера или «мастера от немец» во Владимир-Суздальской земле, создал типичный для древнерусской архитектуры крестово-купольный храм с галереями, то создатели галицких ротонд ввели в древнерусское зодчество откровенно романские типы церквей, незнакомые и неканонизированные на Руси. Чем это можно объяснить? Вероятнее всего, тем, что воля заказчика, князя или епископа распространялась прежде всего на постройку главных, центральных сооружений. Именно таким сооружением и был главный собор Галицкого княжества — Успенский. Причем, задавая зодчему определенный тип храма, князь, скорее всего, исходил не из того, что главный собор не может быть построен по «латинскому» образцу, а из стремления сделать его таким, как выглядели храмы главного города русской земли — Киева. Это в первую очередь и определило тип Успенского собора. В постройках же менее значимых с официальной точки зрения заказчик мог предоставить выбор типа храма самому зодчему, который возводил более привычные для него постройки. Формальное разделение христианской церкви на западную и восточную произошло в середине XI в., однако резкого антагонизма между ними не наблюдалось еще и в XII в. Поэтому откровенно западные формы центральных храмов могли не вызывать недовольство со стороны церкви, тем более что традиция строительства таких храмов в западославянских странах прямо связывалась с Великой Моравией³⁵ и деятельностью Кирилла и Мефодия, которые были канонизированы как святые православной церкви.

Очень важен и тот факт, что в борьбе за выход из Дуная в Черное море участвовала и Византийская империя, дважды, в 1161 и 1167 гг., разгромившая войска венгерского короля Стефана III. По договору, заключенному между Византией и Венгрией в 1167 г., венгерская церковь признала супрематии Константинополя³⁶. Таким образом, в интересующее нас время венгерская церковь в глазах русских священников и князя была практически православной и принятый в ней тип культового здания не должен был восприниматься как неканоничный.

Топография размещения галицких ротонд позволяет предположить, что это были монастырские церкви. Расположение монастырей вне города и посада, но в непосредственной близости от них (подобно Воскресенской и Ильинской ротондам) характерно для топографии древнерусских городов. Не менее характерно и устройство монастырей, расположенных на значительном удалении от города (подобно квадрифолию у с. Побережье). Особенно типично расположение «Поллигона» по соседству с княжеским двором. Размещение рядом загородной резиденции князя и княжеского монастыря традиционно для древнерусской градостроительной практики.

Свидетельство Ипатьевской летописи, что Ярослав Осмомысл перед смертью «повеле раздавати имение свое монастыремь»³⁷, говорит о том,

что при нем в Галиче был не один, а несколько монастырей, и косвенно подтверждает нашу интерпретацию происхождения рассмотренных памятников, а также их датировку.

- ¹ *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979, с. 140—150.
- ² *Боровський Я. Е., Толочко П. П.* Київська ротонда. — В кн.: Археологія Києва. Дослідження і матеріали. Київ, 1979, с. 101—103.
- ³ *Каргер М. К.* Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире-Волынском. — Учен. зап. ЛГУ, 1958, № 252, вып. 29, с. 25—33.
- ⁴ *Szaraniewicz I.* O rezultatach poszukiwań archeologicznych w okolicy Halicza w r. 1884 i 1885. — Przegląd archeologiczny. Lwów, 1890, z. 4, s. 76; *Сичинський В.* Конспект історії всевітнього мистецтва. Прага, 1928, с. 187.
- ⁵ *Гончаров В.* Отчет о раскопках в Галиче в 1951 г. — Архив ИА АН УССР.
- ⁶ *Каргер М. К.* Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г. — КСИА, 1960, вып. 81, с. 70—71; *Он же.* К истории галицкого зодчества XII—XIII вв. — КСИА, 1976, вып. 146, с. 53—59.
- ⁷ *Лазарев В. Н.* Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XV вв.). — В кн.: Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. М., 1978, с. 234; *Исаевич Я. Д.* Из истории культурных связей Галицко-Волынской Руси с западными славянами в XII—XIV вв. — В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 270—271; *Сопоцинский О. И., Василенко В. М.* Искусство Древней Руси. — В кн.: История искусства народов СССР. М., 1973, т. 2, с. 394 (В последней работе делается малообоснованная попытка связать появление центрического типа храма в Галиче с влиянием зодчества средневековой Армении) и др.
- ⁸ *Ярема В.* Кам'яні свідки місіонерської діяльності слов'янських апостолів. — Православний вісник, 1971, № 1, с. 28—32.
- ⁹ *Каргер М. К.* К истории галицкого зодчества... с. 57—59.
- ¹⁰ *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв. — В кн.: Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 27.
- ¹¹ *Каргер М. К.* Основные итоги раскопок... с. 70—71.
- ¹² *Пастернак Я.* Старий Галич. Краків; Львів, 1944, с. 77—78.
- ¹³ *Малевская М. В., Иоаннисян О. М., Могитич И. Р., Бучко Р. В.* Исследования памятников архитектуры в Львове и Львовской обл. — А О 1977 г. М., 1978, с. 352.
- ¹⁴ *Panské trubuny v naši románské architektuře.* — Umeni, 13, 1965, s. 33, pr. 17. А. Мерхаутова считает, что башня была пристроена в 1126 г. к ротонде XI в. См.: *Merhautova A.* Rané stredoveka architektura v Cechach. Praha, 1974, s. 307.
- ¹⁵ *Merhautova A.* Op. cit., s. 159, 298.
- ¹⁶ *Gerwers-Molnar V.* A Középkori magyarországi rotundái. Budapest, 1972, p. 87.
- ¹⁷ *Sztuka polska przedromańska i romańska do schyłku XIII wieku.* Warszawa, 1971, t. I—4, s. 139.
- ¹⁸ *Panské trubuny...*, s. 33.
- ¹⁹ *Peleński J.* Halicz w dziejach sztuki średniowiecznej. Kraków, 1914, s. 80—82.
- ²⁰ *Каргер М. К.* Основные итоги раскопок... с. 71.
- ²¹ *Пастернак Я.* Указ. соч., с. 31.
- ²² Там же, с. 78.
- ²³ Там же, с. 82.
- ²⁴ *Каргер М. К.* К истории галицкого зодчества... с. 53—59.
- ²⁵ Там же, с. 54—55, примеч. 7 (ссылка на рукопись Я. Пастернака в Львовском историческом музее).
- ²⁶ *Szaraniewicz I.* Trzy opisy historyczne starożytności grodu Halicza w r. 1860 i 1882. Lwów, 1883, s. 114; *Он же.* O rezultatach poszukiwań... 1890, 75.
- ²⁷ *Zacharjewicz J.* Opis architektoniczny fundamentów i wykopaliisk odkrytych w jesieni 1882 r. — In: *Szaraniewicz I.* Trzy opisy... s. 164—166.
- ²⁸ *Peleński J.* Op. cit., s. 83; *Пастернак Я.* Указ. соч., с. 76.
- ²⁹ *Малевская М. В., Раппопорт П. А.* Декоративные керамические плитки древнего Галича. — СА, 1978, XXV-I, 87—98.
- ³⁰ *Тимошук Б. А.* Декоративные плитки XII—XIII вв. из Василева. — КСИА, 1969, вып. 120, с. 112.
- ³¹ ПСРЛ, т. II, стб. 660—661.
- ³² *Frances E.* Les relation russo-byzantines au XII siecle et la domination de Galicie au Bas-Danube. — Byzantinoslavica. Prague, 1959, N 1 (20), p. 50—62.
- ³³ ПСРЛ, т. II, стб. 497.
- ³⁴ *Гагуцев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1964, т. III, с. 103.
- ³⁵ *Problematyka przedromanskich i romanskich rotund balkanskich, czeskich i polskich.* — BHS, 1962, N 3/4, s. 273—282.
- ³⁶ История Византии. М., 1967, т. 2, с. 326.
- ³⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 657.

О ПЕРИОДИЗАЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ БОЛГАРИИ (V—VI вв.)

Раннесредневековая архитектура Болгарии неотделима от архитектуры стран Средиземноморского бассейна — центральных районов Византии, Греции, всего Балканского полуострова, от архитектуры Малой Азии и Сирии; она подчинялась общему закономерному процессу развития зодчества в этой обширной области. В эпоху раннего средневековья архитектура во всех названных странах прошла ясно выраженные два этапа развития.

Первый из них, охватывающий IV и V столетия, характеризуют небольшие короткие или удлиненные однефные храмы с выступающей или скрытой в толще стены апсидой. Однефные храмы строились повсеместно (Малая Азия, Сирия, Закавказье), но всюду они своеобразной формы, что исключает объяснение общности их архитектуры влияниями, которые, конечно, имели место, но не определяли тенденцию и направленность процесса развития. Общность эта заключается в принципиальной близости такого рода храмов в различных странах. Прежде всего она сказывается в замкнутости внутреннего пространства, словно закованного в мощные непроницаемые стены, очень слабо освещенного немногими узкими окнами и погруженного в «божественный мрак», о котором еще в V—VI вв. писали идеологи христианства (Псевдодидоний Арсепагит) и который создавал в храме атмосферу мистицизма и, казалось, сближал верующих с самим божеством. В нарочитой отрешенности от внешнего мира сказывалась связь этой архитектуры с раннехристианской традицией, долго державшейся в народе, особенно на Востоке, еще слабо эллинизованном.

Эти сокровенные черты можно наблюдать и в архитектуре, сложившейся на болгарской почве. Они свойственны очень своеобразному по форме храму, расположенному на возвышенности Джанавартепе близ Варны, т. е. вдали от крупных византийских центров, и построенному, вероятно, в V в. Глухой и изолированный наос храма с мощными стенами (толщиной до 2,5 м) сближает его со столь же замкнутыми храмами Малой Азии, Месопотамии, Армении и Грузии IV—V вв., хотя типологически он далеко не совпадает с ними¹. Архитектура Джанавартепе типична именно для раннего этапа развития средневековой архитектуры (рис. 1—4).

Интенсивное распространение христианства вызвало необходимость также повсеместно строить наряду с малыми и более вместительные храмы в виде трехнефных базилик, но и они были весьма различными по размеру, а в разных странах — и по форме. В одних странах (Греция, Сирия) нефы разделялись колоннами, в других (Малая Азия и Закавказье, позднее Сирия) — столбами; апсидальное полукружие либо выступало наружу, либо (в Сирии и Закавказье) сооружалось в толще стены. Базилики эти возводились в монастырях, куда стекалось множество богомольцев, а наиболее крупные — в городах и епархиальных центрах.

На территории Болгарии также сохранились большие трехнефные раннесредневековые базилики, относящиеся к VI в. Это так называемая Старая Метрополия в Месемврии (Несебре) с часто поставленными удлиненными столбами, разделяющими нефы, перекрытая, вероятно, деревянными стропилами, и трехапсидная базилика в Большом Белове с массивными столбами, перекрытая некогда сводами². Базилики эти еще архаичны, но их обширный размер и монументальность показывают, что они уже отошли от раннехристианского этапа архитектуры и, скорее, ха-

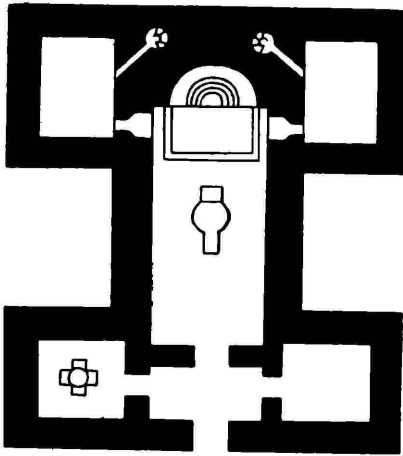
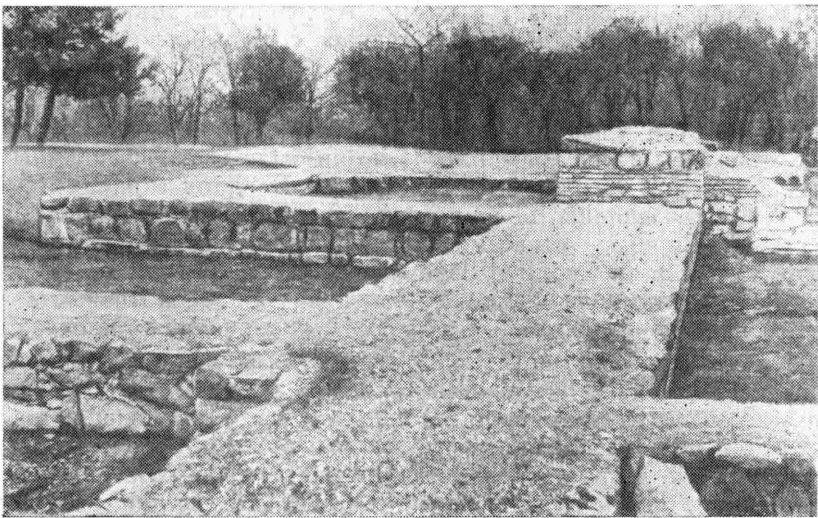
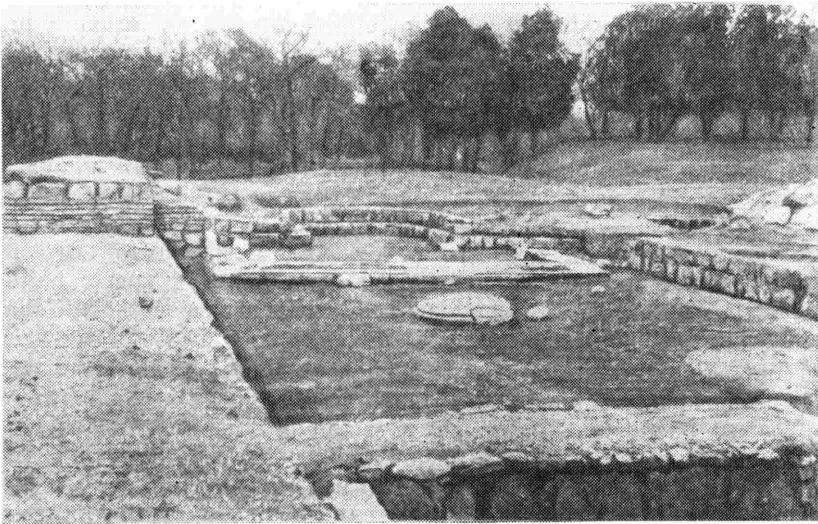

Рис. 1. Джанавартепе. План храма

Рис. 2. Джанавартепе. Общий вид наоса с западной стороны

Рис. 3. Джанавартепе. Северная часть храма

рактизируют переходные формы — от первого этапа ко второму.

Со вторым этапом связаны принципиально новые явления в средневековом зодчестве, повсеместно наметившиеся во второй половине V в. Они выразились не только в расширении базиликальных храмов, но и в создании большой купольной архитектуры, означавшей наступление принципиально нового этапа в архитектурном развитии. Появление купола было вызвано теми требованиями, которые стало предъявлять строителям само богослужение, сложившееся к тому времени: центр богослужения — литургическое действие — переместился под купол. Литургия, весь ее эмоционально-художественный комплекс, наполненный детально разработанной символикой и обращенный к верующим, должна была быть максимально доступной их глазу и слуху, отовсюду видной и слышной. В силу этого боковые пространственные объемы, где размещались молящиеся, стали ориентировать не вдоль храма (к алтарю в восточном конце здания), а обращать к подкупольному пространству в центре храма. Особенно отчетливо дает понять идейные основы архитектурной метаморфозы сложная и разветвленная символика храма, выработанная к VI в. и известная нам по сирийскому гимну того времени в честь храма в Эдессе (Северная Месопотамия)³. Символы скрывали мистическое содержание богослужения. Создана была новая концепция храма как микрокосма, как воплощения всего мироздания, существовавшего под «небесами небес», олицетворенными в куполе, и наполненного светом и красками. Храм должен был подавлять входящих в него величием форм и казаться нерукотворным чудом. Так купольный храм и воспринимали современники, о чем писал хронист VI в. Прокопий Кессарийский⁴. Эта новая концепция стала определяющей для всей монументальной архитектуры раннего средневековья на втором этапе ее развития.

Становление купольной архитектуры в VI в. было длительным и сложным процессом. В разных странах композиция купольных храмов отличалась своеобразием и постепенно совершенствовалась. Смысл же всего архитектурного процесса заключался в объединении внутреннего пространства и развитии центрического принципа. Таким образом, под воздействием новых идейных задач и соответственно новым требованиям церкви формировалась центрическая композиция монументального купольного здания. Этот новый этап архитектурного прогресса мы наблюдаем опять-таки повсюду — и в Малой Азии, и в Сирии, и в странах Закавказья, не говоря уж о собственно Византии, в столице которой была воздвигнута гигантская София (532—537 гг.), строительство ее явилось кульминацией в развитии купольной архитектуры.

Большую популярность в это время получила композиция, в которой центрическая концепция выражена особенно рельефно. Имею в виду композицию триконха, которую воспроизводит целая серия больших центрических зданий VI в. в Сирии, Палестине, Месопотамии (в Босре — 512 г., в Гересе, Русафе-Сергиополисе — около 553 г.), увенчанных, правда, еще деревянным куполом (конусовидным шатром), как и их западные пред-

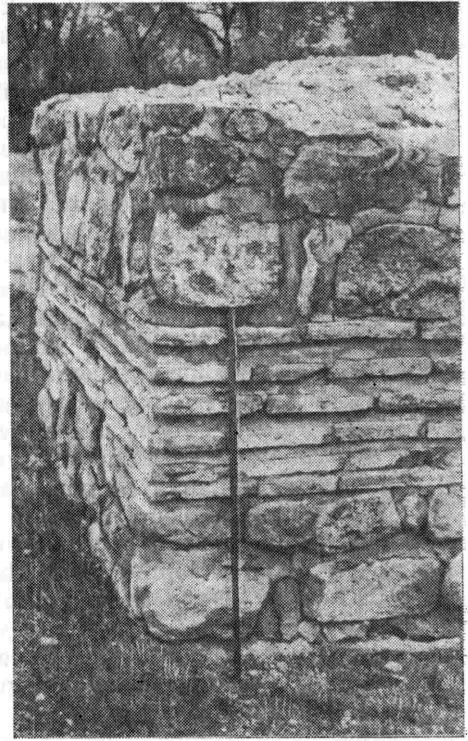

Рис. 4. Джанавартепе. Кладка храма

шественики IV—V вв. (церковь Сан Лоренцо в Милане и Стоа Адриана в Афинах). Но в середине VI в. в Апамее — крупном церковном центре северной Сирии — был возведен огромный тетраконх с мощными столбами, поддерживавшими каменный (или кирпичный) купол⁵; в VII в. тетраконх в еще более совершенном виде, также с каменным куполом был построен в Армении (Звартноц). Вся эта центрическая архитектура, торжественная и величавая, с динамично устремленными ввысь массами, освещенными многочисленными окнами, создававшими градацию света от низа кверху, воплотила огромный прогресс в развитии средневековой архитектуры.

Этот этап представлен и в Болгарии. Имею в виду так называемую Красную церковь близ Перущицы (около Пловдива)⁶, сложенную из кирпича и представляющую собой большую и сложную композицию (ширина здания 28,5 м) в виде триконха, две большие боковые экседры которого окружены обходом, предназначенным для молящихся. Массивные устои и толстые стены ясно указывают на то, что здание было завершено куполом (очевидно, кирпичным), а повышенные и выработанные пропорции позволяют говорить о зрелости форм этого здания. Наличие здесь кирпичного свода диаметром около 8 м можно связать с успехами куполостроения в византийской столице, и потому здание это вернее отнести ко второй половине VI в. Церковь близ Перущицы хорошо выраженный памятник нового (второго) этапа развития раннесредневековой архитектуры.

Зодчество Болгарии в V—VI столетиях, таким образом, полностью вписывается в историю архитектуры обширного района Присредиземноморья той эпохи и следует тем же закономерностям архитектурного прогресса.

¹ *Миляев Кр.* Архитектурата в средновековна България. София, 1965, с. 22, рис. 15. Средняя часть храма (его наос), вероятно, перекрывалась полуцилиндрическим сводом; восточные боковые помещения были двухэтажными (на что указывают внутрискладчатые лестницы с узкими проходами в них). В северо-западном помещении находилась крещальня. Монументальная кладка состоит из крупных камней, подтесанных с лица, широкие слои которых чередуются с рядами кирпича (*opus mixtum*).

² Там же, с. 13—18.

³ *Dupont-Sommer A.* Une hymne syrienne sur la cathédrale d'Édesse. — *Cahiers Archéol.*, 1947, N II, p. 30—31.

⁴ ВДИ, 1939, № 4, с. 210.

⁵ См.: *Kleinbauer W. E.* The Origin and Functions of the Aisled Tetraconch Churches in Syria and Mesopotamia. — *Dumbarton Oaks Papers*, 1973, vol. 27, p. 98—101, fig. 6.

⁶ *Понайотова Д.* Червената църква при Перущица. София, 1956; *Миляев Кр.* Указ. соч., с. 23.

А. Н. ЩЕГЛОВ

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВЫСОТЫ ПОСТРОЕК ПО РАЗВАЛАМ СЫРЦОВЫХ СТЕН

Сооружение жилых и общественных построек, а также крепостных стен из сырцового кирпича, как известно, широко практиковалось в Греции¹. Не составляет в этом отношении исключения и Причерноморье. Возведение сырцовых стен на каменных цоколях в массовом городском и сельском строительстве зафиксировано в Ольвии², Херсонесе³ и на Боспоре⁴.

Характерным признаком того, что стены построек были сложены из сырцовых кирпичей, служат остатки невысоких (0,2—0,5 м) или высоких (до 1 м) каменных цоколей⁵ с горизонтально выровненной верхней плоскостью и заполнение из плотного скелетистого суглинки различных оттенков желтого цвета, вмещающее остатки цоколей. Стены, как пра-

вило, возводились без фундамента. Основания каменных цоколей чаще всего лежат на выровненной древней поверхности. И только в тех случаях, когда грунт имел неодинаковую плотность (например, Ольвия, Истрия) или постройки носили монументальный характер (например, Ольвия, Херсонес), делались специальные фундаменты, иногда впущенные на большую глубину.

Толщина каменных цоколей определялась размерами стандартных сырцовых кирпичей и способом их укладки при возведении стены. Наиболее часто встречающаяся толщина цоколей в городских домах и сельских усадьбах северочерноморских центров IV—III вв. до н. э. 0,40—0,45 м и 0,50—0,55 м. Наблюдения показывают, что такая толщина цоколей обычна и для других греческих центров (ср., например, Афины, Олинф, сельские дома в Аттике) ⁶. Иногда наружные стены зданий делались вдвое толще, и тогда толщина цоколей соответственно составляла 0,80—0,90 и 1,00—1,10 м. Разумеется, всегда существовали какие-то отклонения в ту или иную сторону, связанные с конкретным назначением той или иной постройки или другими причинами. В данном случае речь идет о массовом строительстве, в котором применялись стандартные материалы и стандартные (традиционные) приемы и навыки.

Размеры сырцовых кирпичей, употреблявшихся в городском и сельском строительстве Северного Причерноморья, так же как и в других местах Греции, были стандартными ⁷. Колебания в стандартах, очевидно, зависели от величины тех единиц длины, которые были приняты в том или ином центре. Так, в Ольвии и Херсонесе (Панское I, Чайка) в постройках IV—III вв. до н. э. использовался квадратный кирпич около $0,40 \times 0,40$ м при толщине 0,08—0,10 м и половинный кирпич со сторонами около $0,20 \times 0,40 \times 0,08$ —0,10 м ⁸. На Боспоре для памятников I в. до н. э. зарегистрировано употребление квадратных кирпичей размерами $0,52 \times 0,52 \times 0,07$ м и $0,24 \times 0,24 \times 0,045$ м ⁹. Не исключено, впрочем, что кирпичи первого размера могли производиться и в Херсонесе, так как такому стандарту соответствует толщина цоколей 0,50—0,55 м. С другой стороны, при раскопках здания У6 на херсонесском сельском поселении Панское I зафиксирована кладка из целых и половинных кирпичей обычных для Херсонеса размеров на цоколе толщиной 0,55 м. Изготавливались кирпичи и другой величины. В Ольвии встречены кирпичи $0,40 \times 0,50$ и $0,20 \times 0,50$ м при толщине 0,06—0,08 м ¹⁰, а в херсонесском здании III в. до н. э. на поселении Чайка — $0,20 \times 0,40 \times 0,60$ м ¹¹. Для специального строительства (например, керамических печей) изготавливали нестандартные кирпичи ¹².

Более или менее хорошо сохранившиеся остатки кладок из сырцовых кирпичей — явление чрезвычайно редкое. Исключение составляют памятники Таманского полуострова, где сырцовые стены сохранились на большую высоту. Обычно же разрушившиеся стены образуют аморфную плотную однородную суглинистую массу, хорошо выделяющуюся в процессе разборки культурного слоя. Чаще всего этот слой заполняет внутреннее пространство помещения между каменными цоколями и оконтуривает в виде своеобразного «вала» основания внешних стен постройки. Таким образом, каменные цоколи оказываются включенными в слой развала сырцовых стен. Характерно, что плотность образовавшейся аморфной массы практически соответствует плотности сырцовых кирпичей. Это свойство имеет решающее значение для определения первоначальной высоты стен, ибо задача сводится к тому, чтобы определить объем сырцово-суглинистой массы и поделить его на площадь стен, известную по толщине и суммарной протяженности каменных цоколей. Решение подобных задач возможно в тех случаях, когда на месте внезапно или постепенно разрушившихся построек не велось последующего строительства и связанных с ним планировок поверхности (хотя и здесь могут быть исключения).

Для решения задачи прежде всего необходимо определить границы развала сырцовых стен за пределами остатков наружных стен исследуе-

мой постройки. Это возможно, если здания были отделены друг от друга более или менее значительными промежутками. При этом, если поверхность памятника не повреждена перекопами, распашкой и не засорена современным магнитным материалом (железными предметами, шлаком, остатками костров и т. п.), а слой, образовавшийся в результате разрушения сырцовых стен, перекрыт только почвенным слоем, его границы и мощность иногда могут быть примерно определены до раскопок или без проведения раскопок путем археолого-геомагнитной съемки. В исключительных случаях эта точность может быть довольно высокой.

В качестве примера приведем строительные остатки здания У13 на поселении Панское I, предварительно исследованные комплексом археолого-геофизических методов¹³, а затем раскопанные. Как показали раскопки, одна из внешних стен этого сельского дома во время пожара практически целиком обрушилась наружу, на горизонтальный уровень древней поверхности, синхронный времени гибели здания, и образовала однородный суглинисто-сырцовый слой, лежащий в виде «вала» шириной около 4 м вдоль каменного цоколя стены (рис. 1, 1; 2, 1; 3, 1). Максимальная толщина слоя у цоколя равнялась 0,45 м; по мере удаления от цоколя слой постепенно выклинивался. Описанное распределение материала разрушившихся сырцовых стен, подвергшихся термическому воздействию, позволяет определять контуры и объем слоя до или без раскопок, так как контуры и физические характеристики магнитных аномалий, непосредственно связанных с такого рода образованиями, имеют уникальный вид (рис. 1, 2А), однозначно интерпретируемый. В приведенном примере перед раскопками была выполнена магнитная съемка квантовыми магнитометрами М-33¹⁴. На полученной карте аномального магнитного поля, выраженной в изолиниях ΔT_a (рис. 1, 2), вид аномалии достаточно точно отражает описанные выше пространственные характеристики суглинисто-сырцового слоя. Дальнейший анализ материала магнитной и геоэлектрической съемок в сопоставлении с данными раскопок позволил В. В. Глазунову отработать методику оценки объема сырцово-суглинистого слоя такого типа только по данным археолого-геофизической съемки, что дает возможность в случаях, аналогичных приведенному, определять первоначальную высоту стен постройки, не прибегая к раскопкам. Методика соответствующих расчетов подробно описана¹⁵.

Для более точной оценки объема сырцово-суглинистой массы, составляющей слой разрушившихся сырцовых стен по периметру постройки, необходимо в процессе раскопок получить максимально большее количество поперечных сечений слоя (рис. 1, 5; 3, 1). Определив площадь каждого сечения, вычисляем среднюю площадь сечения слоя и, умножив полученный результат на протяженность слоя вдоль каменных цоколей, определяем общий объем сырцово-суглинистой массы, распределенной по периметру здания или вдоль части его наружных стен.

Поперечное сечение слоя разрушившихся стен чаще всего имеет вид, представленный на рис. 1, 1. Вычисление площади такого рода сечений легко можно провести в поле или в камеральных условиях по разрезам с помощью планиметра или аппроксимируя эти сечения в виде суммы площадей простых фигур — прямоугольников и треугольников, как показано на рис. 1, 3.

Следующий этап — вычисление сырцово-суглинистой массы внутри помещений. Обычно слой внутри помещений ограничен по сторонам цоколями стен, лежит на полу, а его верхняя граница практически горизонтальна. Такой слой аппроксимируется в виде прямоугольного параллелепипеда, и для оценки его объема достаточно знать площадь помещения и толщину слоя. Но бывает, что слой образует сложную геометрическую фигуру: заполняет не все помещение, а только его часть, или верхняя граница слоя имеет вид сложной криволинейной поверхности, или часть слоя служит заполнением находящихся в помещении углублений и ям (рис. 1, 5). Тогда расчеты требуют применения специального математического аппарата либо сведения сложных кривых, ограничивающих слой,

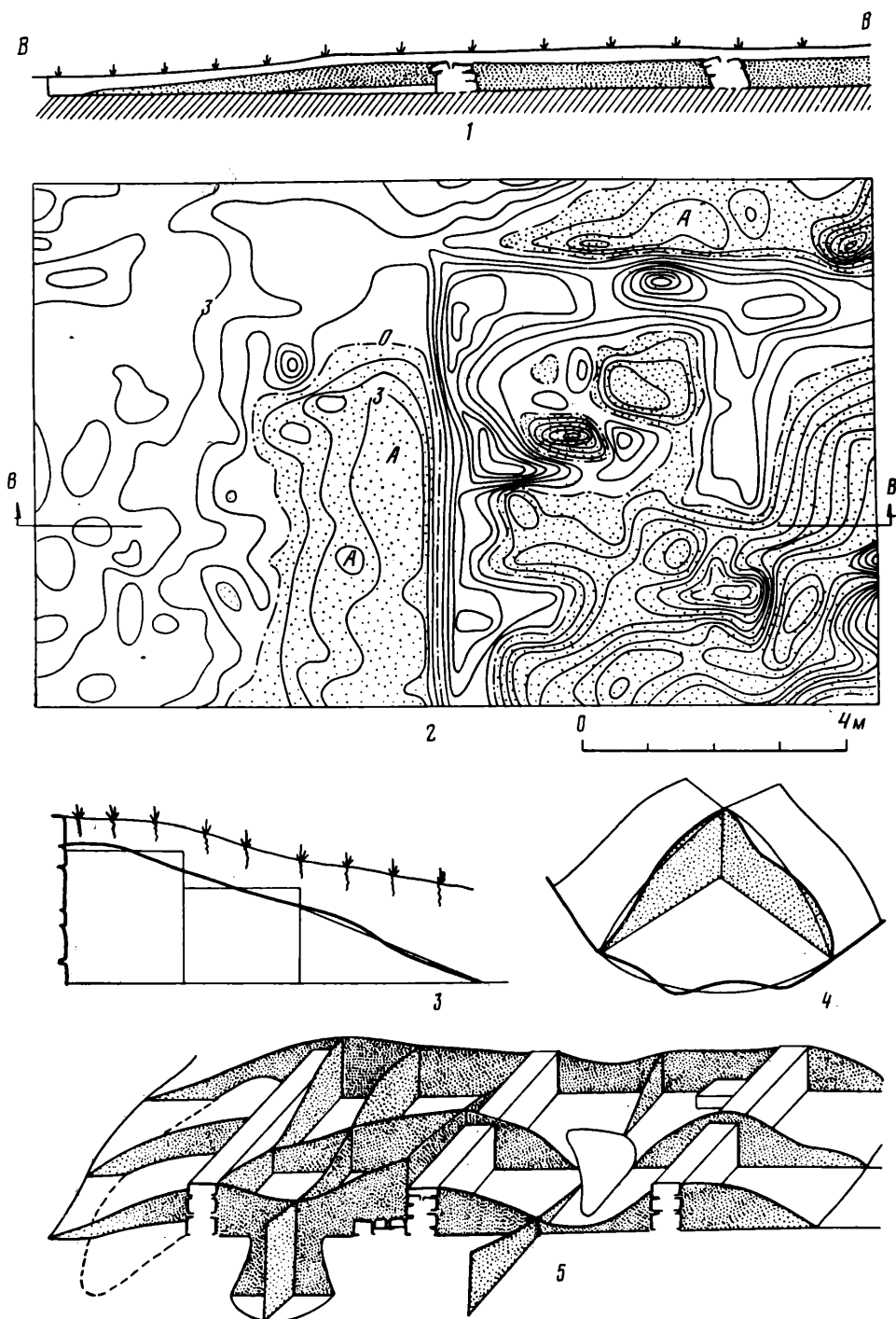

Рис. 1. Слой, образующиеся в результате разрушения стен из сырцовых кирпичей, и способы определения их объема

1—2 — здание IV—начала III в. до н. э. на поселении Панское I; 1 — разрез по линии В (точками показан слой сырцово-суглинистой массы); 2 — часть плана изолиний ΔT_a аномального магнитного поля, полученного с помощью магнитометра М-33 до раскопок (изолинии проведены через 1 мГ, область положительных полей показана точками, А — аномалии над рухнувшими во время пожара сырцовыми стенами, а — реальная граница слоя разрушившихся стен, выявленная раскопками); 3—4 — способы вычисления площади поперечного сечения (3) и объема (4); 5 — различные случаи конфигурации слоя, образованного разрушившимися стенами из сырцовых кирпичей

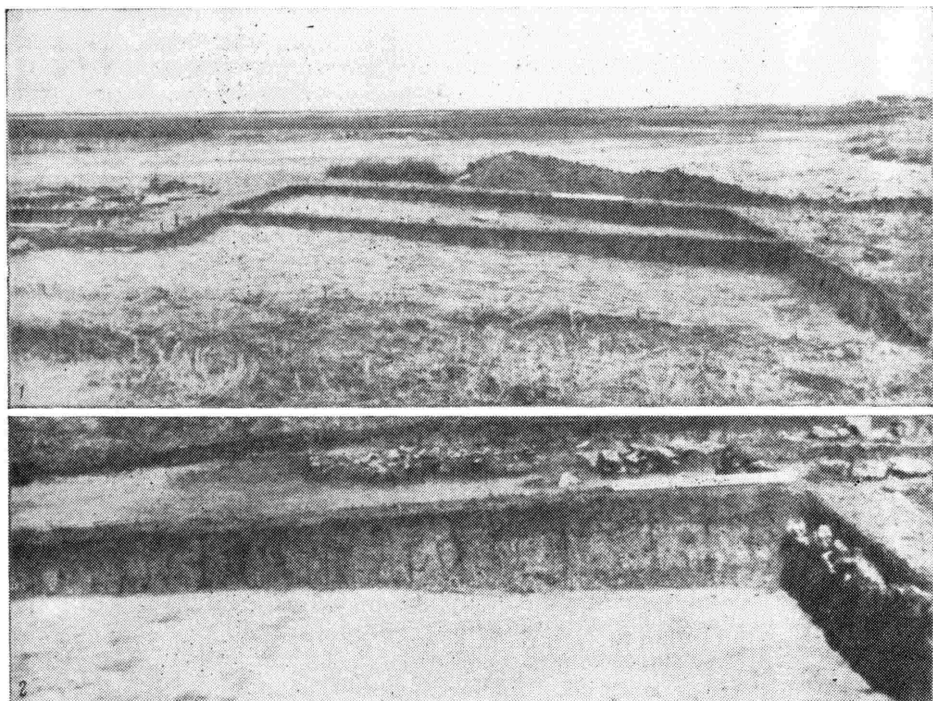

Рис. 2. Слой разрушившихся сырцовых стен (поселение Панское 1, здание У13)
1 — поверхность слоя после удаления почвенного покрова; 2 — разрез по линии В (ср. рис. 1 и 3)

к сумме простых геометрических фигур, о чем было сказано выше. Для повышения точности следует делать максимальное количество продольных и поперечных разрезов. При вычислениях надо не забывать исключать из полученной величины объемы не относящихся к данному слою сооружений и образований (печей и очагов, лежанок, крупных скоплений камня и т. д.).

На последнем этапе все вычисленные объемы суммируются и результат делится на суммарную площадь цоколей (ширина цоколей, помноженная на длину всех стен). К полученной величине приплюсовывается высота цоколя, что и дает приближенную высоту стен постройки до их разрушения¹⁶.

Приведем в качестве примера практической реконструкции высоты здания уже упоминавшуюся сельскую усадьбу IV—начала III в. до н. э., раскопанную на поселении Панское I в 1976—1977 гг.¹⁷ Расчеты оказались возможным выполнить по северной части усадьбы, состоявшей из трех помещений (1—3) и частично внутреннего двора (IV) (рис. 3, 1). Культурный слой и строительные остатки здесь потревожены не были. Возможности реконструкции способствовало и то, что по направлению наклона боковых плоскостей цоколей (рис. 1, 1) можно было установить направление падения стен при их разрушении (рис. 3, 1).

Тщательно сложенные каменные цоколи стен возведены на горизонтальном уровне древней поверхности и на описываемом участке сохранились полностью. Их высота h составляет 0,45 м при средней толщине m 0,55 м. Суммарная длина l стен 1—6 (рис. 3, 1) равна 36,48 м. Следовательно, суммарная площадь верхней плоскости цоколей $s = lm = 20,06$ кв. м.

Все помещения на высоту цоколей были заполнены чистой и плотной сырцово-суглинистой массой характерного желтоватого цвета. Этот же слой, постепенно выклиниваясь, лежал на уровне древней поверхности с наружной стороны здания вдоль цоколей внешних стен на ширину до 4—5,25 м при максимальной толщине у цоколей 0,45—0,50 м, а сверху был перекрыт задернованным слоем современной почвы (рис. 1, 1; 2;

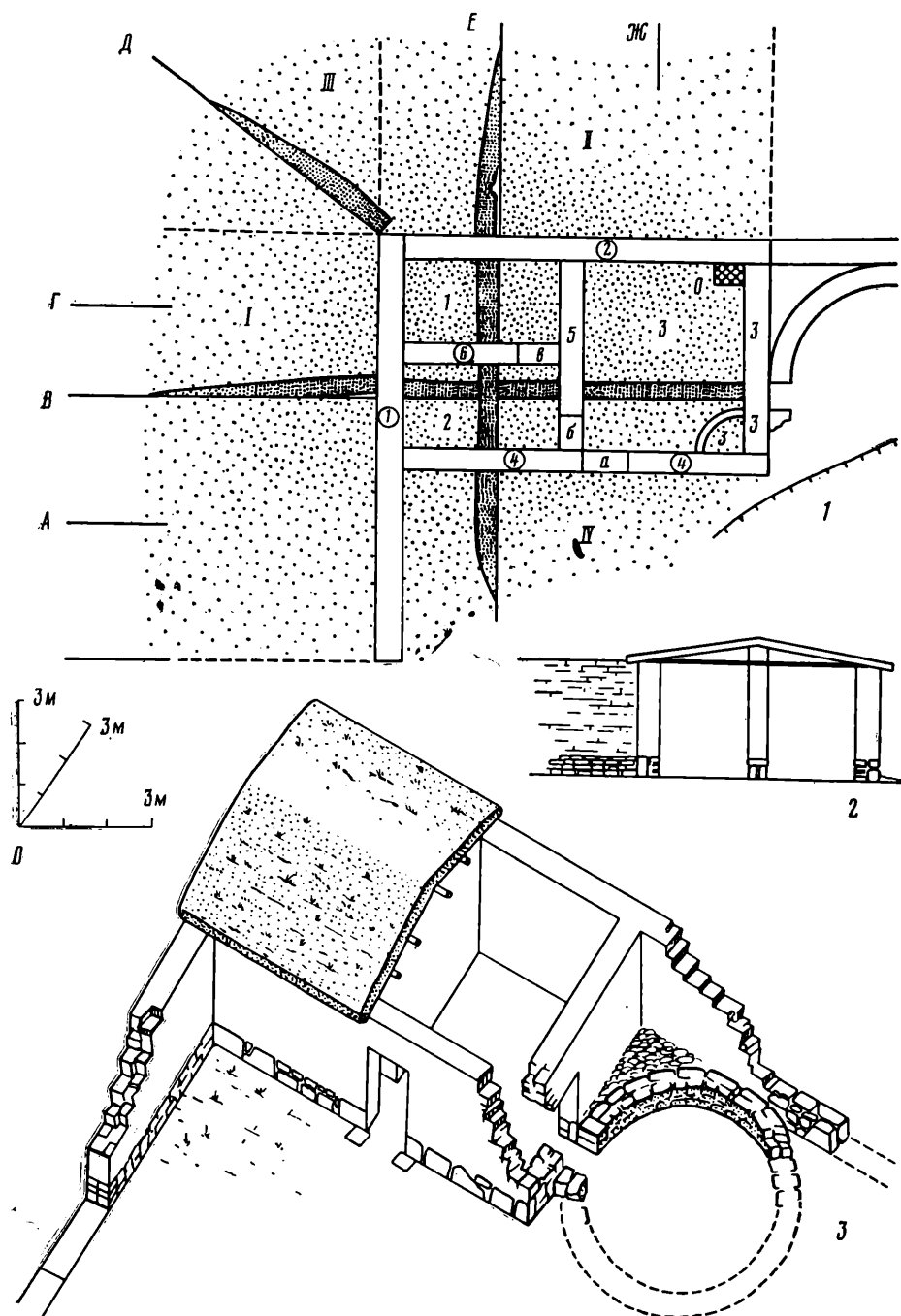

Рис. 3. Определение первоначальной высоты стен усадьбы У13

1 — схематический план северной части усадьбы (точками показана сырцово-суглинистая масса, А—Ж— линии разрезов); 2 — реконструкция высоты стен по линии разреза Е; 3 — объемная реконструкция стен постройки; I—IV — номера участков

3, 1). Такую же конфигурацию имел слой, прилежавший к цоколям со стороны внутреннего двора.

Средняя площадь поперечных сечений сырцово-суглинистой массы, распределенной вдоль внешних стен, была рассчитана описанным выше способом по семи разрезам и составила для участков I, II, IV, соответ-

ственно прилегающих к цоколям стен 1, 2, 4 — 1,31; 1,30 и 1,01 кв. м (рис. 3, 1). Умножив полученные площади сечений на длину цоколей 1, 2, 4, получаем соответствующие объемы: $v_1=13,33$, $v_2=10,99$, $v_3=8,56$ м³. Объем сырцово-суглинистой массы, занимавший участок III напротив северного угла постройки, был аппроксимирован в виде объема четверти шарового сегмента и рассчитан по формуле $\frac{1}{24}\pi h(h^2 + 3M^2)$, где h — максимальная высота слоя у цоколя, M — ширина слоя (рис. 1, 4). Вычисленный объем $v_4=3,58$ м³. Общий объем всего материала, распределенного с наружной стороны стен, в сумме составляет 36,46 м³.

Объем сырцово-суглинистого заполнения помещений аппроксимирован в виде параллелепипедов. Суммарная площадь помещений 1—3 и дверных проемов a , b , c между ними (рис. 3, 1) равняется 31,33 кв. м. При средней мощности заполнения 0,45 м это дает объем около 14,10 м. Из него был вычтен объем, занимаемый очагом o и «загородкой» z (рис. 3, 1), а также керамических развалов по полу, что в сумме составило 0,3 м³. Итоговый объем суглинисто-сырцового заполнения внутри помещений оказался равным 13,8 м³, а весь объем массы внутри и снаружи постройки составил 50,26 м³.

При делении последней величины на суммарную площадь верхней плоскости цоколей получаем высоту стен, сложенных из сырцовых кирпичей: $H_0 = v/s = 2,51$ м. Однако в это число необходимо внести поправку. По наблюдениям, сделанным в процессе раскопок, кровля усадьбы, скорее всего, была глинобитной. Отделить слой, образовавшийся в результате развала глинобитной кровли, от развала сырцовых стен, невозможно, так как структура их одинакова. Здесь допустимы только косвенные соображения, получаемые по этнографическим данным. Исходя из них, можно допустить, что толщина глинобитной крыши (без деревянных конструкций) вряд ли могла превышать 0,1—0,15 м. В нашем случае общая площадь помещений и стен, находившихся под крышей, равна 50,4 кв. м, что должно составлять около 5—7,5 м³ сырцово-суглинистой массы. При учете указанной поправки общий объем сырцово-суглинистой массы будет составлять 42,76—45,26 м³, а отсюда $H_0 = \sim 2,13 \div 2,26$ м. Прибавив к полученной величине высоту каменного цоколя, получим общую высоту стен здания $H_0 = 2,58 \div 2,71$ м, что составляет примерно около шести локтей или полутора оргий (рис. 3, 2—3).

Если принять за стандарт зарегистрированную на поселении Панское I (здание У6) и в его некрополе (склепы в курганах К2, К33, К34) высоту кирпичей, равную 0,09 м (что составляет примерно четыре пальца)¹⁸, можно рассчитать, что высота стены состояла из 25 рядов кирпичной кладки. Учитывая принятые на поселении стандартные размеры целых (0,40×0,40 м) и половинных (0,20×0,40) кирпичей, мы вправе сделать заключение, что на строительство одного погонного метра стены одноэтажного дома, высотой в полторы оргии, требовалось 62—63 целых или 125 половинных кирпичей. Отсюда могут следовать расчеты, связанные с задачами палеоэкономики, — определение необходимого количества материалов, затрат труда, рабочей силы, времени и т. д. Но это уже не является предметом настоящей статьи.

Иаложная процедура реконструкции первоначальной высоты построек была проверена еще на одном хорошо сохранившемся комплексе поселения Панское I — здании У6, план которого выявлен полностью. Расчеты по определению объема сырцово-суглинистой массы показали, что она соответствует высоте стен, равной примерно трем оргиям (около 5,5 м), а это должно предполагать два этажа в здании. Последнее подкреплено наличием оснований лестниц, сохранившихся в некоторых помещениях и ведущих на второй этаж, выявленных при раскопках следов междуэтажных перекрытий, и других признаков.

- ¹ *Orlandos A. Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens Grecs. Part I. Paris, 1966, p. 51 ff.*
- ² *Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии. Киев, 1971, с. 124 и сл.*
- ³ В самом Херсонесе при раскопках жилых и общественных сооружений IV—II вв. до н. э. остатков сырцовых кладок не обнаружено, но по отмеченным ниже признакам можно предполагать, что рядовые дома в северном районе города могли иметь стены из сырцового кирпича (см.: *Белов Г. Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг. — СА, 1955, № XXIII, с. 257 сл.*). Такие стены зафиксированы на нескольких поселениях херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму.
- ⁴ *Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея. — МИА, 1957, № 56, с. 14.*
- ⁵ *Леву Е. И., Карасев А. Н. Дома античных городов Северного Причерноморья. — В кн.: АГСП. М.; Л., 1955, вып. 1, с. 218, 220 и сл.*
- ⁶ См.: *Robinson D. M., Graham J. W. The Hellenic House. — In: Excavations at Olynthus. Baltimore, 1938, vol. 17; Young R. S. An Industrial District of Ancient Athens. — Hesperia, vol. 20, N 3; Jones J. E., Graham A. J., Sackett L. H. An Attic Country House below the cave of pan at Vari. — BSA, 1973, vol. 68, p. 425; Jones J. E. Two Attic Country Houses. — AAA, 1974, VII, 3, p. 307.*
- ⁷ О размерах кирпичей в разных пунктах Греции см.: *Orlandos A. Op. cit., p. 58—61.*
- ⁸ *Крыжицкий С. Д. Указ. соч., с. 124; Яценко И. В. Исследование городища у санатория «Чайка» в Евпатории. — АО 1969 г. М., 1970, с. 254; Щеголов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 80.*
- ⁹ *Сокольский Н. И. Крепость на поселении Батарейка II. — КСИИМК, 1967, вып. 109, с. 110 и сл.*
- ¹⁰ *Крыжицкий С. Д. Указ. соч., с. 124.*
- ¹¹ *Яценко И. В. Указ. соч., с. 254. Впрочем, последняя цифра кажется опечаткой; по-видимому, толщина кирпича была 0,06 м.*
- ¹² См., например, описание печей в работе «Керамическое производство и античные керамические строительные материалы» (САИ Г1-20, 1966, с. 22—34).
- ¹³ О комплексе археолого-геофизических методов см.: *Щеголов А. Н. Комплексные методы исследования в археологии. — Природа, 1977, № 5, с. 78—81.*
- ¹⁴ *Внучков Г. А., Глазунов В. В., Наумов А. П., Хасиев И. С., Щеголов А. Н. Применение квантового магнитометра в исследовании археологических памятников. — В кн.: Геомагнитное приборостроение. М., 1977, с. 77—85.*
- ¹⁵ *Глазунов В. В., Наумов А. П., Внучков Г. А., Алексеев С. А., Хасиев И. С. Геофизические исследования на античном поселении Павское I. — В кн.: Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979, с. 32 и сл.*
- ¹⁶ Изложенный способ экспериментально проверен автором еще в 1961 г. на полуразрушенных домах аналогичной кладки, где были представлены как стены, сохранившиеся на полную высоту, так и их развалы, образовавшие сырцово-суглинистые слои разной конфигурации.
- ¹⁷ Краткую информацию см.: *Щеголов А. Н., Внучков Г. А., Кац В. И., Наумов А. П., Рогов Е. Я. Тарханкутская экспедиция. — АО 1978 г. М., 1979, с. 405 и сл.*
- ¹⁸ Такова же толщина стандартных кирпичей в боспорских крепостях Таманского полуострова (*Сокольский Н. И. Указ. соч., с. 110*).

ПУБЛИКАЦИИ

К. К. МАРЧЕНКО, Я. В. ДОМАНСКИЙ

ДРЕВНЕЙШЕЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ СООРУЖЕНИЕ
В НИЖНЕМ ПОБУЖЬЕ

Существование в районе Нижнего Побужья в античный период строений общественного назначения, располагавшихся за пределами Березанского поселения и Ольвии, засвидетельствовано литературной традицией (Herod., IV, 53). Вместе с тем все поиски подобного рода объектов до сих пор не давали положительных результатов¹. Вероятно, эти сооружения были относительно редким явлением на периферии ольвийского полиса. Лишь в последние годы в связи с довольно значительным развитием археологических исследований в регионе в данном отношении наметился определенный прогресс. Он обуславливается накоплением новой обширной информации по архитектурному и строительному делу ольвиополитов, позволяющей с большой долей вероятности выделять на фоне многочисленных разнообразных жилых и хозяйственных построек сооружения иных, по всей видимости общественных, функций.

Под таким углом зрения следует рассматривать прежде всего остатки одного строительного комплекса, недавно открытого на однослойном сельскохозяйственном поселении позднеархаического времени, — Старая Богдановка 2.

Поселение Старая Богдановка 2 расположено в 14,5 км к северу от ольвийского городища, между современными селами Козырка и Старая Богдановка, на границе Николаевского и Очаковского районов Николаевской области. Территория памятника занимает мыс, образованный северным склоном древней так называемой Крутой балки и высоким, быстро разрушающимся берегом Бугского лимана. Примерно две трети территории поселения ныне занято виноградником, что затрудняет точное определение его сохранившейся площади. Тем не менее можно считать, что она не превышала 1,2 га.

В результате исследований памятника здесь на площади в 2070,5 кв. м были раскрыты остатки 22 строительных комплексов последней трети VI—первой четверти V в. до н. э. Количество открытых комплексов, их расположение относительно друг друга позволяют говорить о достаточно полной картине основных типов строений поселения.

В конструктивном отношении объекты могут быть разделены на две категории: сильно заглубленные в землю структуры — землянки (15 ед.) и наземные строения (7 ед.). По совокупности стратиграфических наблюдений и датировок греческой импортной керамики все землянки отнесены к начальному периоду существования поселения — VI в. до н. э. Время появления наземных структур — конец VI—начало V в. до н. э.

Анализ прямых и косвенных данных, сопоставление комплексов с формально-типологической и этнокультурной точек зрения с аналогичными памятниками Нижнего Побужья позднеархаического времени, хорошо известными по материалам Березани, Ольвии и целого ряда сельскохозяйственных поселений ольвийской округи², дают возможность уверенно говорить, что подавляющее большинство открытых объектов имело жилое

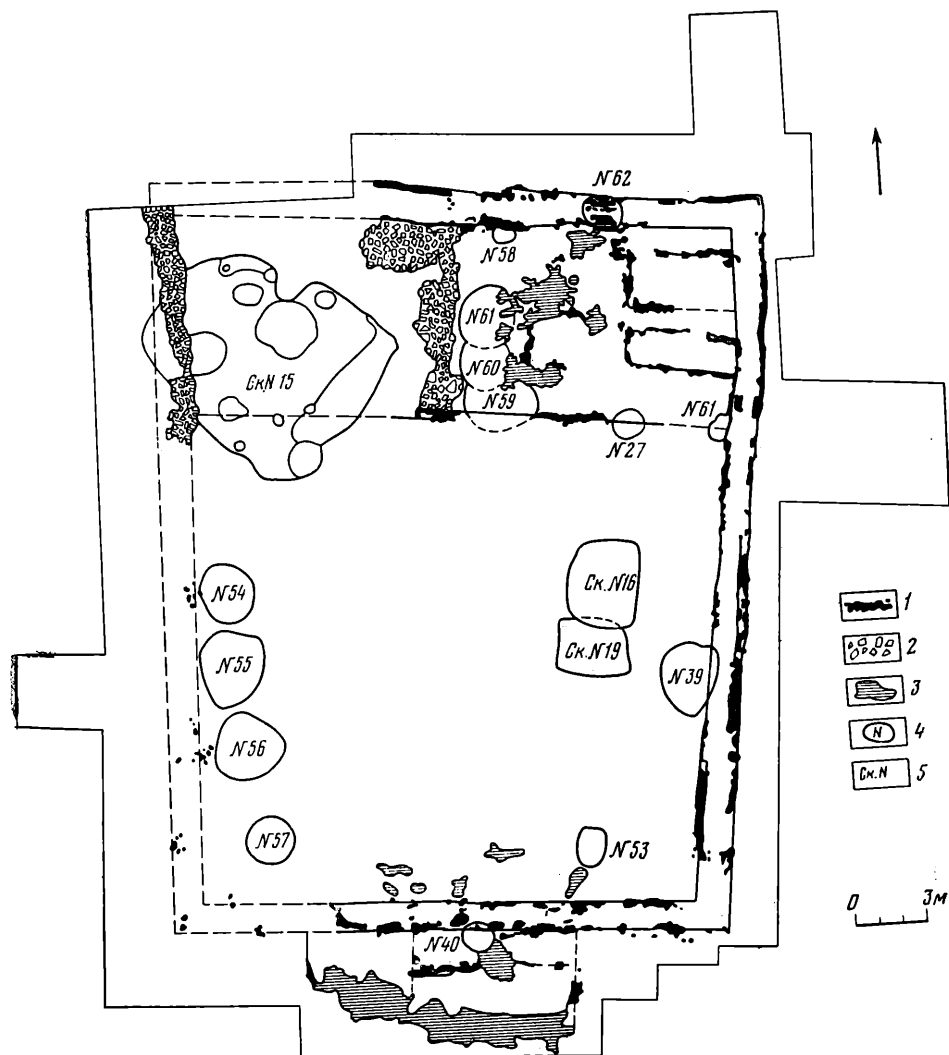

Рис. 1. Строительный комплекс 14. План

1 — цоколи; 2 — вымостка; 3 — развал камней; 4 — ямы; 5 — строительный комплекс

или хозяйственное назначение. Выявленные на нашем поселении в процессе этой работы отдельные оригинальные признаки, такие, например, как полное отсутствие следов очагов или печей во всех комплексах, необычность форм некоторых строений (№ 20 — небольшое круглое наземное сооружение и № 21 — подтреугольная траншея длиной 5,5 м), исключительно обширная площадь землянки № 15 — (около 64 кв. м) и т. п., ничего не меняют в общем контексте данной характеристики, поскольку остальные черты таких построек перечеркивают своеобразие сооружения в целом. Лишь в одном случае — строительный комплекс № 14 — особых, нехарактерных для рядовых жилых и хозяйственных строений признаков оказалось так много, что это заставило вести поиски его функции в иных направлениях.

Остатки названного комплекса открыты у южной границы поселения, на выступе, образованном изгибом древней глубокой балки и высоким абразионным берегом лимана. К настоящему времени данный объект раскрыт полностью. Сохранность остатков комплекса в силу незначительности мощности (местами до 0,1 м) культурного слоя, частично смытого в балку, современной распашки его северо-западного угла и прохождения на этом участке поселения траншей военного времени плохая.

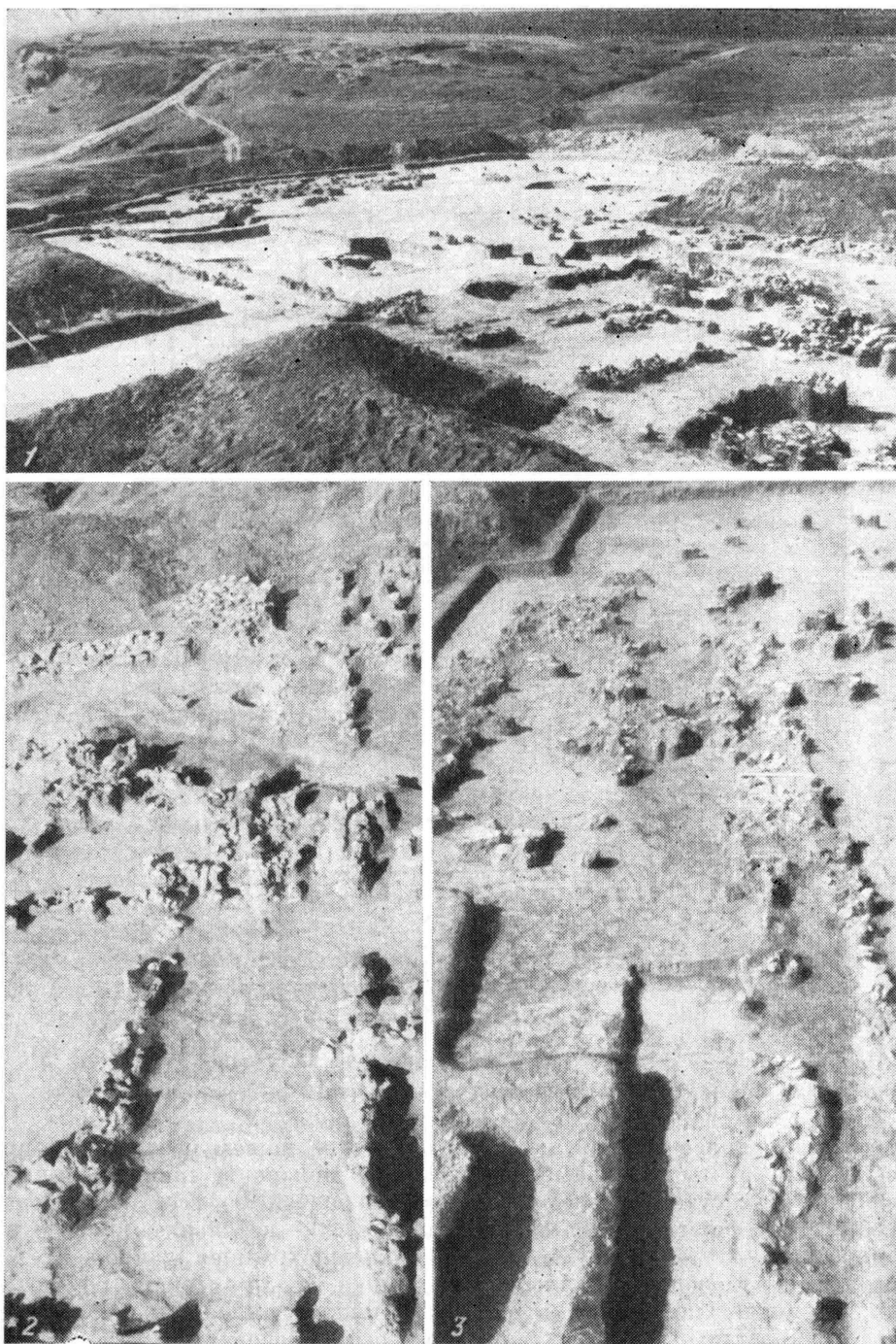

Рис. 2. Строительный комплекс 14

1 — общий вид с северо-восточного угла; 2 — цоколь северной стены; 3 — цоколь южной стены

Данное обстоятельство серьезно затрудняет описание постройки. Совокупность полевых наблюдений не оставляет сомнений, однако, в том, что комплекс — прямоугольное в плане большое наземное строение, ориентированное сторонами по странам света (рис. 1; 2, 1). Длина восточной стороны и восстанавливаемая длина западной стороны прямоугольника равна 30 м. Протяженность северной и южной сторон, по-видимому, несколько меньше — 24—25 м. Общая площадь комплекса, таким обра-

зом, могла составлять около 750 кв. м, а с прямоугольной пристройкой с юга — примерно 795 кв. м.

Описываемое строение возведено на погребенной почве, лежавшей на материке — плотном однородном лесовидном суглинке, и на предварительно забутованных рушенным материком, хозяйственным мусором и камнями постройках и хозяйственных сооружениях более раннего периода существования поселения — строительных комплексах № 15, 16, 19 и ямах 27, 39, 40, 53—62 (см. рис. 1). От практически полностью расплывшихся и диффузировавших в культурном слое внешних глинобитных стен (следы глины зафиксированы только по линии северной границы строения) дошли лишь сильно потревоженные участки каменных цоколей и их развалы. Впрочем, сохранность отдельных участков цоколей северной, южной и восточной стен достаточна для восстановления некоторых из их основных характеристик (рис. 2, 2, 3; 3, 3). Как установлено, ширина названных стен объекта весьма значительна — 1,2 м. Они состояли из двух относительно тонких (около 0,3 м) параллельных панцирей, возведенных на цоколях из вертикально поставленных, как правило, небольших, уплощенных (от 0,05×0,1 до 0,2×0,3 м) камней известняка и глиняной забутовки между ними. На некоторых участках стен, в местах нахождения забутованных ям более раннего времени, в цоколях использовались и более крупные (до 0,5×1,0 м) грубо обработанные плиты известняка (рис. 3, 1).

Что касается западной внешней стены комплекса, то ее облик, к сожалению, достоверно не восстанавливается: слишком велики утраты в этой части строения. Здесь на предполагаемой границе комплекса обнаружены лишь отдельные камни известняка, возможно, от цоколя стены (рис. 3, 4) и небольшой участок каменной вымостки внутреннего двора (рис. 3, 5). Существенно отметить также, что далее к западу от этой границы никаких камней не обнаружено. Скорее всего, и эта стена была подобна остальным.

Организация внутреннего пространства описываемого объекта, по всей видимости, предельно логична. Можно думать, что сооружение делилось на три функционально-различные части. Северо-восточный угол строения площадью около 90 кв. м оказался расчлененным внутренними стенами на ряд (не менее 6 ед.) сравнительно небольших (от 5,0—7,0 до 13,0—18,0 кв. м) прямоугольных помещений (рис. 4, 1). От этих стен частично дошли узкие (0,3 м) каменные цоколи из вертикально стоящих небольших (от 0,05×0,1 до 0,2×0,3 м) плиток известняка.

С запада вплотную к названному блоку примыкал равный ему по площади внутренний двор, вымощенный уплощенными камнями известняка. Сохранность вымостки крайне плохая — *in situ*, дошли лишь два небольших участка замоста (8,5 и 11,0 кв. м) на восточной и западной границах (см. рис. 1); средняя же часть вымостки оказалась уничтоженной современной плантажной вспашкой. Судя по небольшой просадке камней двора на его стыке с блоком (см. рис. 3, 2), он, возможно, был отделен от помещений глинобитной стеной.

Последняя, третья часть постройки (примерно около двух третей внутренней площади комплекса), полностью или частично отделенная от первых двух стенкой на каменном цоколе обычного типа, представляла, скорее всего, немощеную открытую площадь, лишенную видимого внутреннего членения (рис. 4, 2).

Как уже упоминалось, у южной внешней стены комплекса были выявлены остатки четырехугольной пристройки (см. рис. 1; 2, 3; 4, 3). Топография, конфигурация и археологический контекст нахождения остатков этого сооружения, дошедшего до нас почти исключительно в виде аморфных развалов небольших камней известняка, по-видимому, от цоколей стен, позволяют высказать лишь два-три более или менее определенных предположения: пристройка одновременна всему комплексу и составляет с ним органическое целое; в плане сооружение имело форму правильного четырехугольника общей площадью 45 кв. м; вну-

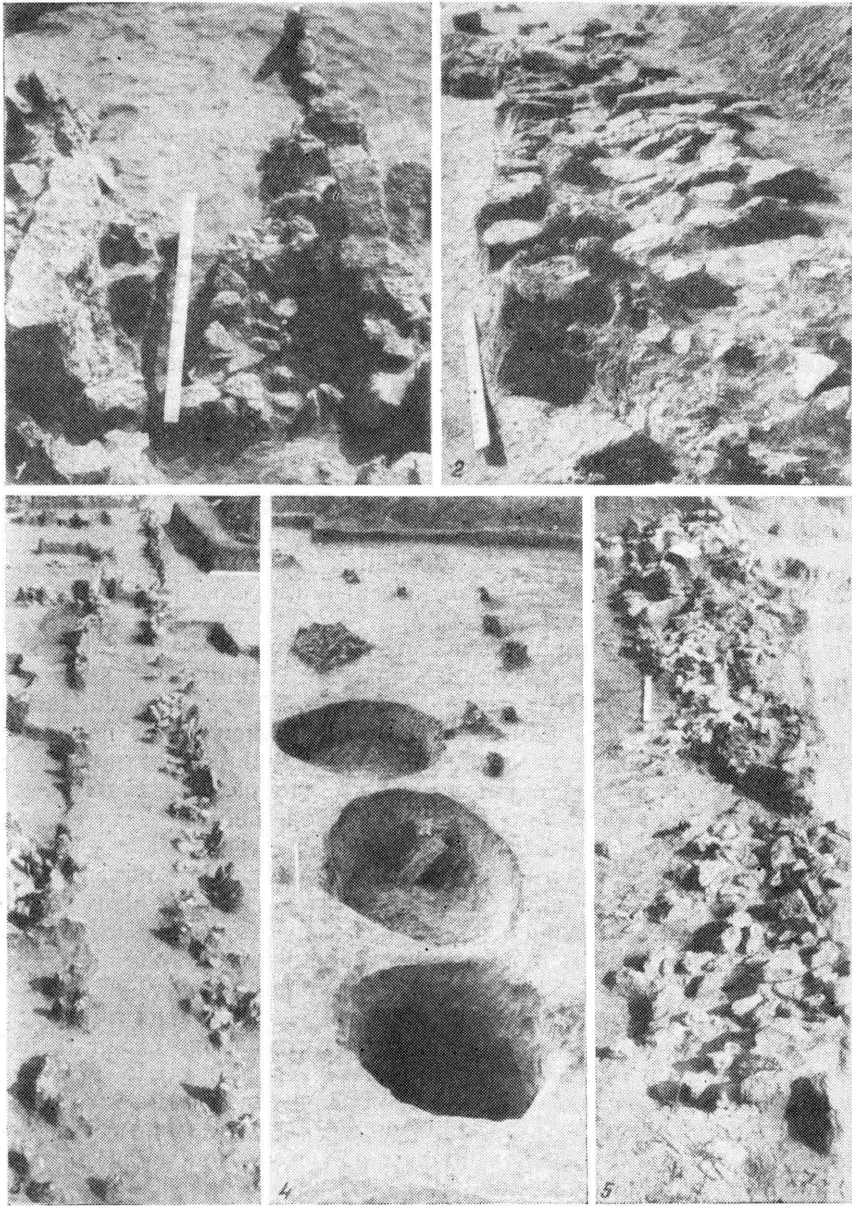

Рис. 3. Строительный комплекс 14

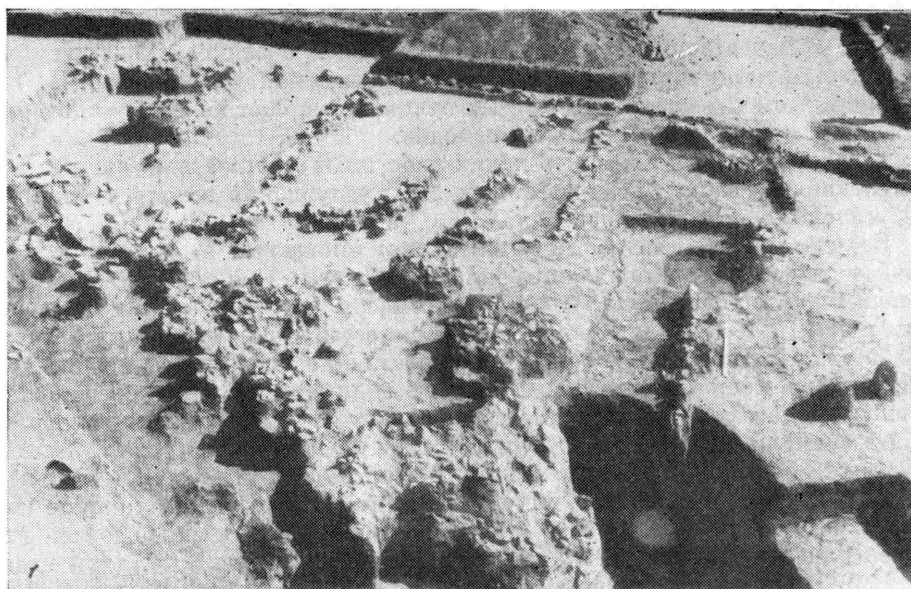
1 — участок цоколя северной стены над ранним углублением; 2 — остатки вымостки внутреннего двора; 3 — цоколь восточной стены; 4 — остатки цоколя западной стены; 5 — остатки вымостки внутреннего двора на линии западной стены

треннее пространство пристройки, возможно, было разделено на несколько относительно небольших помещений.

Каких-либо вещественных находок *in situ* на полу или вымостке комплекса № 14 не обнаружено. Не выявлено здесь и сколько-нибудь специфического заполнения пространства между сохранившимися участками каменных цоколей. На всей площади строения под дерном до погребенной почвы залегал обычный культурный слой. Материал, полученный при зачистке погребенной почвы на материке и завалов цоколей

Рис. 4. Строительный комплекс 14

1 — остатки внутренней планировки в северо-восточной части комплекса; 2 — южная часть, вид с севера; 3 — пристройка у южной стены комплекса, вид с запада →

стен, в целом может быть датирован концом VI—первой четвертью V в. до н. э. В качественном отношении он оказался в общем тождественным материалам из культурного слоя этой и других частей поселения. Не выявлено в этом смысле существенных отличий и в соотношении отдельных категорий и групп вещественных находок.

В заключение отметим, что каких-либо иных достоверных следов конструктивных деталей, хозяйственных ям и углублений в полу, связанных с комплексом, не обнаружено.

Все это, вместе взятое, за исключением, пожалуй, отсутствия в комплексе следов постоянных или временных очагов (явление, как мы уже отмечали, в общем-то характерное для всех без исключения построек поселения, в том числе и явно жилых), весьма затрудняет определение его функции. Более того, создается впечатление, что в настоящее время однозначное решение проблемы, по всей видимости, вообще невозможно, поскольку наземное сооружение столь больших размеров позднеархаического времени в Нижнем Побужье открыто впервые. Неизвестны нам достаточно близкие с формально-типологической точки зрения аналогии этому сооружению и среди синхронных памятников других районов греческой колонизации Северного Причерноморья. Единственное, более или менее близкое по площади и форме строение VI в. до н. э. (так называемый Торик)³ имеет, по-видимому, слишком большие архитектурно-планировочные отличия.

Относительно возможного назначения представленного комплекса ограничимся замечаниями общего порядка. Сопоставление остатков этого сооружения, его архитектурно-планировочного решения прежде всего со схемами известных ныне жилых, хозяйственных и общественных построек позднеархаического периода Северного Причерноморья уже в первом приближении выявляет столь разительные несоответствия, что ставит его в особое положение и заставляет предположить функциональное своеобразие. На это же своеобразие как будто указывает и сам факт создания столь значительного, потребовавшего, несомненно, относительно крупных затрат труда сооружения на в общем небольшом, удаленном от центра полиса явно сельскохозяйственном поселении ольвийской хоры.

Если идти от противного, то необычно большие размеры, отсутствие в пределах комплекса очагов или печей, отсутствие хозяйственных, бытовых ям, углублений для керамической тары, так называемых столиков, лежанок и т. д. и т. п. может указывать на его нежилое и даже нехозяйственное назначение. Вместе с тем нельзя не заметить и других, скорее всего решающих признаков: особой топографии комплекса, расположенного в наиболее выгодном с военной точки зрения месте поселения, совершенно не характерной для рядовых построек того времени мощности его внешних стен, специфичности планировки, выразившейся, в частности, в наличии большой, свободной от застройки территории, с одной стороны, и вполне выделенного блока помещений, близких по площади обычным жилым постройкам, — с другой. Все это, возможно, свидетельствует в пользу узкоспециализированного общественного назначения здания, призванного выполнять роль своего рода временного убежища для обитателей поселения и их скота. На вероятность такого решения как будто указывает и время создания постройки: не позднее самого начала V в. до н. э., т. е. в канун ухода жителей из района поселения Старая Богдановка 2 и заметного запустения сельскохозяйственной округи Ольвии⁴.

¹ Отнесение одного из строительных комплексов так называемого предградия Ольвии к категории святилищ (см.: Козуб Ю. И. Древнейшее святилище Ольвии. — В кн.: Ольвия. Киев, 1975, с. 139 и сл.), с нашей точки зрения, недостаточно обосновано, так как облик комплекса и сопровождавший открытие набор вещественных

находок ничем существенным не отличаются от обычно фиксируемых у синхронных жилых и хозяйственных сооружений Нижнего Побужья. См.: Крижицкий С. Д., Русяева А. С. Найдавніші житла Ольвії. — Археологія, 1978, № 28, с. 3 и сл.
² Онайко Н. А. Раскопки Торика. — Археологія, 1976, № 20, с. 80 сл.

⁴ О событиях того времени см.: *Доманский Я. В., Марченко К. К.* Некоторые вопросы античной истории Нижнего Побужья. — В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН

УССР: Тез. докл. Киев, 1975, с. 120—121; *Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья. — ВДИ, 1980, № 1, с. 132 и сл.

И. Р. МОГЫТЫЧ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕРКВИ ПАНТЕЛЕЙМОНА БЛИЗ ГАЛИЧА

Культура Галицко-Волынской Руси периода феодальной раздробленности интересна и своеобразна. Именно в этот период в удельных княжествах интенсивно развивается древнерусское монументальное строительство. Уже с первой половины—середины XII в. в архитектуре Древней Руси начали выделяться локальные школы с отличительными характерными чертами. Одной из наиболее своеобразных и менее всего изученных архитектурных школ Древней Руси XII—XIII вв. является галицкая школа¹.

К сожалению, памятники архитектуры Галицкого княжества, возведенные до середины XIII в., известны нам только по литературным источникам и археологическим раскопкам. Единственным памятником этого периода, сохранившимся, хотя и в частично перестроенном виде, является церковь Пантелеймона возле Галича. Вместе с открытыми археологическими раскопками архитектурными деталями других сооружений этот памятник дает некоторое представление о галицкой архитектурной школе.

Церковь Пантелеймона расположена на возвышенном (60-метровом) правом берегу Днестра, при впадении в него р. Ломницы, в 7 км к северу от древнего Галича. Остатки земляных укреплений и выгодное географическое положение церкви указывают на существование здесь укрепленного форпоста древнего Галича, вероятно монастыря.

Белокаменная церковь Пантелеймона почти квадратная в плане, четырехстолбная с тремя апсидами, выдвинутыми вперед перспективным, декорированным резьбой западным порталом и более скромным южным. Апсиды украшены трехчетвертными колонками с капителями и аркатурой, стены расчленены пилястрами, карнизами и тягами.

Архитектура церкви уже с середины XIX в. постоянно привлекает внимание ученых. В результате изучения собранного материала обрисовалась историческая судьба памятника. На основании открытия в 1909 г. надписи на южном фасаде церкви, относящейся к периоду княжения в Галиче (1219—1228) новгородского князя Мстислава Удалого, И. Пеленский датировал сооружение церкви приблизительно 1200 г.² Эта датировка и вошла в научный обиход. Около середины XIV в. церковь была передана католикам и переосвящена в костел св. Станислава; первое упоминание о нем относится к 1367 г. С 1427 г. после переноса католической парадии в Галич церковь стояла заброшенной до конца XVI в.³ В 1575 г. церковь пострадала от нападения на Галич татар.

В 1596 г. польский король Сигизмунд III передал пустующую церковь францисканскому монастырю. С 1598 по 1611 г. церковь перестраивают и превращают в трехнефный базиликальный костел. В последующем церковь еще несколько раз подвергалась разрушениям: в 1676 г. во время похода войска Ибрагима Шайтана и в 1802 г. от пожара⁴. Во время первой мировой войны, в 1915 г., церковь сильно пострадала от артиллерийского обстрела. В 1926 г. ее отремонтировали, за исключением западного фасада, реставрация которого была проведена в 1965 г. Львовской реставрационной мастерской.

С 1977 г. сотрудниками Львовской реставрационной мастерской ведется систематическое и детальное исследование памятника. Хотя исследования еще не закончились, полученные результаты представляют большой научный интерес.

Исследуя граффити на стенах, искусствовед В. С. Вуйцик открыл три неизвестные ранее датированные надписи, относящиеся к XIII в. Самая древняя (1212 г.) открыта на пилястре южного фасада; на том же фасаде обнаружена надпись, датированная 1229 г., и надпись в интерьере (1288 г.).

Фундаменты наружных стен церкви выложены из речных камней размером 10—20 см с заливкой известковым раствором, приготовленным на мелком речном песке с примесью гальки (фракции 0,5—1,2 мм), в траншеях, вырытых на глубину 1,4 м до материковой глины. Фундаменты расширены за обрез стены на 33—35 см с наружной стороны и на 21—22 см с внутренней. Фундамент западного портала уложен одновременно с фундаментом стены. На 10 см ниже современной отметки на ширину 35—40 см сохранилась древняя выемка из крупной гальки. Современный уровень пола церкви поднят не более чем на 5—8 см, а в алтарной части — на 30—35 см. Выложенный в 1926 г. каменный пол на бетонном основании, устроенные в 1611 г. крипты в алтарной части, южном и центральном нефах и фундаменты под колонны хор очень усложнили исследования древних фундаментов внутри церкви. Тем не менее раскопками удалось установить характер расположения внутренних фундаментов, а также первоначальную конфигурацию опорных столбов и пилястр⁵.

Можно отметить наличие сплошных ленточных фундаментов. Некоторые участки их были разобраны во время перестройки церкви в 1611 г. Так, при устройстве крипт рассечены фундаменты между северной парой столбов, а также между юго-восточным столбом и южной пилястрой. Участок фундамента между юго-западным столбом и западной стеной полностью выбран и ров заполнен строительным мусором, на котором выложена северная кирпичная стена юго-западного встроенного помещения. Под опорными столбами фундаменты дополнительно углублены приблизительно на 90 см.

На стыке центральной и южной апсид кроме одного существующего выступа открыты два дополнительных с хорошо сохранившимся цоколем и частично базой. Часть базы разобрана, а часть срублена выше уровня существующего пола. Все уступы примерно равносторонние, размерами 24—26 см. Соответствующие им два дополнительных выступа цоколя открыты и на восточной грани юго-восточного столба. На северной грани того же опорного столба под полом сохранился цоколь выдвинутого на двойную величину уступа с дополнительным внутренним выступом. На западной грани выступ срублен полностью а на южной — частично укорочен в восточной части.

Удалось установить наличие стесанных при перестройке в 1611 г. уступов на западных столбах, аналогичных уступам на восточных столбах. Только западные грани западных столбов не имели уступов.

Внутренние центральные пилястры укорочены по ширине путем стески, а юго-западная пилястра стесана полностью до фундамента. Хорошо сохранился профиль базы пилястры в юго-восточном углу. Остатки баз также прослеживаются в северо-восточной пилястре у северной апсиды и на юго-западном углу юго-западного столба. Профиль базы по направлению снизу вверх состоит из полки, полуваля, выкружки и завершается полувалом. Высота базы 38 см, ширина 7,3—8,8 см.

В местах стесанных белокаменных уступов столбов и пилястр выбрана забутовка и сделана облицовка на толщину в половину кирпича. Следы растески прослежены на высоте от 2 до 8 м от уровня пола.

Тщательно выполненный архитектурно-археологический обмер с контрольным фотограмметрическим обмером дал возможность уточнить размеры плана, фасадов и отдельных деталей здания (рис. 1).

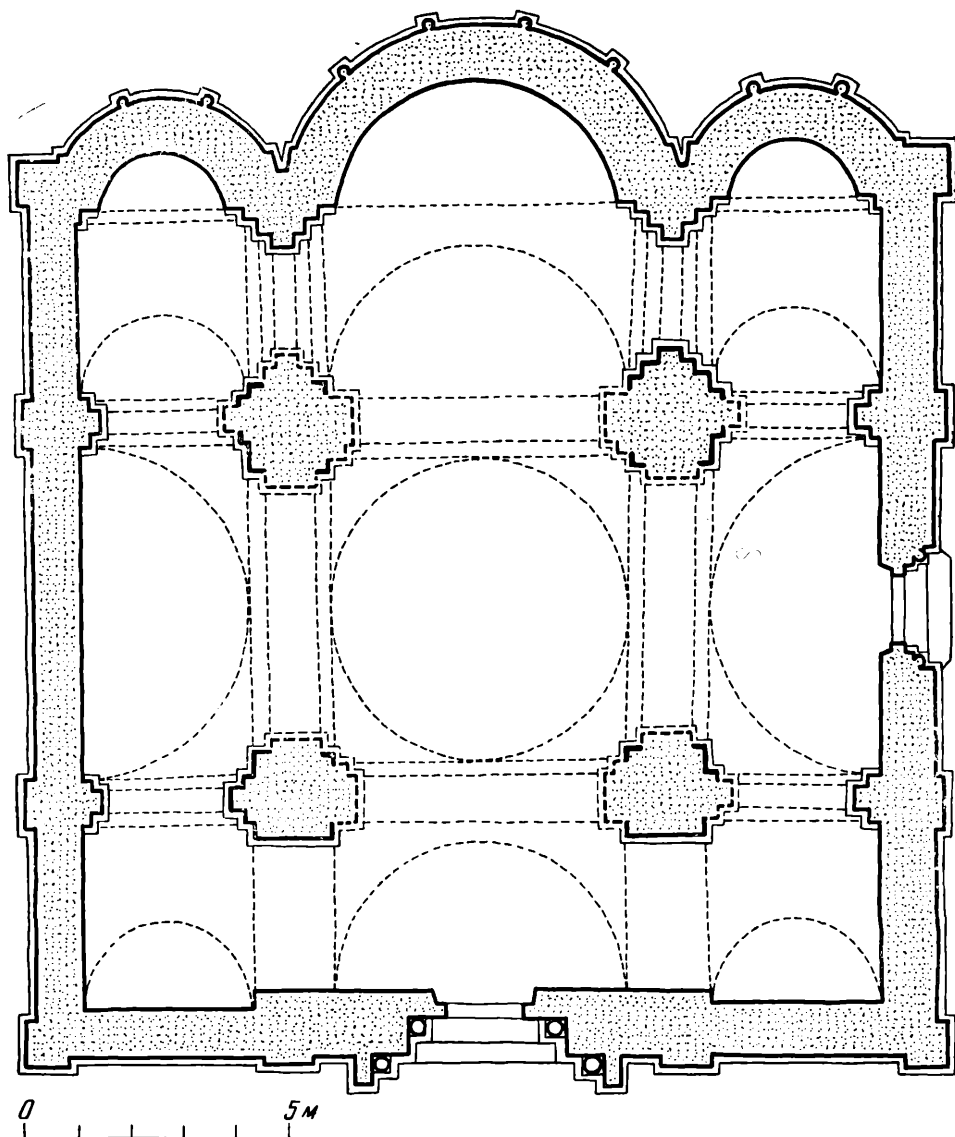

Рис. 1. Церковь Пантелеймона близ Галича. Реконструкция плана

Общая длина храма с пиллястрами и апсидами 19,88 м, ширина 17,69 м, длина без апсид с пиллястрами 17,32 м. Внутри храм квадратный и без учета пиллястр имеет размер $15,26 \times 15,26$ м. Толщина стен 1,04 м, наружные пиллястры выступают из плоскости стен на 22—24 см, а внутренние — на 19—22 см, обрез наружного цоколя — около 12 см (при высоте 0,9—1 м). Центральный участок западной стены между пиллястрами имеет толщину 127 см за счет внутреннего утолщения. Наружный диаметр центральной апсиды 7,4 м, южной и северной — 2,43 м.

Обмерами установлено, что как наружные, так и внутренние пиллястры соответствуют расположению внутренних столбов. Неточные обмеры плана, сделанные в свое время И. Пеленским и вошедшие в научный обиход, со смещенными на восток столбами и внутренними пиллястрами вводили в заблуждение и даже привели некоторых ученых к ошибочным выводам.

Наружные стены сложены из блоков известняка и мелкопористого ракушечника, чисто обработанных зубилом шириной 30—35 мм, глубина тески 1—2 мм без последующей зачистки. Высота блоков 23—58 см,

длина 23—70 см, толщина 12—46 см. Из блоков с тщательно подогнанными наружными кромками выкладывали насухо наружные и внутренние версты, затем жидкий известковый раствор заливали внутрь, забучивали пространство между блоками отходами от обработки известняка и крупной галькой со сплошной проливкой раствором. Верхнюю кромку каждого ряда блоков тщательно выравнивали по шнуру, а забутовку дополнительно затирали раствором до уровня стесанных блоков.

Древние белокаменные стены сохранились на различную высоту: северная и южная — на 7,3 м, до высоты современных карнизов этих стен; северная и южная апсида — на 7,1 м, до уровня низа капителей; центральная апсида — на 9,4 м, на один блок выше арочного пояса апсиды. На самую большую высоту, почти на 14 м, сохранилась стена западного фасада, а забутовка и несколько лицевых блоков — на всю высоту фронтона около пилястр. При ремонте в 1926 г. сохранившиеся до этого времени и сильно поврежденные во время артиллерийского обстрела в 1915 г. белокаменные карнизы были заменены на кирпичные, а другие белокаменные элементы архитектурного декора (карнизы, тяги, сандрик окна над порталом, прямоугольная ниша второго яруса, обрамленная валиком) восстановлены в кирпиче или стесаны, как, например, сандрик, полка тяги в верхней части пилястр и др.⁶ У основания фронтона западного фасада, на уровне верхнего карниза северной пилястры, сохранились два блока со следами горизонтального карниза, стесанного в 1611 г., но сохранившегося на три блока от обеих пилястр и традиционно восстановленного в кирпиче на восточном фронтоном. От древней кладки на восточной стене на высоту 14 м сохранились угловые пилястры с карнизами и тягами в форме валика на два-три блока, примерно до линии внутреннего обреза стены центральной апсиды. На северной и южной стенах второго яруса хорошо сохранились на высоту 14 м по две угловые пилястры с карнизами и частично срубленными тягами. Вниз от тяги блоков сохранились чисто обработанные следы примыкания накрывочных камней, фиксирующие их уклон вниз по направлению к наружным пилястрам.

В первоначальном виде сохранились два окна. Одно щелевидное в глубокой нише без декора в центральной апсиде; второе небольшое окошко над западным порталом с полуциркульным завершением, обрамленное валиком, идентичным обрамлению рамки под фронтоном. Остальные окна были подвергнуты переделкам. На основании детального натурального изучения удалось в определенной мере реконструировать первоначальную форму всех окон.

Окна южной и северной апсид имели одинаковое с окном центральной апсиды построение. Их подоконники расположены на один блок ниже, и по высоте они также ниже окна центральной апсиды на 35 см. Наружный размер их составлял 251×114 см, а размер щели — 208×24 см. Снаружи ниша глубиной в 45 см сужалась внутрь до размеров 220×93 см, от щели внутрь откосы расширялись до размеров 231×69 см.

Окно нижнего яруса северного фасада было похоже на окна апсид, а его подоконник располагался на той же высоте, что и окно центральной апсиды.

По сохранившимся в натуре следам удалось установить, что над южным порталом располагалось окно, аналогичное окну над западным порталом. Точные размеры примыкания белокаменной облицовки стен к блокам обрамления дают основание предполагать изготовление обрамлений обоих окон одним мастером. Уровень низа обрамления окна совпадает с уровнем окна нижнего ряда северного фасада и центральной апсиды, но проем в свету на 30 см выше их и соответственно на 93 см ниже уровня окна над западным фасадом. Учитывая, что южный портал ниже западного на 1,9 м, можно считать, что такое расположение окна вполне логично. Проем окна в свету составляет 104×69 см.

Западное и восточное окна южного фасада имели одинаковые размеры. Их низ располагался на уровне низа окон северной и южной апсид.

На данном этапе исследований удалось установить только наружные габариты откосов и полуциркулярной арки в пределах наружной белокаменной облицовки стен. Под закладкой, выполненной в 1611 г., сохранилась орнаментальная живопись типа плетенки, относящаяся по предварительным исследованиям к XV в.

Окно второго яруса западного фасада располагалось в центре прямоугольной рамки, имело полуциркулярное завершение и, вероятно, профилированное обрамление. Реконструированный размер окна в свету 150 × 104 см. В такие размеры вписывается и верхняя часть профилированного валиком дверного обрамления западного портала. Есть все основания считать, что верхняя часть дверного обрамления вторичного использования; вполне вероятно, что эта часть обрамления когда-то украшала одно из окон церкви. Но возможно, что окно в прямоугольной рамке было круглым. Пока нет возможности окончательно ответить на этот вопрос. Дверной проем западного портала первоначально имел прямоугольные очертания, как и сохранившийся проем южного портала. Высота дверного проема южного портала уменьшена при перестройке в 1611 г. путем установки дополнительной горизонтальной перемычки для усиления треснувшей цельной каменной плиты тимпана.

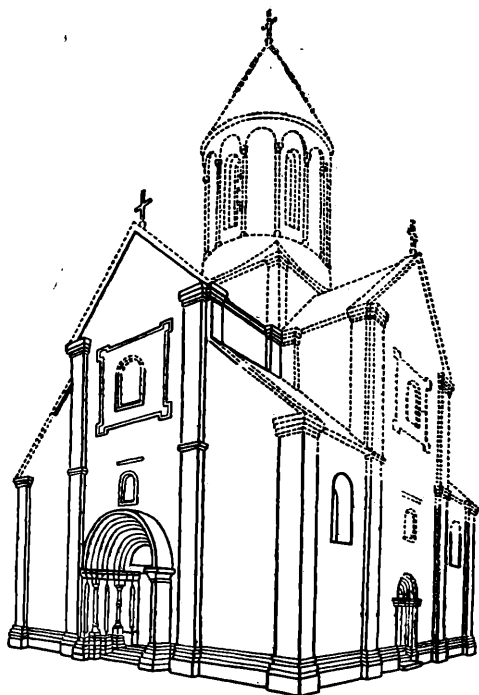

Рис. 2. Гипотетическая реконструкция первоначального облика церкви Пантелеймона

Если план церкви Пантелеймона имеет традиционную для Руси четырехстолпную центрально-купольную структуру с тремя апсидами, то объемно-пространственное решение и особенно архитектурный декор, как отмечалось многими исследователями, носят чисто романский характер. Прямые аналогии архитектурного декора и решения фасадов мы встречаем в романских постройках юга ФРГ, ГДР и Венгрии. Более всего общих черт и даже аналогичных деталей в архитектурном убранстве и объемно-пространственном решении наблюдается в постройках XI—XII в. г. Регенсбурга на Дунае и особенно в церкви св. Якова⁷, а также в постройках XII—XIII вв. в Пече, Эстергоме, Вертершенкерште и особенно в Белапатфальфе⁸. В этой отдаленной на первый взгляд аналогии нет ничего удивительного, если вспомнить, что именно свободный торговый город Регенсбург был центром торговли Западной Европы с Русью. В Регенсбурге образовалось даже особое товарищество «русариев» — торговцев с Русью, а путь в Восточную Европу шел через города Венгрии в Перемышль и Галич, а оттуда в Киев⁹.

На наш взгляд, нет оснований считать возможным влияние на галицкую архитектурную школу романской архитектуры Польши этого времени. Уже с середины XII в., как видно по фрагментам архитектурного декора Успенского собора в Галиче, в архитектурном убранстве монументальных построек Галицкой Руси широко применялись развитые элементы романской резьбы, в то время, как их применение в Польше известно только с начала XIII в.¹⁰, когда галицкая архитектурная школа уже окончательно сформировалась.

Результаты исследований и сравнительный анализ архитектуры XII—XIII вв. Западной и Восточной Европы дают возможность гипотетической реконструкции церкви Пантелеймона (рис. 2). Это был крестово-куполь-

ный храм с пониженными межветвенными объемами, с односкатными кровлями над ними и высоким барабаном. Наличие дополнительных уступов опорных столбов давало возможность устройства ступенчатых арок, что позволяло сделать постамент купола повышенным, а также слегка сузить широкий барабан. Храм имел вытянутый вверх башнеобразный характер. В настоящее время назвать можно только один памятник галицкой архитектурной школы XII в., который имел некоторые элементы аналогичного решения,— церковь в Василеве на Днестре¹¹.

¹ *Rapponort P. A.* К вопросу о сложении галицкой архитектурной школы.— В кн.: *Славяне и Русь*. М., 1968, с. 459.

² *Pelenski J.* *Halicz w dziejach sztuki średnowiecznej*. Kraków, 1914, s. 32.

³ Там же, с. 169.

⁴ *Шараневич И.* Историческое известие о церкви св. Пантелеймона близ города Галича. Львов, 1881, с. 90.

⁵ *Максимов П. Н.* Творческие методы древнерусских зодчих. М., 1976, с. 42.

⁶ Фотофиксация разрушений выполнена в 1921 г. Материалы хранятся в Львовском музее украинского искусства.

⁷ *Frize K.* *Reise in die Romanik*. Leipzig, 1978, S. 9, 109, 126—141, 184—193; *Ha-*

mann R. *Geschichte der Kunst*. Berlin, 1962, S. 241—276.

⁸ *Deresenyi D.* *Romankori építészet Magyarországon*. Magyar helikon, 1972, s. 94—95, fig. 12—36; 51—62, 80—83, 111—114.

⁹ *Исаевич Я. Д.* Культура Галицко-Волынской Руси.— *Вопр. истории*, 1973, № 1, с. 94—95.

¹⁰ *Sztuka Polska przedromanska i romanska do schyłku XIII wieku*. Warszawa, 1971.

¹¹ *Лозвин Г. Н., Тимошук Б. А.* Белокаменный храм XII в. в Василеве.— В кн.: *Памятники культуры: Исследования и реставрация*. М., 1961, вып. 3, с. 37—50.

О. Г. ГУСЕВА, О. М. ИОАННИСЯН, Н. К. СТЕЦЕНКО

ИССЛЕДОВАНИЕ НИКОЛЬСКОГО СОБОРА В СТАРОЙ ЛАДОГЕ

О времени основания собора старолadoжского Никольского монастыря свидетельств не сохранилось. Имелось лишь предание, упоминавшееся в работах исследователей XIX в., которое связывало возникновение монастыря с победой Александра Невского над шведами в 1240 г.¹

Основной объем собора (его наземная часть) многократно перестраивался и в настоящее время представляет собой крестово-купольный четырехстолпный храм со сводчатым подклетом. Он имеет четырехскатную кровлю и одну главу луковичной формы. Западный, северный и южный фасады здания разделены лопатками на три части.

Несмотря на внешний облик, сильно искаженный перестройками, и на отсутствие достоверных сведений о времени создания, собор издавна привлекал к себе внимание исследователей, так как по своему плановому построению он был близок другим древним храмам Старой Ладogi и Новгорода домонгольского периода. Однако в XIX в. время возведения Никольского собора авторы исследовательских работ определяли в довольно широком диапазоне: «XI—XIV вв.», «XIII в.», «не позже XV в.», «задолго до 1500 г.»²

Оставляя в стороне вопрос о датировке основного объема собора (его наземной части)³, обратимся к результатам археологических исследований его фундаментов и нижних частей стен.

Началом серьезных исследований собора были археологические раскопки, проведенные под руководством М. К. Каргера в 1970 и 1974 гг. Найденные многочисленные обломки штукатурки с фресковой росписью и куски цемяночного раствора впервые документально подтвердили предположение о существовании на этом месте древнего храма домонгольской эпохи. В 1975 г. А. Н. Кирпичниковым были проведены разведочные раскопки с целью выяснения времени первоначальной постройки Николь-

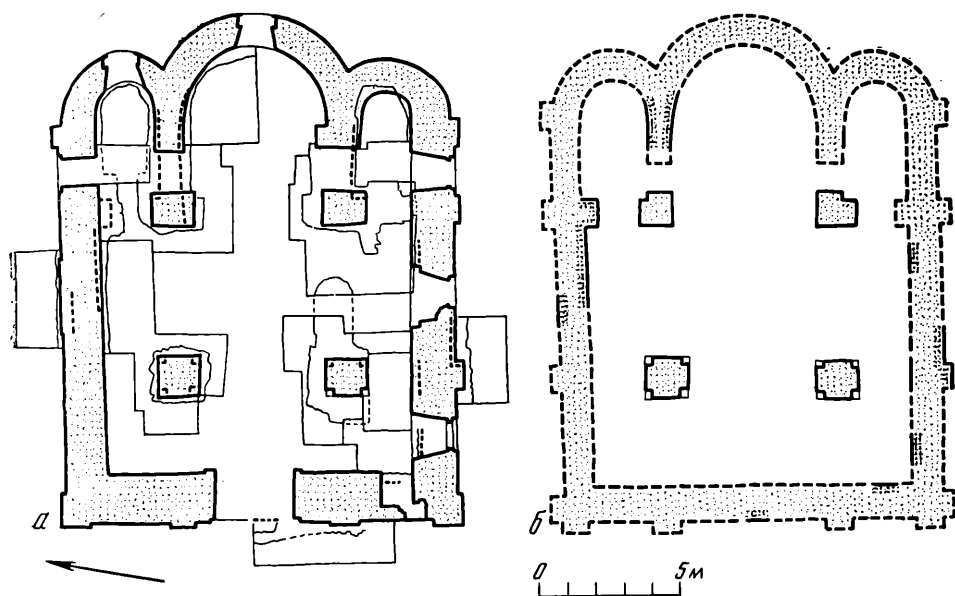

Рис. 1. Никольский собор

а — план раскопанного здания; б — реконструкция плана

ского собора⁴, в ходе которых обнаружены фрагменты древнего фундамента (булыжник на светлом известковом растворе), отдельные части древней стены (чередующиеся ряды камня и плинфы), цемяночный раствор в кладке стен. Это позволило сделать вывод, что Никольский собор возведен на древнем основании, относящемся ко второй половине XII—середине XIII в., и что в западной части собор сохранился на две трети своей высоты⁵.

В 1976 г. Г. М. Штендер, обследуя памятник, установил, что все четыре столба собора на высоту до пяти сводов подклета выложены из серого известняка и плинфы на цемяночном растворе. В углах восточной стороны западных и восточных столбов имелись позднейшие закладки; в углах западной стороны западных углов закладки обнаружены ранее. Таким образом, первоначальная форма восточных столбов была Г-образной, а западных — крещатой. Эти особенности собора, столь характерные для древнерусской строительной традиции, а также применение древними мастерами цемяночного раствора в кладке, несомненно, доказывали, что столбы относятся к домонгольскому времени⁶.

В 1978 г. Ленинградским филиалом института «Спецпроектреставрация» были проведены исследования в значительно большем объеме для более полного выявления плана стен и фундаментов древнего собора, их конструкций и сохранности.

Выяснилось, что фундаменты древнего храма опираются на материк, проходя через напластования культурного слоя X—XII вв.; в некоторых случаях они перекрывают ямы нижнего горизонта этого слоя. В нижних частях слоя (в уровне заложения фундаментов) обнаружено большое количество фрагментов лепной и гончарной керамики, литейная формочка для отливки украшений, трапециевидная подвеска и амулет — медвежий зуб с просверленным отверстием. В процессе расчисток зафиксированы ямы, заглубленные в материк на 15—20 см. Характер находок позволяет предполагать существование на этом месте поселения, предшествовавшего времени постройки храма.

Древние фундаменты сохранились под всеми стенами собора за исключением южной стены диаконника. Фундаменты сложены из булыжника на светлом известковом растворе без примеси цемянки; они пролиты раствором равномерно по всей высоте. Высота колеблется в пределах 70—

90 см, ширина всюду больше ширины древних стен. Верхняя платформа фундамента покрыта выравнивающим слоем цемяночного раствора. Фундаменты западных столбов столбчатые, фундаменты восточных — продолжают к востоку, переходя в фундаменты стен апсиды (рис. 1). Однако у юго-западного столба имеется одна особенность, не нашедшая пока объяснения: верхняя часть его фундамента, равная примерно половине его высоты, продолжается к востоку на 2,5 м, не доходя до фундамента юго-восточного столба.

Фундамент западной стены имеет утолщение в средней части, равное по ширине центральной части стены вместе с лопатками. Платформа этой уширенной части фундамента покрыта гладко затертым слоем раствора, начинающимся у внешней лицевой поверхности древней кладки стены. Можно предположить, что это остатки цемяночного поля привора.

Кладка стен древнего храма была выполнена в смешанной технике из чередующихся рядов серого плитняка и плинфы размером $(26,5-28) \times (17-18) \times (6,5-7)$ см; причем плиты часто утоплены в глубь кладки (порой до 1—2 см), а их лицевая поверхность затерта цемяночным раствором. Поскольку этот прием не соблюдался строго, можно предположить, что его использовали лишь в тех случаях, когда нужно было скрыть неровности лицевой поверхности каменных плит. Удалось выяснить толщину стен: северной и южной — 115—120 см, западной — 140—145 см.

Как уже сказано, восточные столбы имели Г-образную форму, а западные — крещатую. Их крещатость начиналась не от основания столба, где он имел прямоугольное сечение, а на полметра выше. Внутренние углы этих столбов в нижних частях были заложены двумя рядами кладки на цемяночном же растворе.

Фрагмент пола или подготовки под пол найден возле западной грани северо-восточного столба и представлял собой небольшой участок слоя раствора толщиной до 3 см, лежащий на выравнивающем цемяночном слое выступа фундамента столба. Верхняя поверхность его была ровной, зашлифованной, со следами красной краски, как бы накапавшей на нее (возможно, при росписи стен храма). Сказанное позволяет предположить, что пол древнего собора был цемяночным.

Так же как и во время прежних раскопок, вновь были обнаружены многочисленные фрагменты фресок, в том числе и с граффити. На юго-западном крещатом в плане столбе храма были расшишены участки древней фресковой живописи, сохранившейся на поверхности внутренних углов креста. Закладка углов, очевидно, выполнена в процессе росписи стен храма: видно, что грунт фрески уходит под закладку, а сам красочный слой начинается только выше закладки, отделяясь от него графьей.

Степень сохранности кладки стен и столбов древнего храма в различных частях здания неодинакова, наибольшая высота ее — в столбах (юго-восточном и двух западных), где она существует до пят свода подцерковья. В нескольких исследованных участках северной и южной стен собора найдена кладка в пять-девять рядов, в большинстве же мест — лишь в один-три ряда; на некоторых участках она совсем не сохранилась (например, в северной половине жертвенника). Несмотря на небольшую высоту древних стен в исследованных участках, стало возможным представить общие размеры первоначального здания собора.

Стены древнего собора были тоньше стен позднейшей постройки на 40 см каждая, и, следовательно, его общие размеры — несколько меньше размеров ныне существующего ($13,5 \times 18$ м вместо $14,0 \times 18,2$ м).

Результаты, полученные в процессе раскопок, подтверждают ранее высказанное мнение о том, что стены ныне существующего собора возведены на остатках древнего фундамента и стен как на основании и поэтому его план почти полностью повторяет план древнего собора. Это был трехапсидный четырехстолпный храм с западными крещатыми и восточными Г-образными столбами. Восточные столбы соединялись со стенами,

разделяющими апсиды, в них были проходы из алтаря в жертвенник и диаконник. На северной и южной стенах храма имелись внутренние лопатки, отвечавшие восточным столбам и выступавшие из плоскости стен на 30—36 см. Западные лопатки отсутствовали.

Фасады храма делились лопатками на три части; остатки одной из лопаток, соответствующей юго-западному столбу, обнаружены в раскопе у южной стены.

По характеру плана и особенностям конструкций фундаментов и стен, выявленным в процессе археологических раскопок, Никольский собор предстает как еще один памятник, принадлежащий группе новгородских храмов второй половины XII в. Действительно, фундаменты, сложенные на известковом растворе, смешанная техника кладки стен из чередующихся рядов кирпича и каменной плиты на известково-цемяночном растворе — характерные особенности новгородской строительной техники этого периода. В конструктивном отношении Никольский собор также повторяет сложившийся в Новгороде тип небольшого крестово-купольного храма с четырьмя столбами, трехапсидного, с фасадами, расчлененными значительно выступающими из плоскости стен лопатками, одноглавого, с позаконмарным покрытием. Судя по толщине западной стены, можно предположить устройство в ней лестницы, ведущей на хоры с угловыми камерами, как было у всех новгородских храмов этой поры⁷.

Однако ряд особенностей сближает наш памятник с другими ладожскими церквями: Георгиевской, Успенской, Воскресенской (?) на берегу Ладожки и Спасской на берегу Волхова. Все они имеют внутренние лопатки против восточных столбов; среди храмов Новгорода этого периода такая особенность имеется лишь у трех церквей: Петра и Павла на Синичьей горе, Благовещенья на Мячине, Воскресенья на Мячине. В отличие от Г-образной формы восточных столбов названных ладожских церквей для храмов Новгорода характерна форма восточных столбов прямоугольная или Т-образная. По найденным остаткам цемяночного раствора на уширенном фундаменте западной стены можно предположить, что Никольский собор, по-видимому, как и все ладожские храмы, имел при-твор⁸.

Никольский собор обладает определенными индивидуальными чертами, отличающими его от всех остальных храмов этого типа: с одной стороны, такой архаизм, как крещатость западных столбов, и с другой — необычно большая толщина плинфы (7 см), приближающая его к размерам брускового кирпича построек XIII—XIV вв.⁹

Принадлежит к типу, распространенному в новгородском зодчестве с середины XII в., Никольский собор на основании размеров кирпича может быть отнесен к 30—40-м годам XIII столетия¹⁰.

¹ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1871, вып. 2, с. 84—85; Государственный исторический архив Ленинградской области, ф. 857, оп. 1, д. 203. Очерк Староладожского Николаевского монастыря, л. 508; Староладожский Николаевский монастырь. СПб., 1862, с. 7; *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892, т. 2, с. 195.

² Государственный исторический архив Ленинградской области, ф. 857, оп. 1, д. 203, л. 19; Староладожский Николаевский монастырь, с. 6; Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии, с. 84—85; *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб., 1896, с. 58.

³ В настоящее время завершается ар-

хитектурное исследование собора в связи с разработкой проекта его реставрации Ленинградским филиалом института Спецпроектреставрация.

⁴ *Кирпичников А. Н.* Архитектурно-археологические открытия в Старой Ладоге. — АО 1975 г. М., 1976, с. 18.

⁵ Там же, с. 18—19.

⁶ *Штендер Г. М.* Рецензия на эскизный проект реставрации собора Никольского монастыря Старой Ладоги. Рук. — Арх. Ленингр. фил. ин-та Спецпроектреставрация, 1976, с. 4—5.

⁷ О возможности существования угловых камер на хорах домонгольского храма говорит следующее обстоятельство: поскольку позднейший храм, построенный вновь на старом основании, повторил не только план древнейшего, но и некоторые другие особенности (например, лестницу в за-

падной стене), можно предположить, что угловые камеры позднейшего здания — также повторение угловых камер домонгольского храма.

⁹⁸ Мильчик М. И. Церковь Георгия в Старой Ладoge. — СА, 1979, № 2, с. 102, 115—116.

⁹ Штендер Г. М. О ранних феодоровских храмах древнего Новгорода. — Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник, 1977 г. М., 1977, с. 443.

¹⁰ Штендер Г. М. Рецензия на эскизный проект..., с. 7—8.

С. П. МИХАЙЛОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ СОБОРА ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В ПСКОВЕ

Собор Иоанна Предтечи в Пскове — один из замечательных памятников русского зодчества XII в. До самого последнего времени собор оставался слабо изученным. Архитектурно-археологические исследования 1973—1979 гг. позволили судить об этом памятнике с гораздо большей определенностью и полнотой¹.

Время построения собора неизвестно. По преданию, Ивановский монастырь основан княгиней Ефросиньей Рогволодовной — женой князя Ярослава Владимировича². Ефросинья, в иночестве Евпраксия, была якобы первой настоятельницей монастыря. В 1243 г. ее умертвили в Ливонии, но погребли в Ивановском соборе, у его северной стены. В 1433 г. Ивановский монастырь упоминается в связи с большим пожаром в Пскове. В XVI—XVII вв. девичий Ивановский монастырь с Завеличья упоминается неоднократно. Вкладчиками монастыря были многие цари. Так, в 1510 г. Василий Иоаннович пожаловал монастырю несудимую грамоту, которую затем подтвердили Федор Иоаннович, Михаил Федорович и Алексей Михайлович. В XVI в. с западной стороны собора сооружен притвор, дошедший до наших дней. Двухпролетная звонница на южном фасаде надстроена над карнизом закомары нартекса также в XVI в. В 1615 г. монастырь был захвачен войсками Густава-Адольфа, пытавшимися взять Псков. На чертеже Э. Пальмквиста отмечено: «монастырь, который служил шведским магазином, но вследствие неосторожности был уничтожен взрывом».

В 1693 г. монастырь владел 64 крестьянскими и бобыльскими дворами. К 1743 г. он приходит в упадок: «сестер в монастыре 5 человек», а в начале 1764 г. — всего «игуменья и две инокини». Подробное описание монастыря относится к 1763 г. В это время «церковь Рождества Иоанна Предтечи холодная, каменная, трехглавая с каменной же колокольной, на которой висело два больших и два маленьких колокола. При ней — придельная теплая церковь, одноглавая, тоже каменная, во имя апостола Андрея»³. В притворе устроены две кладовые палатки. Все главы обиты чешуею, а кровли крыты тесом. Остальные монастырские постройки, кроме каменных погребов, были деревянными.

В начале XIX в. монастырь начал отстраиваться. В 1801 г. главы обиты осиновою чешуей и окрашены. В 1805 г. сооружена каменная ограда с башенками на углах, перестраивались кельи и хозяйственные постройки. В 1816 г. в соборе вместо плитяного сделан деревянный пол, а старый иконостас, поправленный в 1814 г., обновлен и вызолочен. В 1838 г. крыша собора вновь перекрыта тесом и окрашена. Самым большим изменением храм подвергся в 1840 г. В целях лучшего освещения были растесаны окна в трансепте с южного и северного фасадов, большое окно — в центральной апсиде, разрушив среднее целевидное окно. Были сделаны проемы под малой главой на южном фасаде и в центральном люнете западного фасада, растесан левый откос проема из центральной апсиды в жертвенник вплоть до выступа восточного столба. Окна в центральном барабане, ориентированные по сторонам света, были растесаны

зверх и надложены в подоконниках, а промежуточные — заложены полностью. Все конструкции оштукатурены толстым слоем, искажившим пластику интерьера. «Устройство благолепия» храма ввело некоторых исследователей в заблуждение. Так, В. В. Суслов принял среднюю пару граненых столбов за круглые и даже привел по этому поводу византийские аналогии⁴. Видимо, в то же время сделаны небольшие контрфорсы на южном фасаде здания.

В 1845 г. разобран обветшавший северный Андреевский придел и построен новый, одноименный, на средства купца А. А. Дерябина. В 1863 г. игуменьей Агнией штукатурка исправлена внутри и снаружи, выкрашена и отбелена, иконостас очищен и выкрашен. В 1872 г. иконостас возобновлен и позолочен, переделаны царские двери. В 1882 г. над монастырскими воротами с восточной стороны сооружена каменная колокольня с двумя боковыми помещениями.

В 1912 г. собор впервые обмерялся П. Шретером⁵. В период Отечественной войны памятник пострадал, впрочем, не очень существенно. В 1946 г. была проведена «разборка завалов и очистка от мусора, устройство распора между колоннами для предохранения их от дальнейших деформаций»⁶. В 1948 г. инженером А. Кондратьевым были поставлены подошвы к крайним западным столбам собора, тело столбов забрано в железобетонные рубашки, заведены металлические хомуты и заанкерены в западной стене собора. В то же время на северном фасаде после разборки Андреевского придела сделаны лопатки по образцу лопаток южного фасада. На западной стене, в центральной закомаре, архитектор М. Э. Гедике восстановил окно. Крупные реставрационные работы, направленные на спасение памятника и выведение его из аварийного состояния, были проведены в 1948—1950 гг. П. Н. Максимовым и коснулись в основном «фасадной» стороны памятника⁷. Восстановлены щелевидные окна на месте растесанных в XIX в., раскрыты все проемы центрального барабана, восстановлено позакомарное покрытие и возведены шлемовидные главы. О проведенных исследовательских работах мы можем судить лишь по схематическим обмерам студентов Московского архитектурного института, выполненным в 1948 г. и далеко не отражающим все древние черты памятника⁸.

Собор представляет собой шестистолпный, трехглавый, трехапсидный храм, покрытый позакомарно (рис. 1). Наружные размеры — длина 19,5 м, ширина 12,5 м, внутренние, от «горнего места» до западных дверей — 16,4 м, ширина от южных до северных дверей — 10,3 м, длина без апсид — 9,4 м, ширина наружных лопаток — 1,15 м. Размер подкупольного пространства: вдоль храма — 4,2 м, поперек — 3,9 м. Фасады членятся лопатками, на главном фасаде — на четыре части, на боковом — на три. Декор здания — двухступенчатые ниши в боковых закомарах на западном фасаде, раскреповки в арках закомар и аркатура в карнизной части глав. Мощные апсиды собора выведены своими покрытиями под обвод закомар, на всю высоту четверика. В интерьере — разные по формам столбы: прямоугольные, восьмигранные и круглые. Из них две пары западных имеют прямоугольные навершия, своеобразные капители и тем самым одинаковый «выход» с восточными к приему на себя подпружных арок. Малые четырехкоконные барабаны глав опираются на небольшие паруса. Центральный, восьмикоконный световой барабан оперт через облегченные паруса (с голосниками) на мощные подпружные арки. Угловые членения храма перекрыты цилиндрическими сводами одной западно-восточной ориентации, кроме перпендикулярно поставленного свода в северо-западном углу храма. Такое исключение в системе объясняется простой функцией — выход на кровлю. Хоры располагались балконом в нартексе. Конструкция их была проста: деревянный настил, опирающийся на балку связей и на выступ западной стены. Предположения исследователей о II-образности хор и освещении их боковых рукавов малыми главами сейчас можно полностью отбросить в связи с последними находками, доказавшими расположение хор лишь до середины западных столбов.

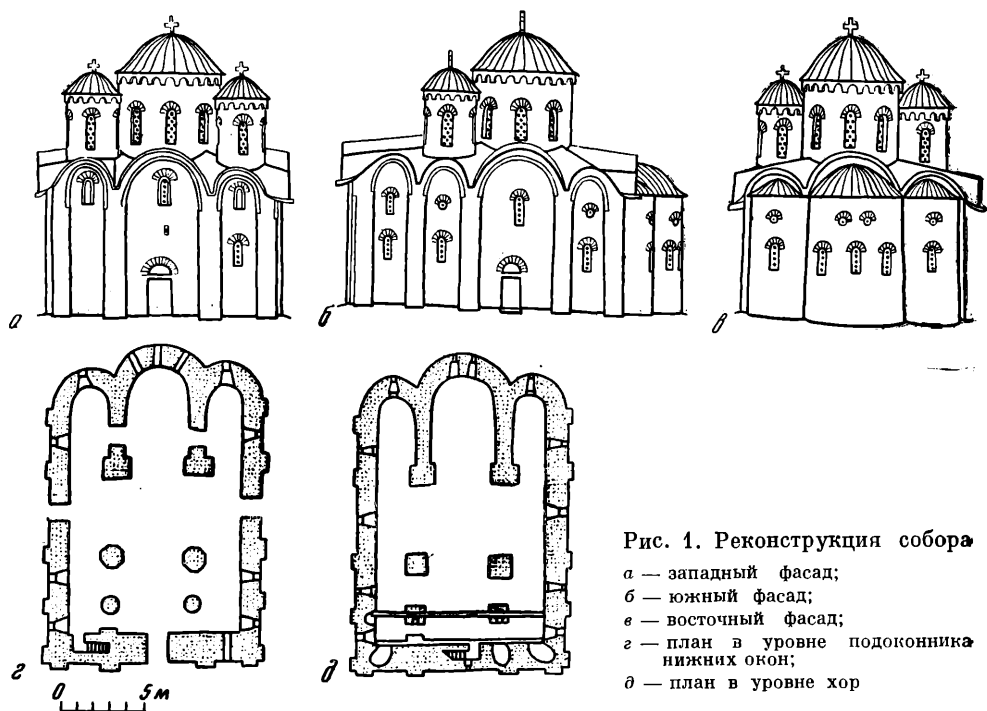

Рис. 1. Реконструкция собора

- а — западный фасад;
- б — южный фасад;
- е — восточный фасад;
- з — план в уровне подоконника нижних окон;
- д — план в уровне хор

Под хорами расположены ниши аркосолиев: в северной стене — две, в южной — одна. На северной стене между арками были вмурованы голосники. Такие же голосники есть в пятах арки южного входа.

Фундамент собора заложен в ров на глубину 0,5 м от древней дневной поверхности. В шурфах, заложенных В. А. Булкиным, были выявлены средние и крупные валуны, промазанные цемяночным раствором, с предварительной засышкой землей. В растворе встречаются куски колотой плинфы. Линия фундамента, прослеженная в двух пролетах между столбами, отклоняется в сторону бокового нефа на 0,6—0,7 м. Смещение фундамента относительно столбов вызвано либо «проектировкой» более крупного подкупольного квадрата, либо ошибкой строителей при разметке столбов на вымощенном полу. Вымостка над фундаментом выложена одним слоем плинфы на цемяночном растворе. Затем на 2—3-сантиметровой подушке из того же раствора лежат плиты первоначального пола. Они перевязаны с кладкой столба и имеют следы натека штукатурки с росписью. Отметка пола ниже современной дневной поверхности внутри храма на 0,7 м. Современный уровень поверхности земли вокруг собора находится примерно на 1,4—1,6 м выше древнего.

Кладка стен собора характерная новгородская: смешанная, из плиты и плинфы. Арки выполнены техникой утопленного ряда, причем скрытый, «утопленный» материал, чаще всего тесаная плитка, а декоративная роль отдана плинфе. Арки дверных и оконных проемов, а также арки в палатках хор поверх цемянки и плинф окрашены. Конструктивные подпружные арки были затерты полностью и гладко. В плане, особенно на уровне хор, отсутствует четкость: столбы косоугольные, нефы не выверены, вертикальные линии тоже имеют значительные отклонения. Такая свободная пластика отмечается в больших и малых деталях. Так, например, малые барабаны при симметричной расстановке имеют разную высоту, диаметр, толщину стен, энтазис внутреннего контура. Окна в барабанах имеют различные по форме арочные завершения и искривления по вертикали. Кладка столбов велась «в коробку» с последующим заполнением обломками плиты и известковым тестом. Интересна методика кладки свода центрального барабана и апсиды. Эту кладку вели с лесов изнутри сооружения по участкам: первый участок — «напуском» по

схеме выкладки парусов, второй — с небольшим наклоном кирпичей, а третий — замковый, выкладывался снаружи по минимальной опалубке.

Стенная кладка выполнена из плинфы $(3,5-6) \times (23-25) \times (33-39)$ см и серой плиты. Малая плинфа $(3,5-5) \times (15-17) \times (22-23)$ см применена для кладки апсид и малых барабанов. Торцы плинф лишены каких-либо знаков. Толщина шва 2—3 см без подрезки. Раствор известковый с разными фракциями цемячного зерна. Кладка велась с подмостей; выявлены пока только внутренние гнезда от пальцев лесов. В основном это были брусья круглого сечения 10—17 см в диаметре. Интересно находка отпечатков круглого бревна на щеках центральных столбов, обращенных в подкупольное пространство. Отпечатки-вмятины расположены прямо над каналами от связевых брусьев. Вероятно, это брусья подмостей для ведения кладки в промежутке от пят подпружных арок до опорного кольца центрального барабана. Гнезда от концов деревянных перемычек под кружала найдены в пятах у всех арок. Располагались они попарно с обоих краев арок и делались как из круглого (круглого, колотого пополам), так и брусчатого леса. Сечения брусьев строго зависят от ширины перекрываемого пролета. Своды центральной апсиды и главного барабана выполнены по беспалубочной схеме, с подпалубкой только замковой части конструкции.

Вызывает недоумение характер выкладки замковой части западной и северной подкупольных подпружных арок. Нижняя часть замка выложена обычно, радиально, а верхняя — горизонтально как стеновая. Тем самым строители явно ослабили несущую способность конструкции. Образовавшиеся трещины, видимо, древнего происхождения, так как под штукатуркой 1840 г. обнаружены клинья с обожженными торцами, забитые в трещины. Может быть, деформации вызваны отсутствием нижнего уровня связей. Связи в соборе проходили через все здание в его средней части и в пятах подпружных арок, где связывали только подкупольные столбы.

Интересно отметить деталь — крестчатые плиты («капители»), имеющиеся в подкупольных столбах Ивановского собора, такие же, как в Рождественском соборе Антониева монастыря.

Обнаруженные голосники в кладке парусов центрального барабана уложены не симметрично и количество их мизерно: 12 штук (по три в каждом парусе). Это узкогорлые и широкогорлые кувшины с высотой до 50 см и шириной до 35 см.

Лестница, ведущая на хоры, перекрыта плоскими ступенчатыми перемышками, что архаично. Поэтому представляется, что это одна из первых внутрискладных лестниц среди построек новгородского круга после отказа от лестничных башен. О том, что лестницу в Ивановском соборе можно считать нововведением, говорит единственная на внутрискладном периметре стены лопатка, вероятно поставленная мастером для усиления этого участка стены. В верхнем рундуке лестницы в 1978 г. найдено и раскрыто небольшое первоначальное окно, попадающее сейчас под кровлю притвора XVI в.

В соборе насчитывается четыре типа окон: прямые щелевидные, щелевидные с раструбом, люкарны с конической средней частью и люкарны с прямоугольным внутренним раструбом. Круглые окна-люкарны, открытые в 1978 г. в уровне пят закомарных арок, не имеют аналогий в домонгольских памятниках Руси. Люкарны представляют собой окна с цилиндрическими частями у наружного (диаметр 35 см) и внутреннего обреза стен (диаметром 60 см) и средней конической части. Выполнялись они, вероятно, по гибким лубяным пинам (цилиндр), а по этим направляющим обкладывались опалубочными колотыми досками. Две такие доски сохранились в одном из проемов. Другие люкарны выполнялись простой кладкой с перемышкой из широкой плоской плиты и цилиндрической вставкой для наружного контура проема.

В проеме, находящемся в центральной апсиде, в 1979 г. при вскрытии закладки обнаружена древняя окончина. Она вытесана из доски тол-

щиной 3—4 см со световым отверстием диаметром 10 см. Окна в центральной апсиде были восстановлены реставрацией П. Н. Максимова в 1948—1950 гг. Были восстановлены наполовину уцелевшие два подлинных окна XII в. по краям растески XIX в. О существовании третьего среднего подлинного окна не было никаких натуральных данных. Однако окна верхнего света сдвинуты к центральной оси апсиды, и необходимость поддержания композиции осевым окном в нижнем ряду совершенно необходима.

Дверные проемы храма, судя по шурфам, в древности были прямые без четвертей и раструбов. Сейчас они значительно повышены в пороге и растесаны. О возможном существовании дубовых перемычек в дверях храма можно судить по отпечаткам спаренных деревянных перемычек в проемах ниш на хорах.

Исследованием выявлено алтарное устройство. Эпистильный брус выполнен из бревна диаметром 0,7 м и затесан сверху и сбоку. Боковая грань до 35 см шириной шла в створе с алтарными столбами. Верхняя полка служила для деисусной иконы, снизу в проеме подвешивались убиралоющиеся завесы из ткани. Поиск конструкций в полу результата не дал. В алтаре найдены контуры престола, но пока мы имеем дело с поздними надкладками; первоначальный престол не изучен. В алтаре сохранилась скамья для клира — «горнее место», выполненная из плинфы и известняковой плиты. Что касается внутреннего оформления собора, то сейчас с полной уверенностью можно сказать, что первоначально он был расписан. Самый большой фрагмент росписи сохранился на откосах проемов под пятой конхи центральной апсиды. Это орнамент так называемого книжного стиля, состоящий из перекрещивающихся двух пятилепестковых пальметок, процветших в обоих окончаниях, влетающихся в ромб. В соседнем, втором проеме — аналогичный рисунок, но ромб имеет на вертикальных окончаниях трехлепестковые сомкнутые пальметки. Сам орнамент выполнен охрой с «теньями» красной охры, последующей обводкой черным контуром с насечкой черным штрихом на лепестках пальметок. Фон серый с охристой диагональной сеткой. Все поле имеет отгранку красной охрой. Предварительной графьи нет.

При зондировании внутри центрального барабана под штукатуркой 1840 г. были обнаружены граффити на первоначальной цемяночной обмазке; они представляют собой отдельные буквы и идущие рядами вертикальные и наклонные риски. При подсчете рядов плинфы, идущих от опорного кольца барабана, выяснилось, что число рисок соответствует этим рядам. Был проведен опыт просчета плинфяных рядов от начала кладки. Получилось, что число рядов модульное: пять-десять; так, например, от пола и до подоконника насчитывается десять рядов, затем высота окна с учетом перемычки — тоже десять рядов и до начала свода апсиды — еще десять рядов. Значит, всего в стене 30 плинфяных рядов. В северном малом барабане от верха парусов до подоконника — 10 рядов, от подоконника до пяты перемычки — 15 рядов. Риски на затирочном слое, вероятно, заметки рабочих, либо задание мастера.

Зондажи в уровне хор дали еще и вещевой материал. Были обнаружены две ниши (тайники) в нартексе собора, заложенные в XVII—XIX вв. В них было найдено 67 предметов: иконные доски, створки деревянных складней, точеные бытовые вещи (подсвечник, дискос, блюдо, точеный пенал с «веретенцем» под грамоту) и т. д.

Датировки собора Иоанна Предтечи до сих пор вызывают много споров. Ю. П. Спегальский отмечал несостоятельность предлагаемых датировок и указывал на неизученность интерьера памятника⁹. После шурфовки Ивановского собора в 1964 г. В. Д. Белецкий сделал предположение, что по аналогии с церковью Дмитрия Солунского в Довмонтовом городе собор построен в 1119—1139 гг. и принадлежит к кругу построек артели повгородского князя¹⁰. П. Н. Максимов датировал памятник концом XII в., ссылаясь на приземистые пропорции, меньшее количество окон, не расположенных ритмическими рядами¹¹.

Если суммировать все вновь полученные данные, то можно считать, что датировка Ивановского собора ближе всего к первой половине XII в. А одним из наиболее близких аналогов нам представляется Рождественский собор Антониева монастыря. С Рождественским собором Ивановский роднит почти идентичная плановая разбивка, образное решение, фасад и интерьер. В этих храмах очень близки основные размеры. Так, длина от «горнего места» до западных дверей в Ивановском соборе 16,4 м, в Рождественском — 16,5 м, ширина внутри храма у первого и второго по 10,3 м, подкупольный квадрат у обоих 3,9×4,2 м с той лишь разницей, что в Ивановском он удлинен вдоль храма, а в Рождественском — поперек, ширина боковых нефов одинакова.

Последние исследования новгородских реставраторов (Г. М. Штендер) говорят о двух периодах постройки собора Антониева монастыря: первая очередь — одноглавый четырехстолпный собор (1119 г.), а затем пристройка нартекса с лестничной башней (1127 г.). Этот собор в уже сложившемся виде мог служить образцом для постройки Ивановского.

Наличие культурного слоя XII в. свидетельствует, что до постройки собора это место Завеличья уже было обитаемо. Аркосоллии в соборе подтверждают, что постройка княжеская. Гипотетически может быть высказано предположение о названии собора в честь Иоанна, сына Всеволода Мстиславича, так как патроном его был Иоанн Предтеча; в Новгороде князь Всеволод также заложил церковь «на Пятрятине дворе в имя сына своего».

¹ Исследование памятника проводил С. П. Михайлов. Шурф у фундамента в 1979 г. исполнил В. А. Булкин.

² Описание Псковского Иоанно-Предтеченского женского монастыря. СПб., 1874.

³ Опись 1763 г. — ЦГАДА, ф. 280, оп. 3, ед. хр. 225.

⁴ *Суслов В. В.* Материалы к истории древней новгородско-псковской архитектуры. — В кн.: Записки русского археологического общества. СПб., 1888, т. 3, вып. 2.

⁵ *Шретер П.* Обмерные чертежи собора Иоанна Предтечи. — Науч.-исслед. арх. Акад. художеств СССР, № 2213—2218.

⁶ Материалы комиссии по итогам исследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков. — ГАПО, 1945, ф. 903, оп. 3, ед. хр. 1, д. 14.

⁷ Материалы проекта реставрации собора Иоанна Предтечи Ивановского монастыря. Авт. П. Н. Максимов. — ГАПО, 1949—1950, ф. 1767, оп. 2, ед. хр. 113—123.

⁸ Обмерные чертежи к проекту реставрации П. Н. Максимова 1947—1948 гг. — Науч.-исслед. музей русской архитектуры им. А. В. Щусева, ф. РУ, № 2004, 2005, 3225.

⁹ *Стегальский Ю. П.* Псков. М.; Л., 1963, с. 272—273.

¹⁰ Архив ПСНРПМ, № 5.2.8. Закл. В. Д. Белецкого на шурф Иоанно-Предтеченской церкви в 1968 г.

¹¹ *Максимов П. Н.* Архитектура Новгородской земли XII—начала XIII века. — В кн.: Всеобщая история архитектуры. М.; Л., 1966, т. 3.

П. А. РАППОРТ

ЦЕРКОВЬ ПАНТЕЛЕЙМОНА В НОВГОРОДЕ

В первой половине XII в., по-видимому в 1134 г., киевский князь Изяслав Мстиславич основал в Новгороде Пантелеймонов монастырь¹. В 1207 г. в этом монастыре была построена каменная церковь: «съвърши церковь святого Пянтелеймона Федор Пинециниць»². Сведений о дальнейшей судьбе церкви не имеется до XVII в. Известно, что она после разорения шведами в 1611 г. стояла без кровли³. В 1716 г. церковь была возобновлена, но в 1810 г. разобрана «за ветхостью». В 1811 г. на этом месте построили новую церковь, также в настоящее время не существующую.

Место древней церкви не было утеряно, и архитектор Л. Е. Красно-речьев заложил здесь шурф, в котором обнаружил древнюю кладку.

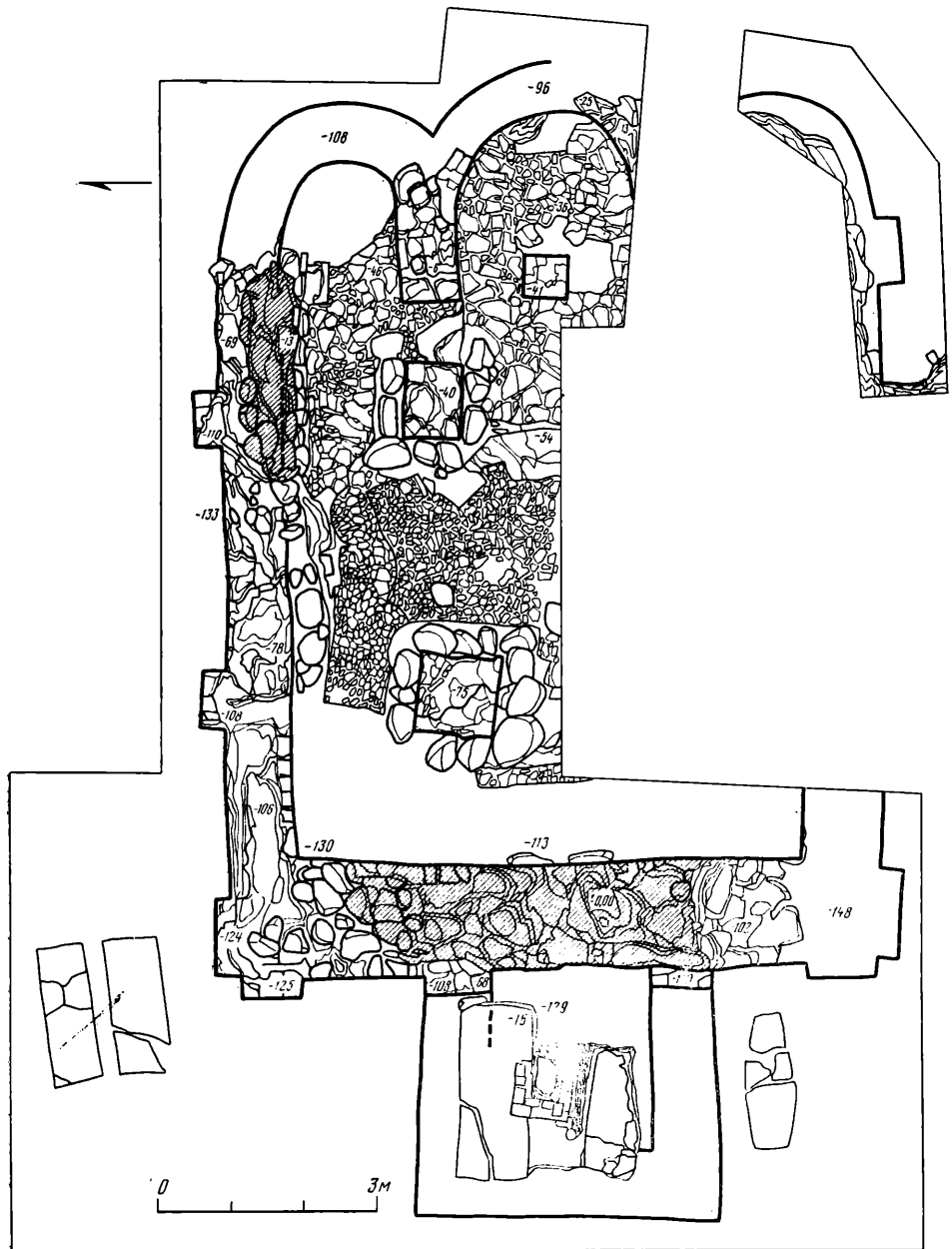

Рис. 1. План раскопанной церкви

В 1978 г. проведены раскопки памятника⁴. Раскопки показали, что стены древнего храма на большей части периметра снесены почти до основания, а местами выбран даже фундамент. Выяснилось, что стены церкви 1811 г. стояли на линии стен древнего храма; однако стены и столбы новой церкви были толще древних и поэтому для их укрепления подводили фундамент из крупных валунов. Во многих местах эти валуны пробили полностью, а на некоторых участках (западная и часть северной стены, частично северная апсида) сохранились куски древних стен, поднимающихся местами на высоту до 1 м. Учитывая плохую сохранность южной стены храма, а также его полную симметричность, средний участок южной стены и южные столбы не раскапывали.

Церковь была четырехстолпной трехапсидной (рис. 1). Азимут ее про-

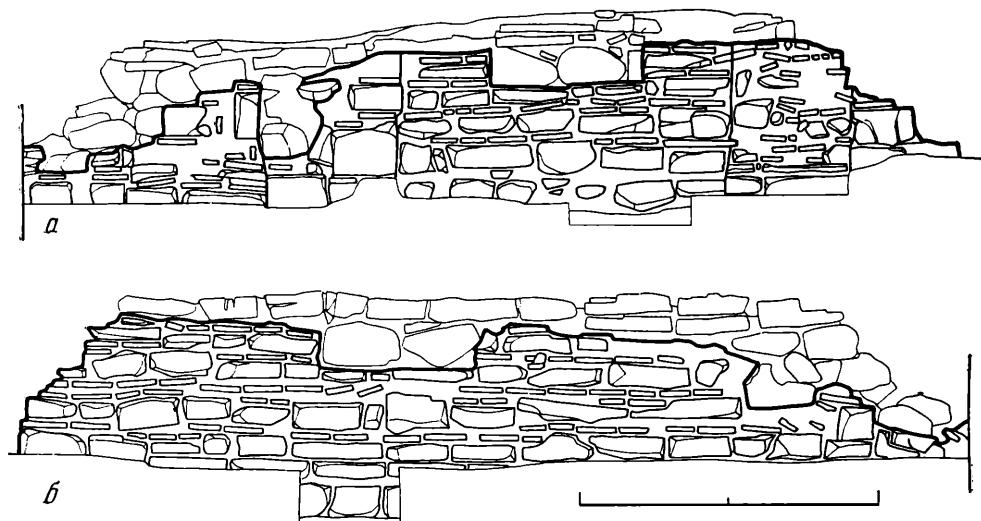

Рис. 2. Западная стена
 а — наружный фасад; б — внутренний

дольной оси 86° , общая длина 12,75 м, ширина 8,95 м. Толщина стен около 0,9 м, а западной стены, где, очевидно, размещалась лестница на хоры, 1,5 м. Западные столбы церкви квадратные ($1,1 \times 1,1$ м), а восточные более узкие, прямоугольные ($1,1 \times 0,8$ м). На внутренней поверхности стен нет лопаток, а внешние стены расчленены лопатками соответственно расположению внутренних столбов. Ширина лопаток 80—90 см, кроме западных лопаток северной и южной стен, имеющих размер 1,1 м. Вынос лопаток от стен — от 26 до 34 см. В западной стене сохранился низ проема портала, заложенного при строительстве церкви в 1811 г. Ширина портала 1,02 м. Боковые порталы не сохранились. Разбивка здания не вполне точная; стены и столбы имеют небольшие искривления.

К средним лопаткам западной стены примыкал притвор, от стен которого сохранились только фундаментные рвы. Ширина рвов около 90 см. Размер притвора по длине здания (считая от плоскости западной стены церкви) — 3,3—3,4 м, по ширине 4,0—4,2 м. Лопаток на углах притвора, по-видимому, не было. Притвор не перевязан с кладкой основного здания; однако нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о более позднем происхождении притвора.

Стены древней церкви сложены из чередующихся рядов известняковой плиты и кирпичей (рис. 2). Плита использована различная, как по толщине (12—15 см, иногда толще — до 25 см), так и по цвету (почти белая, розовая, фиолетовая, зеленая). Чередование с кирпичом не всюду регулярное; большей частью один ряд плиты перемежается одним рядом кирпичей, но часто для выравнивания участков с камнями разной толщины ряды кирпичей сдваиваются. Кирпичи грубой формовки и разного обжига: наряду с нормальным обжигом встречаются многочисленные недожженные и пережженные. На одной из плоскостей кирпичей большей частью видны отпечатки травы и веток. Размер кирпичей $(3,5-4,5) \times (17-19) \times 26$ см с незначительными отклонениями. Раствор в кладке довольно прочный, известковый, с цемянкой и включением кусочков извести. На фасадных поверхностях стен раствор, выступивший из швов, растерт по поверхности стены. Следов специальной обмазки не отмечено.

Фундамент храма сложен из валунов (размером 10—25 см) на растворе без цемянки. Культурного слоя, предшествующего постройке церкви, не имеется, и поэтому весь фундамент врезан в материковую глину. Глубина фундамента всего около 40 см. В уровне древней поверхности вокруг храма и внутри него отложился тонкий (до 5 см) слой плитняного щебня и раствора. Внутри храма поверх этого слоя лежит слой

подготовки пола, состоящий на одних участках из строительного мусора, на других — из глины. Сам пол представляет собой плотную известняковую заливку кремового цвета. Уровень его расположен примерно на 40—50 см выше уровня поверхности земли вокруг церкви. Древний пол, по-видимому, скоро износился; и поверх его сделали второй слой такой же заливки. Между двумя слоями имеется тонкая гумусная прослойка. Уровень нижнего слоя пола совпадает с уровнем низа западного портала храма. В притворе был такой же пол, но лежащий примерно на 20 см ниже, чем в самой церкви.

Посреди центральной апсиды сохранились остатки небольшого престола (0,6×0,6 м), сложенного из плинф. Между восточными столбами в полу имеется длинная впадина (шириной 15—16 см и глубиной 5—7 см), очевидно, след деревянного бруса алтарной преграды.

В процессе раскопок неоднократно встречались кусочки штукатурки со следами фресковой росписи. Небольшие участки фресковой живописи сохранились также на нижней части стенки, отделяющей центральную апсиду от северной.

Рядом с церковью обнаружено несколько больших надгробных плит, относящихся к более позднему времени.

Значение церкви Пантелеймона для истории новгородского зодчества прежде всего в том, что она заполняет хронологическую лауну в его развитии. Новгородская архитектурная школа сложилась к середине XII в., и ее памятники хорошо известны как в самом Новгороде, так и в Новгородской земле (Ладога, Псков). Однако самые поздние из них относятся к концу XII в. Построенная в 1207 г. Пятницкая церковь была возведена руками смоленских зодчих и не отражает развития собственно новгородской архитектуры⁵. Таким образом, остается неизвестным, как развивалось новгородское зодчество в первой половине XIII в. и появились ли здесь какие-либо новые формы. Изучение раскопанной церкви Пантелеймона дает возможность ответить на эти вопросы.

Оказалось, что церковь Пантелеймона, построенная в 1207 г., полностью повторяет схему плана новгородских храмов предшествующей поры. Ее план почти полностью совпадает, например, с планом Успенской церкви Аркажского монастыря, возведенной в 1188 г.⁶ Отсутствие существенных изменений в схеме плана позволяет полагать, что и в объемной композиции церковь Пантелеймона повторяла обычные формы церквей новгородской школы, хорошо представленные таким памятником, как церковь Спаса-Нередицы (1198 г.). Следовательно, в новгородской архитектуре даже в первом десятилетии XIII в. еще не появилось изменений, связанных со сложением нового архитектурного стиля, охватившего к этому времени почти все русские земли⁷. Очевидно, эти изменения начались здесь лишь после постройки Пятницкой церкви, внесшей в архитектуру Новгорода новые формы и приемы. Такие характерные особенности Пятницкой церкви, как трехлопастное завершение фасадов и одноапсидность, были восприняты новгородскими мастерами, но переработаны в специфически новгородской манере, исключая сложность профилировки и насыщенность фасадов декоративными элементами. Так появились архитектурные формы церкви Перынского скита, определившей дальнейший путь развития новгородской архитектуры.

¹ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977, с. 77.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 50.

³ Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860, ч. 1, с. 646.

⁴ Руководитель участка раскопок — А. А. Пескова.

⁵ Архитектура Новгорода в свете последних исследований. — В кн.: Новгород: К 1100-летию города. М., 1964,

с. 211 (автор раздела — Г. М. Штендер); Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979, с. 353.

⁶ Орлов С. Н., Красноречьев Л. Е. Археологические исследования на месте Аркажского монастыря под Новгородом. — В кн.: Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967, с. 69.

⁷ Раппопорт П. А. Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв. — В кн.: Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 26.

ОПЫТ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАСТВОРОВ ПОСТРОЕК НОВОГРУДСКОГО ДЕТИНЦА

Петрографический анализ широко используется в современном (производстве цемента¹. В. Н. Юнгом он был применен для изучения древнерусских строительных материалов². С помощью петрографии Юнгу удалось установить четыре типа древнерусских известковых растворов, так как в шлифе хорошо определяется состав наполнителя.

У И. Л. Значко-Яворского этот метод является одним из главных при описании вяжущих веществ от древнейших времен до середины XIX в.³ В данной работе делается попытка детального петрографического изучения одного памятника.

Во время археологических исследований древнерусского города Новогрудка (Гродненская обл. БССР) на территории его детинца в 1968 г., 1973 и 1974 гг. под руководством М. В. Малевской были открыты остатки разновременных церковных построек⁴. Они представляют собой многократную перестройку одной церкви, основанной в начале XIV в. и последний раз перестроенной в середине XVII столетия. На основании исследования техники кладки, формата кирпича, строительного раствора и стратиграфических данных было выявлено шесть этапов строительства и соответственно шесть типов кладок, которые получили свою нумерацию: кладка 1 — церковь начала XIV в.; кладка 2 — внутренняя перестройка церкви, произведенная, видимо, во второй половине XIV в.; кладка 3 — увеличение церкви в восточном направлении, осуществленное, видимо, в конце XV или в XVI в.; кладка 4 и 4а — расширение церкви в западном направлении во второй половине XVII в.; кладка 5 — северная пристройка XVI в. (?); кладка 6 — юго-восточные пристройки конца XVII или начала XVIII в. (рис. 1).

Кроме того, обнаружена и частично раскопана нецерковная постройка у вала детинца. Время строительства ее не было определено. Образцы строительных растворов для петрографического анализа взяты как из стен, так и из фундаментов кладок церкви и из постройки у вала. Они изучены под биноклем и в прозрачных шлифах в поляризованном свете⁵.

В задачи анализа входило петрографическое описание раствора каждой кладки, сравнение их между собой по составу и структуре. Кроме того, предстояло определить, к которой из кладок принадлежат отдельные неопределенные части стен и фундамента. Наконец, необходимо было выяснить, не имеет ли раствор частично открытой постройки у вала аналогов среди растворов какой-либо кладки церкви.

Микроскопическое изучение показало, что вся группа строительных растворов построек XIV—XVII вв. Новогрудского детинца относится к одному типу растворов — известково (глинисто)-карбонатно-песчаному. Состав вяжущей массы колеблется от известково-глинистого до глинисто-известкового (преобладает известковая составляющая), в редких случаях приближаясь к известковому; в качестве наполнителя присутствуют песок и известняк; характерно наличие недожога (кусков недожженной при изготовлении известки исходной породы). Тем не менее раствор каждой кладки имеет некоторые особенности, для выявления которых служат следующие критерии: 1) процентное соотношение между всеми компонентами; 2) степень карбонатизации (вторичной перекристаллизации) вяжущей массы; 3) состав песка-наполнителя, величина песчинок и степень их окатанности; 4) состав карбонатов-наполнителей, размеры обломков и степень их окатанности; 5) наличие или отсутствие недожога; 6) наличие или отсутствие кирпичной крошки или пыли; 7) наличие или отсут-

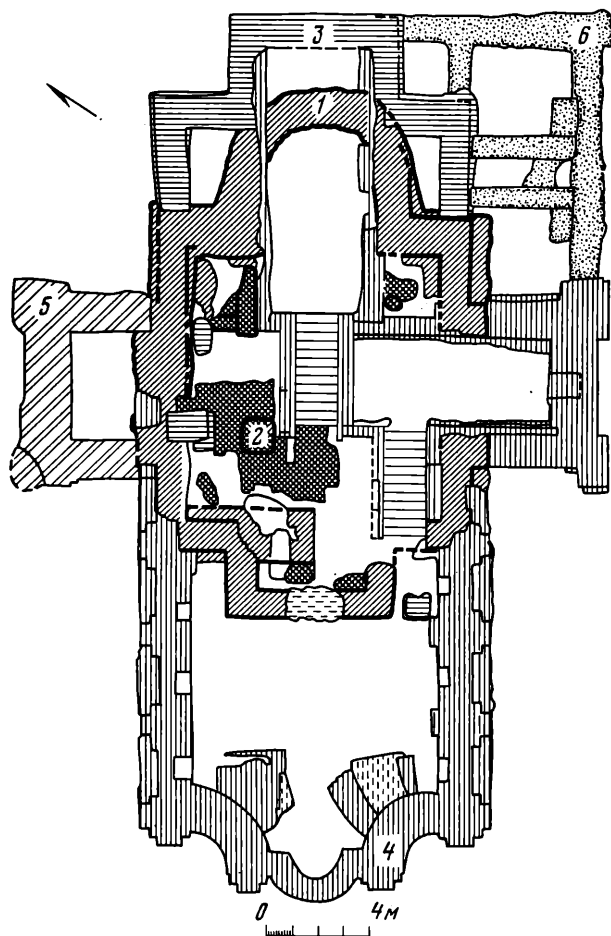

Рис. 1. Схематический план разновременных церковных построек на детинце Новогрудка (по М. В. Малевской)

- 1 — церковь начала XIV в.;
- 2 — внутренняя перестройка церкви, произведенная, видимо, во второй половине XIV в.;
- 3 — увеличение церкви в восточном направлении в конце XV или XVI в.;
- 4 — расширение церкви в западном направлении в середине XVII в.;
- 5 — северная пристройка XVI в.;
- 6 — юго-восточные пристройки конца XVII — начала XVIII в.

ствии каких-либо особенных включений (известковый песчаник, уголь, обломки пород).

Степень пористости, к сожалению, не может быть использована в качестве такого критерия, так как при изготовлении многих шлифов из-за рыхлости строительного раствора произошло выкрашивание наполнителя.

Данные результатов анализа сведены в таблицу. Ниже приводится петрографическое описание растворов.

Церковь XIV—XVIII вв.

Кладка 1, стена (начало XIV в.). Особенностью раствора является резкое преобладание в нем вяжущего над наполнителем и наличие равномерно-зернистого мелкозернистого песка в наполнителе.

Вяжущая масса в шлифе, густо-бурого цвета, имеет известково-глинистый состав и занимает до 60% всей массы раствора. Для нее характерна частичная карбонатизация: пятнами проступает скрытокристаллическая структура (мельчайшие зерна кальцита, имеющие перламутровые тона интерференции); в таких участках часто отмечается структура, типичная для известкового туфа.

Наполнители — песок, известняк, недожог, мелкая (1—2 мм) кирпичная крошка.

Песок составляет до 25% всей массы раствора, представлен главным образом кварцем. Встречаются зерна плагиоклаза, микроклина, реже — биотита, роговой обманки, обломки гранита и кварцита; размер песчинок колеблется от 0,05 до 0,5 мм, в единичных случаях — до 1 мм.

Характеристика состава строительных растворов	Церковь											Постройка у вала, начало XIV в.	
	начало XIV в., кладка № 1		середина—конец XIV в., кладка № 2		конец XV в., кладка № 3		XVII в., кладка № 4		конец XVII в., кладка № 4а	конец XVII—начало XVIII в., кладка № 6		восточная стена, обр. 48, 49, 50, 51, 381; центральный столб, обр. 383 и свод., обр. 387	западная стена, обр. 377; внутренняя перегородка, обр. 383
	Фундамент, обр. 9, 11, 40, 44	стена, обр. 10, 12 [42, 43], 45, А-291	Фундамент, обр. 81, Арх. 1	стена, обр. 13, 31, 33, Д-46	Фундамент, обр. 76	стена, обр. 35, 37, 38	Фундамент, обр. 14 [47]	стена, обр. 75, А-300	склеп, обр. 15, 16, 17 [18]	Фундамент, обр. 86, А-313	стена, обр. 79, А-315		
Содержание вяжущей массы, %	35—40	60	25	30—35	20	25—35	25—40	25—30	30—50	25	20—30	55—60	35—38
Степень ее карбонизации	Высокая	Высокая	Средняя—низкая	Средняя	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая	Высокая	Средняя
Содержание окатанных кусков карбоната, %	5	2—3	—	—	—	До 15	10	10	2	3—5	5	До 10	До 15
» неокатанных кусков карбоната, %	—	—	15	15	—	—	—	—	—	Ед.	Ед.	—	—
» недожога, %	10	10—15	4—5	5—8	3—10	1—2	5—8	1	1	Ед.	Ед.	До 20	2—3
» цемянки, %	5—10	Ед.	—	—	Ед.	Ед.	—	Ед.	2—5	—	—	3	—
» песка, %	До 40 м./з., ср./з.	До 25 м./з.	55 ср./з.	45 ср./з.	70 м./з., ср./з.	45—60 м./з., ср./з.	25—50 м./з., хорошо окатан Ед.	50—60 ср./з., хорошо окатан 2	45 м./з., ср./з.	55—60 м./з., ср./з.	50 м./з., ср./з.	До 20 м./з.	45 м./з., ср./з.
Характер зернистости песка	—	—	—	Ед.	—	Ед.	—	—	—	Ед.	До 15	15	—
Содержание известкового песчаника, %	—	—	—	Ед.	—	Ед.	—	—	—	—	—	—	—
Другие примеси	—	—	—	Единичные окатанные куски гранита (3 мм)	Мельчайшие единичные монокристаллы кальцита	—	Окатанные обломки кварца, кварцита, гранита (3 мм), 6—8%	—	—	Частично окатанные обломки кварца, кварцита (3 мм), единичные кристаллы кальцита	—	—	Куски гранита

Примечание. Количественные определения производились в шлифах визуально: в квадратные скобки заключены номера тех образцов, которые отнесены к соответствующей кладке в результате их петрографического изучения.

Куски недожога (размер до 3—4 мм) наряду с резкими контурами часто имеют причудливые конфигурации, расплывчатые границы. Они составляют до 15% всей массы.

В качестве наполнителя встречаются хорошо окатанные обломки тонко-мелкозернистого известняка размером до 3 мм (2—3%), единичные мелкие обломки кирпича и редкая галька (4—8 мм) кварца и гранита.

Весь материал довольно хорошо перемешан, но встречаются участки (обр. 10) с неравномерным распределением наполнителя. Вся масса пронизана тонкими трещинками, заполненными весьма тонкозернистым кварцитом (результат карбонатизации).

Раствор фундамента резко отличается от раствора стены: песок-наполнитель грубо- и неравномерно-зернистый (до 2,5 мм) и его содержание выше, значительно больше содержания цемьянки (см. таблицу). Однако наполнитель распределен неравномерно: встречаются участки (обр. 9), в которых песок практически отсутствует и строительный раствор представляет собой вяжущую известково-глинистую массу, включающую лишь куски недожога (5%) и мелкой крошки кирпича (1%). Вяжущая масса участками имеет структуру известкового туфа и неравномерно раскристаллизована.

Раствор фундамента визуально отличается серым цветом от раствора стены кладки 1 и остальных кладок, имеющих розоватый оттенок. Однако объяснить различия в цвете с помощью микроскопического изучения растворов не удалось. Единственным возможным объяснением может быть предположение, что при изготовлении большинства строительных растворов Новогрудского детинца в качестве наполнителя использовалась местная розовая глина, а при изготовлении фундамента 1 — не использовалась.

Кладка 2 (середина — конец XIV в.), стена. Вяжущая масса составляет 30—35% всего раствора; густо-бурого цвета, плотная, известково-глинистая, участками переходящая в глинисто-известковую (соответственно окраска меняется на серую).

Наполнитель — песок (до 45% всего раствора), обломки известняка (до 15%), куски недожога (5—8%), единичные окатанные зерна известковистого песчаника.

Песок состоит главным образом из зерен кварца, но также встречаются плагиоклаз, микроклин, роговая обманка, пластинки биотита, кварцит, известковистый песчаник. Преобладает мелкозернистый песок (средний размер песчинок 0,3 мм). На его фоне выделяются более крупные (до 0,8 мм) окатанные обломки кварца, кварцита, роговой обманки, гранита. Среди обломков известняка (скрытокристаллического и мелкозернистого) встречаются остроугольные, сглаженно-угловатые и довольно хорошо окатанные. Куски карбонатно-глинистого недожога, в отличие от раствора кладки 1, имеют более округлые контуры и резкие границы, хорошо видны лишь при введенном анализаторе (они выделяются несколько более светлой окраской); без анализатора они не отличимы по цвету от бурой вяжущей массы. Раствор фундамента кладки 2 аналогичен раствору стены.

Кладка 3 (конец XV—начало XVI в.), стена. Вяжущая глинисто-известковая масса серого цвета составляет до 25% от всего раствора.

Наполнитель — песок (45—55%), карбонаты (до 15%), редкая кирпичная крошка, мелкая (до 5 мм) галька гранита и кварцита (8%), единичные зерна известковистого песчаника и недожога (1—2%).

Песок по составу аналогичен песку кладок 1 и 2, средний размер песчинок 0,7 мм, максимальный — 2,5 мм. Карбонаты представлены хорошо окатанными обломками (до 3 мм) скрытокристаллического известняка, мелкозернистого и среднезернистого (единичные зерна) кальцита. Имеют резкие контуры и хорошо выделяются на фоне вяжущей массы.

Размеры кирпичной крошки колеблются от 1,5 мм до 2 см, кирпичная пыль отсутствует.

Вся масса раствора пронизана тонкими прожилками скрытокристаллического кальцита. Песчинки наполнителя часто окаймлены тонкой пленкой кальцита.

Раствор фундамента отличается от раствора стены составом наполнителя: 70% кварцевого песка, 8—10% недожога, единичные куски цемянки (визуально, в шлиф они не попали). Бросается в глаза мелкозернистость песка — средний размер 0,4 мм. Недожог визуально ярко-белого цвета, в шлифе — бурого, совпадающего по окраске с вяжущей массой, в которой он чаще всего не имеет резких границ; но в редких случаях куски недожога имеют определенные контуры, подчеркнутые линией мельчайших кристаллов кальцита, образующегося в процессе карбонизации. Представляется интересным наличие в шлифе среди наполнителей куски брекчии, состоящей из мельчайших остроугольных обломков кварца, сцементированных материалом, аналогичным вяжущему.

Кладка 4 (XVII в.), стена и фундамент. Вяжущая масса глинисто-известковая составляет 25—40% раствора. Наполнитель — песок (до 60%), хорошо окатанные обломки мелкозернистого и скрытокристаллического кальцита (до 10%), кварцита, гранита (до 8%, максимальный размер 1 см), недожог (5—8% в растворе фундамента и 1% в растворе стены, размер кусков до 3 мм) и обломки известкового песчаника (2% в растворе стены). По составу песок на 80—90% состоит из кварца; остальное — плагиоклаз, биотит и роговая обманка.

Куски скрытокристаллического известняка часто по периферии имеют кристаллическую тонкую кайму. В некоторых кусках недожога наблюдается зональное строение: центральная часть значительно темнее, чем периферийная, и переход от одной окраски к другой довольно резкий.

По всей массе раствора развиваются мельчайшие (0,1—0,2 мм) монокристаллы кальцита неправильных конфигураций. Тонкозернистые агрегаты кальцита образуют иногда узкие каймы вокруг гальки кварцита.

Кладка 4а — стены центрального и поперечного склепов (предположительно вторая половина XVII в.).

Вяжущая масса буро-желтого цвета, известково-глинистая, составляет 30—50% всего раствора.

Наполнитель — песок (45—50%), карбонаты (2%), куски недожога, по цвету и составу аналогичные вяжущей массе (1%), крошка кирпича (2—5%), мельчайшая рудная пыль, единичные зерна известкового песчаника, углистые включения.

Песок на 80—90% состоит из кварца, остальные 10—20% приходится на плагиоклаз, микролин, кварцит, гранит. По размерам песчинок выделяются две группы песка: со средним размером 0,2—0,3 мм (30% всей массы песка) и со средним размером 0,6—1 мм (70%).

Карбонатный наполнитель представлен хорошо окатанными обломками скрытокристаллического и мелкозернистого кальцита, размер которых колеблется от 0,1 до 2 мм, и, таким образом, лишь некоторые из зерен карбоната по величине выделяются из массы песка.

Отмечается цемянка двух типов: оранжевого цвета с мельчайшим (0,01 мм) кварцевым отощителем и красно-коричневого цвета с относительно крупным (до 0,8 мм) кварцевым, кварцитовым и карбонатным отощителем; встречаются и переходные разности. Максимальный размер крошки кирпича 4 мм.

Кладка 6⁶ — стена и фундамент юго-восточных пристроек (конец XVII—начало XVIII в.).

Вяжущая масса глинисто-известковая (местами до чисто известковой), составляет 20—30% объема раствора.

Наполнитель — куски тонкокристаллического карбоната (3—5%); среди них встречаются как хорошо окатанные, так и угловатые, в окатанных часто встречаются следы органических остатков; кварцевый песок с примесью зерен роговой обманки, биотита, гальки гранита, кварцита, известкового песчаника, попадаются остроугольные куски пегматита; недожог — единичные куски.

Постройка у вала

Во время археологических исследований на детинце в 1968—1973 гг. экспедицией Ф. Д. Гуревич была частично открыта стена постройки, врезанной в вал. В 1977 г. архитектурный отряд раскрыл ее полностью⁷.

Строительные растворы этой постройки изучались в два этапа — в 1974 г. и в 1978 г. В первый этап (по обр. 48—51) была установлена петрографическая аналогия строительных растворов постройки с раствором стены кладки 1 (церковь XIV в.): и тот и другой характеризуются количественным преобладанием вяжущей массы над наполнителем. Это дало основание предположить, что время строительства постройки было близким ко времени самого первого этапа строительства церкви (XIV в.), и послужило одной из причин для продолжения раскопок. Выяснилось, что остатки постройки, врезанной в северный склон вала, представляют собой нижний (подвальный) этаж одностолпной княжеской палаты. По сходству строительных материалов (формату брускового и фигурного кирпича, кровельной черепицы) со строительными материалами церкви XIV в. она должна быть отнесена к этому же времени. Из дополнительно отобранных пяти образцов растворов постройки с прежде изученными (и с растворами стены кладки 1) совпало три (381, 383, 387). Два образца (377, 382) резко отличаются от них значительно большим количеством песка и низким содержанием недожога. Причины этого пока неясны.

Сравнение между собой строительных растворов Новогрудского детинца показывает, что все они относятся к группе известково-глинисто-песчано-карбонатных; наполнитель — песок и карбонаты; цемянка содержится в мизерных количествах. Однако между растворами разновозрастных кладок есть тонкие различия, позволяющие с достаточной уверенностью определять принадлежность спорных образцов к той или иной кладке. Так, растворы кладки 1 и постройки у вала резко выделяются из всей группы растворов повышенным содержанием вяжущей массы и недожога, мелкозернистостью песка-наполнителя и высокой степенью карбонатизации. Раствор кладки 2 характеризуется присутствием угловатых кусков карбоната. Для раствора кладки 3 характерно повышенное содержание окатанных кусков карбонатов, для фундамента той же кладки — повышенное содержание песка. Раствор кладки 4 выделяется относительной крупностью и хорошей окатанностью песка-наполнителя, кладки 4а — присутствием цемянки, кладки 6 — наличием гальки известковистого песчаника.

Петрографическое сходство растворов кладки 1 и постройки у вала вызвало предположение об одновременности строительства этих сооружений, что подтверждено раскопками 1977 г. Строительные растворы построек Новогрудского детинца XIV—XVII вв. петрографически резко отличаются от типичных для Древней Руси известково-цемяночных растворов, которыми пользовались строители Борисоглебского храма в Новогрудке в XII в.⁸, присутствием в качестве наполнителя известняка, песка, низким содержанием цемянки. Отличаются они и от растворов Ивангорода — известково-песчаного (XVI в.) и известково-глинистого (XVII в.)⁹. В то же время они чрезвычайно близки по составу строительному раствору замка Гедимины в Вильнюсе (XV в.)¹⁰, средневековым растворам Риги (XIII—XVII вв.)¹¹.

¹ Астреева О. М. Петрография вяжущих материалов. М., 1959.

² Юнг В. Н. Основы технологии вяжущих веществ. М., 1951.

³ Значко-Яворский И. Л. Очерки истории вяжущих веществ от древнейших времен до середины XIX в. М.; Л., 1963.

⁴ Малевская М. В. Монументальные сооружения Новогрудского детинца XIV—XVII вв. — КСИА, 1973, № 135; Малевская М. В., Шолохова Е. В. Раскопки культовых сооружений Новогрудского детинца XIV—XVII вв. — АО 1973 г. М., 1974; Они же. Раскопки

- церковных построек на детинце Новогрудка. — АО 1974 г. М., 1975.
- ⁵ Из-за сравнительно невысокой прочности кусочки растворов, предназначенные для изготовления шлифов, предварительно пропитывали канадским бальзамом.
- ⁶ Раствор кладки 5 не был изучен из-за отсутствия образца.
- ⁷ Малевская М. В. Раскопки гражданской постройки XIV в. в Новогрудке. — АО 1977 г. М., 1978.
- ⁸ Изучены автором статьи по материалам М. К. Каргера.
- ⁹ Петрографическое описание ивангородских растворов приводится в книге В. Н. Юнга (*Юнг В. Н.* Указ. соч., с. 29—32).
- ¹⁰ Раствор замка Гедимина изучен автором статьи по образцу, взятому из стены замка, датированной XV в.
- ¹¹ Описание рижских растворов приводится в книге И. Л. Значко-Яворского (*Значко-Яворский И. Л.* Указ. соч., с. 294—295).

Е. Ю. МЕДНИКОВА

К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ ИЗВЕСТИ В ДРЕВНЕРУССКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАСТВОРАХ

При изучении памятников древнего зодчества важным является не только исследование их архитектурно-художественных форм, но и знание строительно-технических приемов, а также характеристика строительных растворов. Характер раствора — степень обжига извести, процентное содержание и качество наполнителей (песка, толченой плинфы, глинистых частиц) — дает возможность судить о принадлежности памятника к той или иной строительной школе и к определенному строительному периоду.

В опубликованных работах, посвященных древним строительным растворам, внимание в основном уделялось химическому анализу их вяжущей части, определению основного (гидравлического) $\frac{\% \text{CaO}}{\% (\text{SiO}_2 + \text{Fe}_2\text{O}_3 + \text{Al}_2\text{O}_3)}$ и известково-магнезиального $\frac{\% \text{CaO}}{\% \text{MgO}}$ модулей. На основании петрографического и химического анализов древнерусских строительных растворов В. Н. Юнг сделал вывод, что строители подбирали «пропорции наполнителей в зависимости от свойств, особенностей и степени пластичности вяжущего раствора»¹.

Целью данной статьи является выяснение зависимости количества и характера наполнителя в растворах от химического состава извести. Нами были проведены анализы растворов крепости г. Остров по методике, описанной ранее². На основании гранулометрического анализа растворы Островской крепости можно разделить на две группы: 1) растворы с небольшим содержанием песка (10—20%) и глинистых частиц (5—10%) (табл. 1, № 1—3); 2) растворы с более высоким количеством песка (35—50%) и глинистых частиц (15—20%) (табл. 1, № 4—14). Такое деление растворов на две группы соответствует, по мнению А. Н. Кирпичникова³, разным периодам строительства крепости: первая относится к периоду строительства 1425—1450 гг., вторая — к 1500 г. Казалось бы, что и по химическому составу вяжущее растворов первой группы должно отличаться от вяжущего растворов второй группы, но химический анализ этого не подтвердил. Химический состав, а следовательно, и характер вяжущего колеблется от сильно- до слабогидравлической извести внутри каждой из групп (табл. 1), хотя процентное содержание и состав наполнителя остаются постоянными внутри каждой группы. Следует подчеркнуть, что и химический анализ растворов собора на Протоке в Смоленске (конец XII в.), выполненный в 1963—1964 гг. в лаборатории ЦНРМ⁴, также обнаружил значительные колебания в химическом составе вяжущего при приблизительно одинаковом качестве и количестве наполнителя. На этом основании можно предположить, что древне-

Таблица 1

Химический анализ растворов построек крепости в г. Остров

№ п/п	Место отбора проб	Нерастворимый остаток, мас. %	Потери при прокаливании, %	CaO, мас. %	MgO, мас. %	Fe ₂ O ₃ , мас. %	Al ₂ O ₃ , мас. %	SiO ₂ , мас. %		Гидравлический модуль	Характер извести (вяжущего)
								раств.	не раств.		
1	Ворота в южной стене	16,00	34,80	34,55	5,04	0,7	1,48	1,50	5,65	3,7	Сильногидравлический
2	Бойница к востоку Никольской башни	11,58	35,40	37,90	7,05	0,65	0,9	2,50	2,34	5,9	Слабогидравлический
3	Бойница у северо-восточного угла Никольской башни	16,53	35,04	38,34	4,03	0,57	0,83	1,50	1,92	7,2	»
4	Прикладка к Никольской башне с северной стороны	55,86	18,54	17,98	3,02	0,64	0,57	0,90	1,79	4,6	»
5	Внешняя стена захаба	51,24	20,60	20,33	2,02	0,66	0,63	1,22	2,64	3,9	Сильногидравлический
6	Кладка внутренней стены захаба	34,25	26,80	31,29	1,26	0,76	1,02	1,20	2,59	5,6	Слабогидравлический
7	Остатки северной стены между наугольной башней и мостом	25,56	28,32	22,88	11,44	1,00	1,75	2,05	6,20	2,1	Сильногидравлический
8	Верхняя наугольная башня с посадской стороны	33,50	25,88	18,78	11,84	0,88	1,53	2,00	4,50	2,1	»
9	Юго-восточная башня с немецкой стороны	51,26	18,02	14,57	4,04	1,06	2,01	3,27	5,17	1,3	»
10	Южная часть стены, примыкающая к верхней наугольной башне с немецкой стороны	26,55	30,40	28,14	8,92	0,67	1,26	1,22	2,11	5,3	Слабогидравлический
11	Внутреннее помещение с колодцем в южной стене	35,52	24,68	21,03	8,82	0,88	1,56	3,37	3,00	2,4	Сильногидравлический
12	Кладка верхней части колодца	39,67	24,88	23,28	4,64	0,95	1,02	3,00	2,25	3,7	»
13	Кладка южной стены под бойницей	38,50	23,24	22,78	3,53	1,04	2,58	3,10	5,03	1,9	»
14	Стенка бойницы на южной стене	24,64	30,02	34,75	3,26	0,86	1,21	2,65	2,30	4,9	Слабогидравлический

Т а б л и ц а 2

Химический анализ растворов храма в г. Владимир-Волынский

Место отбора проб	Нерастворимый остаток, мас. %	Потери при прокаливании, %	CaO, м.с. %	MgO, мас. %	Fe ₂ O ₃ , мас. %	Al ₂ O ₃ , мас. %	SiO ₂ , м.с. %	Гидравлический модуль	Характер известня (вяжущего)
Фундамент	48,30	23,4	24,17	—	1,16	1,8	1,45	5,5	Слабогидравлический
»	25,77	32,40	34,06	0,7	1,0	1,46	1,9	7,8	»
»	75,4	10,91	11,40	—	0,5	0,76	0,6	5,1	»
»	29,11	30,4	35,0	—	0,84	2,09	0,64	9,8	Воздушный
»	70,63	13,4	14,14	—	0,48	0,88	0,67	6,7	Слабогидравлический
Кладка	43,5	24,0	26,11	—	1,29	1,83	1,45	5,7	»
»	43,8	24,1	28,6	—	0,74	1,38	0,67	10,2	Воздушный

русские строители не придавали большого значения характеру известня, а для ее получения использовали местные известняки, состав которых не остается однородным даже в близлежащих пластах одного и того же месторождения⁵.

Такое явление наблюдается и при изучении строительных растворов храма XII в. «Старая кафедра» близ Владимира Волынского⁶, где древнерусские мастера, как показал химический анализ (табл. 2), использовали слабогидравлическую либо воздушную известь с незначительными добавками толченой плинфы и песка в качестве наполнителей; причем такая известь использовалась даже при кладке фундамента, где было бы предпочтительнее применение сильногидравлической извести. Это еще раз подтверждает наши предположения о том, что древнерусские строители получали известь различного качества не сознательно, а в зависимости от близлежащих месторождений известняка; но четко соблюдали соотношения между количеством вяжущего наполнителя, составом наполнителя, принятые в определенном историческом периоде.

¹ Юнг В. Н. Технология вяжущих веществ. М., 1952, с. 37.

² Медникова Е. Ю., Раппопорт П. А., Селиванова Н. Б. Изучение древнесмоленских строительных растворов. — КСИА, 1978, вып. 155, с. 44; Химический анализ строительных растворов выполнен Э. С. Иодовой в лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР в 1976—1977 гг.

³ Кирпичников А. Н. Исследование Островской крепости в Исковской области. — АО 1975 г. М., 1976, с. 19.

⁴ Медникова Е. Ю., Раппопорт П. А., Селиванова Н. Б. Указ. соч.

⁵ Боинтон Р. С. Химия и технология извести. М., 1972, с. 141.

⁶ Раппопорт П. А. «Старая Кафедра» в окрестностях Владимира-Волынского. — СА, 1974, № 4, с. 253.

В. А. ТЮЛЕНЕВ

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС КАРИЭПОРТТИ ВЫБОРГСКОЙ КРЕПОСТИ

До настоящего времени в Выборге сохранились элементы разновременных оборонительных сооружений, представляющих историю развития фортификационного искусства с XIII по XIX в.

Отдельным этапом формирования оборонительной системы средневекового Выборга следует считать сооружение так называемого Каменного города. В 70-е годы XV в. выросшая на материке к востоку от Замкового острова неукрепленная часть города была обнесена каменными стенами с башнями, рассчитанными на артиллерийский бой¹⁻². В числе пяти башен, защищавших восточный, обращенный к материк фронт стен,

находилась воротная башня, получившая название Каризпортти (Скотопрогонная). В 1547—1550 гг. перед ней для усиления обороны была построена круглая артиллерийская башня рондельного типа³. Обе башни соединяла галерея из двух каменных стен с внутренним проездом. Таким образом, перед линией крепостных стен образовался мощный оборонительный узел, прикрывавший подходы к Каменному городу со стороны Карельского тракта⁴.

Во второй половине XIX в. сильно обветшавшие средневековые укрепления были почти полностью разобраны. До настоящего времени от крепостных сооружений Каменного города дошли лишь башня Ратуши (Совета) и рондель — Круглая башня.

До 1978 г. укрепления материковой части Выборга, в том числе и Каменного города, не исследовались. Археологическое изучение города сводилось к обследованию памятников культовой и гражданской архитектуры⁵. Исключение составляли раскопки на замковом острове, проведенные в 1965, 1967 и 1969 гг. Е. А. Кальюнди, который при выявлении древней застройки острова открыл отдельные элементы оборонительных сооружений⁶.

В 1978 г. Архитектурно-археологическая экспедиция Ленинградского филиала института Спецпроектреставрация провела раскопки на Рыночной площади, на территории, непосредственно примыкающей с запада к Круглой башне. Основной задачей являлось выявление и изучение утраченных элементов оборонительного комплекса Каризпортти. В результате раскопок было обнаружено основание Скотопрогонной башни XV в. и фрагменты стен галереи, соединявшей ее с Круглой башней, построенной в XVI в. Кроме этого, открыт ряд архитектурных деталей комплекса, не известных по письменным источникам и иконографическим материалам.

Прямоугольная в плане Скотопрогонная башня находилась в 17 м к западу от уплощенной стороны Круглой башни. Длина единственного сохранившегося восточного фасада 8,6 м. Основание башни вскрыто на всю сохранившуюся высоту (0,9—1,6 м); в отдельных местах оно опиралось на выходы гранитной скалы или крупные, иногда подтесанные валуны. Традиция использования скального основания в качестве фундамента сохранилась в Выборге и в более позднее время⁷.

Представляется интересным решение, с которым строители крепости подошли к проблеме установки фундамента для значительной по размерам башни на сильно пересеченной местности. Под центральной частью башни открыт мощный (до 0,8 м) слой песка, заполнивший, видимо, какую-то складку рельефа и игравший роль подушки фундамента. О том, что на этом месте существовала впадина, собиравшая в себя воду, свидетельствует и тот факт, что под слоем песка находилась прослойка (20 см) гумуса, окрашенного веленитом.

В центре восточного фасада башни открыта прямоугольная (1,9×2,2 м) яма для размещения механизма подъемного моста, прорезавшая основание фасада на всю высоту (рис. 1). В этом месте фундаментом кладки служили две значительные по размерам гранитные скалы. По покатому боку северной скалы в направлении оси проезда прорублен желоб, по которому проходила, скорее всего, одна из балок противовеса подъемного моста. От центральной части башни яму отделяла каменная перемычка, перевязанная с основной кладкой.

Южная сторона башни сильно повреждена, сохранившаяся часть кладки сдвинута, ширина внутрибашенного проезда установлена лишь на небольшом протяжении.

Западная сторона башни в месте примыкания к ней оборонительных стен и сами стены на всю высоту оказались разрушенными современной сточной системой. Важно отметить, что форма и пропорции открытой Скотопрогонной башни, ее размеры и планировка подтверждают упоминаемое в письменных источниках сходство этой башни с сохранившейся одновременной ей башней Ратуши⁸ (рис. 2). Поэтому западная сторона раскопанной башни и местоположение примыкавших к ней с севера и

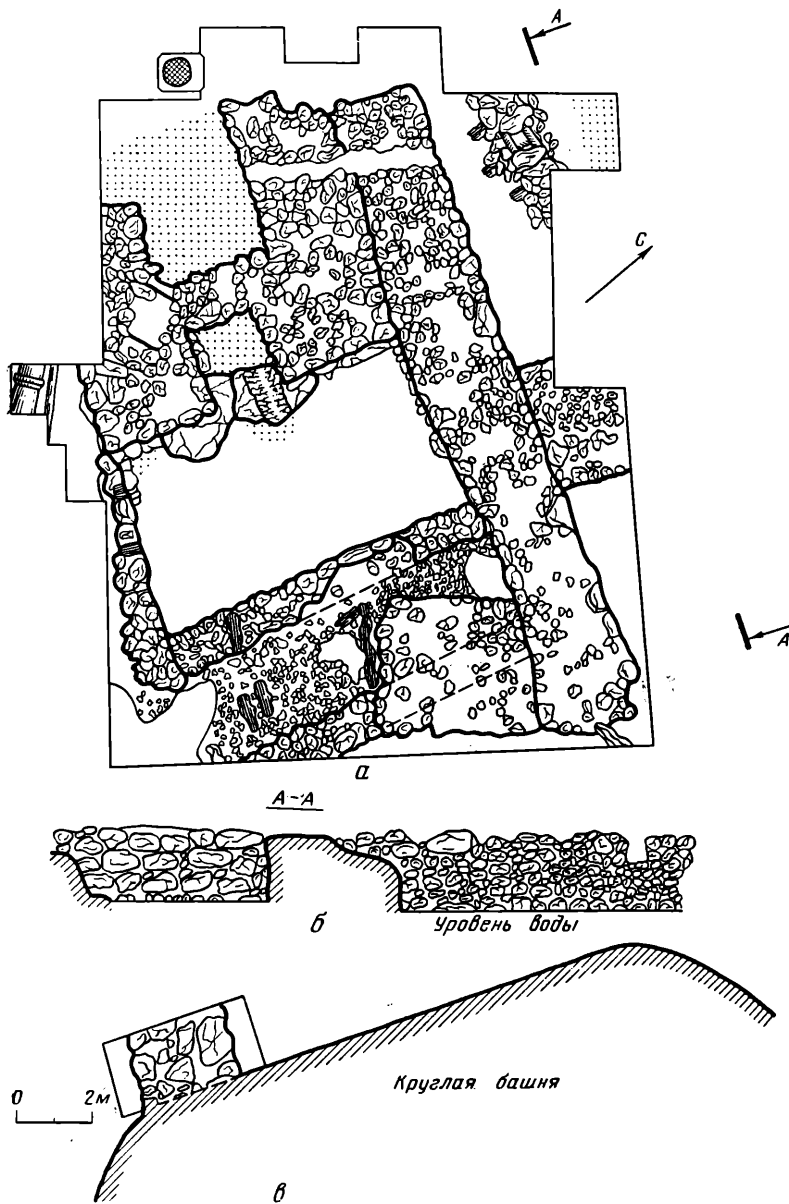

Рис. 1. План сооружений на уровне материка
 а — стены; б — северный фасад северной стены галереи; в — круглая башня

юга оборонительных стен, приблизительная толщина которых 2,5—3 м, реконструируются в достаточной степени достоверно⁹ (рис. 3).

Башня облицована неподогнанными обломками серого гранита с грубой наружной подтеской, внутренняя часть забутована колотым камнем на прочном растворе с примесью крупного песка и глины.

Под проездом в центральной части башни, в яме подъемного моста и на двух участках перед восточным фасадом раскопки доведены до материка. Резкое понижение его уровня перед башней, а также наличие ямы для размещения противовеса подъемного моста дают основание предположить, что на первом этапе формирования оборонительного комплекса, т. е. в 70-х годах XV в.—первой половине XVI в., перед башней существовал оборонительный ров.

Между Скотопрогонной и Круглой башнями обнаружены обе стены соединительной галереи XVI в. разной степени сохранности.

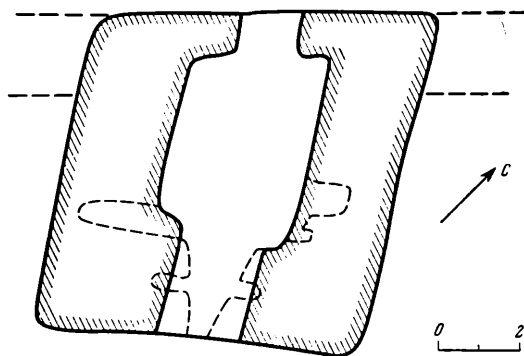
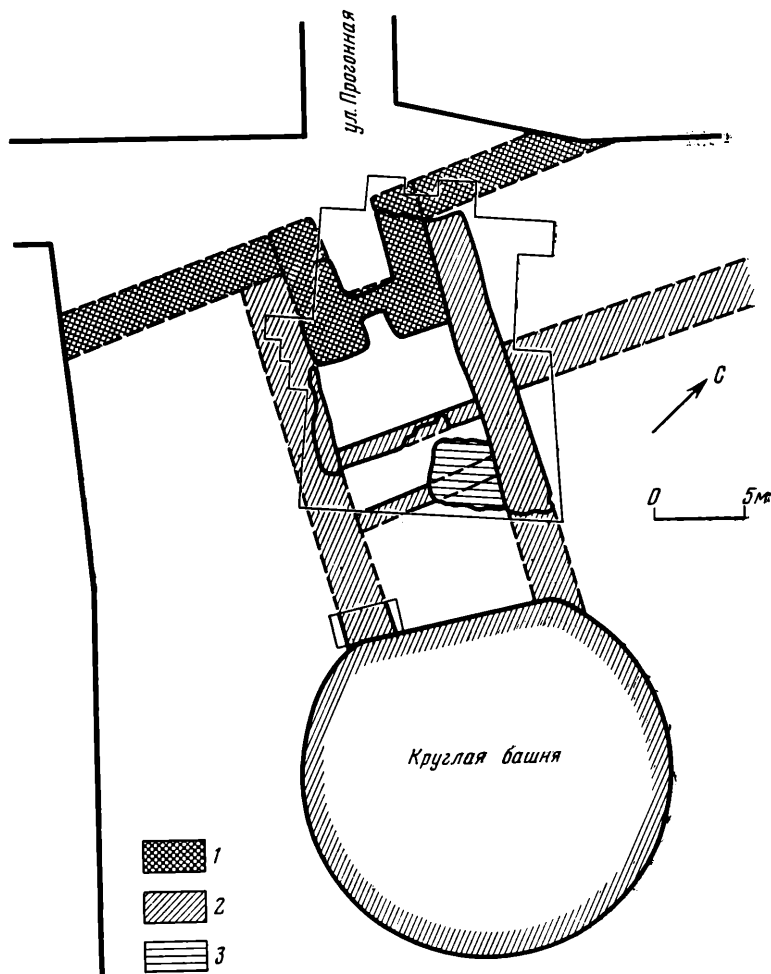

Рис. 2. Башня Рагуши. План на уровне проезда

Рис. 3. Реконструкция планировки оборонительного комплекса

- 1 — XV в.;
- 2 — XVI в.;
- 3 — XVI—XVIII вв.

Фрагмент южной стены прослежен на всю оставшуюся длину до примыкания к Скотопрогонной башне XV в. От кладки стены сохранилась лишь облицовка фасада, обращенного внутрь галереи. Толщина ее выявлена только в отдельном шурфе непосредственно у Круглой башни. Кладка стены перевязана с кладкой рондели, что свидетельствует о несомненной одновременности их сооружения.

Западное окончание северной галереи, открытой на всей протяженности, вплотную примыкает к северному фасаду Скотопрогонной башни. Толщина стены колеблется от 2,1 до 2,6 м.

Техника кладки обеих стен из обколотых с лицевой части обломков

гранита близка технике кладки башни, но в отдельных местах внутренняя часть стен галереи забутована камнем несколько меньшего размера.

К северному фасаду северной стены галереи под прямым углом при-мыкает каменная стена толщиной 2,6 м, открытая раскопками на небольшом отрезке. Ее дальнейшая протяженность хорошо прослеживается по перепаду уровня современной мостовой. Внутренняя часть стены на вскрытом отрезке забутована небольшими обломками гранита. Таким образом, получает объяснение двойной ряд стен, который показан в этом месте на планах крепости XVII—XVIII вв.¹⁰ Открытая раскопками стена являлась, видимо, стеной куртины, находившейся между комплексом Кариэпортти и бастионом, существовавшим перед башней Лакамунос, стоявшей к северу от Скотопрогонной башни.

Все обнаруженные раскопками сооружения составляли ту основу комплекса, которая выполняла непосредственную военно-оборонительную функцию. К их конструкции относится ряд деталей, позволяющих судить о хронологической взаимосвязи отдельных построек и о способах инженерного решения технических задач, возникших в ходе строительства укреплений.

Между стенами галереи открыт тоннельный водосток, пересекавший ее поперек. Он образован двумя вертикальными стенами толщиной 1,1—1,2 м, сложенными из плотно пригнанных обломков гранита со следами наружной обмазки швов. Пространство между стенами (2,6 м) в верхней части перекрыто полуциркульным сводом из уплощенных гранитных камней. Сверху свод закрывала вымостка из мелких обломков гранита на рыхлом растворе. Внутреннее пространство сооружения было почти полностью заполнено наносным песком. Поднявшийся уровень грунтовых вод, к сожалению, не позволил исследовать нижнюю часть водостока; но в процессе раскопок было отмечено, что тоннель продолжал функционировать, несмотря на песчаное заполнение. Через него проходило значительное количество воды, собиравшейся перед основанием южной стены галереи¹¹.

К конструкции водостока относится сводчатый коридор, частично расчищенный от заполнения в северной стене галереи. Выход коридора в северном фасаде стены не найден. Его свод находился на 1 м ниже уровня, зафиксированного внутри галереи, на что указывают отдельные выступающие из кладки камни. Верхние горизонталы стен водостока на 0,5—0,6 м возвышались над вымосткой, перекрывавшей свод, и в отдельных местах были искусственно выровнены уплощенными камнями.

На стене и над водостоком открыты фрагменты деревянных перекрытий. Интересно отметить, что на том же уровне в южной стене галереи обнаружены остатки балок, встроенных туда, несомненно, после завершения ее кладки. Торцы бревен помещались в проломах кладки и были закреплены обломками кирпича.

Сочетание северной стены галереи с примыкающей к ней оборонительной стеной и водостоком наглядно демонстрирует их конструктивную взаимосвязь. Оборонительная стена разграничивает два вида облицовочной кладки северной стены галереи (со стороны «наполя» — из крупных блоков, за стеной — из небольших камней). Таким образом, несмотря на отсутствие перевязки в кладке обеих стен, становится очевидным, что при закладке рондели (Круглой башни) в 1547 г. было запрограммировано одновременное сооружение как стен галереи, так и куртины с оборонительным рвом вдоль нее. Об этом свидетельствует и наличие пересекающего галерею водостока, из которого вода поступала непосредственно в ров.

Восточный фасад Скотопрогонной башни, стены галереи и западная стена водостока образовали прямоугольное (8,6×4,7 м) замкнутое пространство. Оно было заложено бревнами, располагавшимися в два-три яруса, и заполнено землей.

Учитывая, что направление верхнего яруса бревен совпадало с направлением осей балок, открытых над водостоком, а разница в их уровне не превышала 30 см, можно допустить, что все они составляли единую опорную основу внутригалерейного проезда.

Из заполнения замкнутого пространства происходит целый ряд находок, отдельные из которых датирующие. Таковы шип — «чеснок» XVII в. (по определению А. Н. Кирпичникова) и шведские монеты первой половины XVII в. Таким образом, засыпку этой части проезда и сооружение деревянных перекрытий, к которым, видимо, относятся и балки в южной стене галереи, следует отнести к середине—второй половине XVII в. В связи с этим необходимо отметить, что начиная с середины XVI в. укрепления Выборга, в том числе и Каменного города, часто ремонтировались и достраивались¹². Возможно, что перестройка внутригалерейного проезда непосредственно связана со строительными работами, проводимыми в Выборгской крепости перед Северной войной во второй половине XVII в.¹³

Важной деталью, показывающей уровень проезда внутри галереи, явились фрагменты булыжной мостовой, открытые раскопками над стенами и сводом водостока. Между плотно пригнанными камнями найдено несколько подков и ружейные кремни. Уровень мостовой в основном совпадал с отметкой, до которой были разобраны каменные сооружения; поэтому мало вероятно, чтобы на начальном этапе существования комплекса проезд внутри галереи и вход в Круглую башню были значительно ниже уровня таковых в XVIII—XIX вв.

Изменение формы орудийных башен, начавшееся в середине XV в. под влиянием усиливающейся эффективности артиллерийского огня и выразившееся в появлении выступающих круглых артиллерийских башен, не коснулось открытой раскопками Скотпрогонной башни. Следует, правда, отметить, что наряду с квадратными башнями, такими, как Скотпрогонная и Ратушная, на восточном фронте стен Каменного города были сооружены и круглые башни — Лакамунос и Андреаса, причем последняя мало уступала по размерам построенной в XVI в. весьма мощной Круглой башне. На строительстве квадратной башни, возможно, отразился консерватизм строителей, но не следует забывать и о крайней поспешности, с которой возводились укрепления Каменного города, а также масштабы строительства (протяженность стен Каменного города достигала 2 км). В самой Швеции к моменту строительства оборонительных сооружений в Выборге из наиболее значительных крепостных построек следует отметить только Стокгольмский замок и замки Кальмар и Висби. Кроме этого, значительное количество сил и средств, безусловно, потребовалось на строительство крепости Олавенлинне, предусмотренное оборонно-строительной программой Эрика Аксельсона и начавшееся почти одновременно со строительством оборонительных сооружений в Выборге (1475 г.)¹⁴.

Известно, что при осуществлении строительных планов Аксельсона учитывалась эффективность русской артиллерии¹⁵. Несмотря на некоторую архаичность формы, выступающая почти всей массой за наружные обводы стен Скотпрогонная башня явно была приспособлена для ведения фронтального и фланкирующего огня.

О высоте и наружном виде башни в какой-то степени можно судить по аксонометрическому «рисунку Стренга» (1642 г.)¹⁶. При высоте стен, достигавших, как отмечено, 7 м, башня могла на один-два яруса возвышаться над ними¹⁷. Некоторые черты сходства в планировке она имела с прямоугольными башнями Таллинской крепости, этапы строительства которой весьма убедительно выделил Р. Цобель¹⁸. Исследователь финских крепостей А. Синисало не исключает, что в строительстве выборгского Каменного города принимали участие и таллинские мастера¹⁹. К сожалению, из-за малой исследованности выборгских укреплений этот вопрос пока остается открытым.

В итоге проведенных раскопок исследованы практически все сохра-

нившиеся элементы важного оборонительного узла средневекового Каменного города. Результатом работы, имеющим прикладное значение, явилась реконструкция его планировки в целом. План несохранившихся элементов комплекса предложено показать на современной мостовой, применив принцип, впервые использованный при воспроизведении планировки Бастилии²⁰. Контуры открытых раскопками сооружений предполагается выявить на мостовой камнем другого цвета. Сочетание сохранившейся Круглой башни с такой своеобразной музеефикацией скрытых под землей сооружений позволит в известной степени представить облик комплекса и в конечном итоге включить его показ в маршрут городских экскурсий.

- ¹⁻² *Sinisalo A. Piirteintä keskiaikeisen. Olavinlinnan rakennushistoriallisesta asemasta. Taidehistoriallisia Tutkimuksia.* — In: *Konsthistoriska Studer* 4. Helsinki, 1978, s. 246.
- ³ *Viljanti A. Gustav Vasas Russka krig 1554—1557.* Stockholm, 1957, s. 344.
- ⁴ В таком виде оборонительный комплекс просуществовал недолго. Северная стена «Рогатой крепости», заложеной в 1563 г., с востока была пристроена к Круглой башне. В результате этого значение башни и всего комплекса в целом значительно снизилось.
- ⁵ *Аспелин И. Р.* Раскопки в Выборге. — Исторический вестник, 1886, т. 26, № 10; *Стеценко Н. К.* Купеческая гильдия: Отчет об археологических исследованиях. — Арх. ИОП, д. 39—23.
- ⁶ *Кальюнди Е. А.* Отчет об археологических раскопках на территории Выборгского замка, проводившихся в 1965 и 1967 гг. — Арх. ИОП, д. 17/18, т. 1, 2; Отчет о полевых работах 1969 г. на территории Выборгского замка. — Там же, д. 17—33; *Kaljundi E. A.* Viiburi lossi ajo-loost. — *Ehitus ja arhitektuur.* Tallin, 1970, N 3, s. 53—58.
- ⁷ Дом на скале (ул. Прогонная, д. 5). *Kenn E. E.* Архитектурные памятники Выборга. Л., 1977, с. 113.
- ⁸ *Viljanti A.* Op. cit., s. 338—339.
- ⁹ *Sinisalo A.* Viipurin keskiaikainen kaupunginmuuri. — *Monrepos*, 1971, 1.
- ¹⁰ *Ruuth J. W.* Wiborgs stads historia. Helsingfors, 1906; *Idem.* Wiipurin kaupungin historia. Wiipuri, 1931, I.
- ¹¹ В связи с наличием водостока, находившегося ниже уровня внутригалерейного проезда, возникает вопрос об уровне дневной поверхности за южной стеной галереи. С сожалением следует отметить, что решение его едва ли возможно в ближайшие годы. Можно только предположить, что там или существовал водозаборный колодец или одновременно с возведением Круглой башни и галереи их южный фланг дополнительно защитили рвом.
- ¹² *Tawaststjerna W.* Pohjo ismaiden viisikolmattavuotinen sota. Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. Helsinki, 1918—1920, s. 652—655; *Viljanti A.* Op. cit., s. 342—350.
- ¹³ *Meurmann O.* Tekniska klubbens i Wiborg. Wiborg, 1920, s. 46.
- ¹⁴ *Pohjolan-Pirhonen H.* Olavinlinnan historialliset vaiheet. Savonlinna, 1973, s. 40—41; *Sanisalo A.* Piirteintä..., s. 245.
- ¹⁵ *Sanisalo A.* Pirteintä..., s. 245—246.
- ¹⁶ *Kenn E. E.* Указ. соч., с. 10.
- ¹⁷ *Sanisalo A.* Viipurin..., s. 8.
- ¹⁸ *Zobel R.* Tallinna linnamuür. Tallinn, 1966, s. 66, 67.
- ¹⁹ *Sanisalo A.* Viipurin..., s. 6.
- ²⁰ Предложено сотрудниками Ленинградского филиала института Спецпроектреставрация И. А. Хаустовой и М. И. Мильчиком.

О. В. ОВСЯННИКОВ

УКРЕПЛЕННЫЕ УСАДЬБЫ XIV—XV вв. КАК ПАМЯТНИКИ ОБОРОННОГО ЗОДЧЕСТВА РУССКОГО СЕВЕРА

События 1342—1398 гг., связанные с постройкой Орлецкой каменной крепости в низовьях Северной Двины и неудавшейся попыткой Двинской земли отложиться от Новгорода, активизировали внутриполитические и экономические процессы на этой территории, резко усилили военное противоборство Москвы и Новгорода¹. Экономический подъем в северных землях выразился в значительном увеличении числа сельских поселений, в росте численности русского населения. Письменные источники позволяют говорить о том, что в новгородский период на тер-

ритории северных земель основными типами поселений были неукрепленные сельские поселения — деревня, село (сельцо), слобода (слободка). Небольшие административно-территориальные единицы — погост, волость (волостка).

Наряду с сельскими открытыми поселениями на этих территориях известны и укрепленные поселения. В дореволюционной литературе многие городища в бассейне рек Северной Двины и Ваги считались «чуждскими» и датировались периодом начального освоения русским населением северных территорий. В настоящее время датировка этих городищ XIV—XV вв. и принадлежность их русскому населению не вызывают сомнений. В социально-экономическом аспекте городища рассматривались преимущественно как военно-административные центры, служившие убежищем для окрестного населения во время опасностей². В последнее время высказана точка зрения, что Орлецкий городок на Двине, Пенешский и Васильевский на Ваге, Ивасский и Спасский городки в верхнем течении р. Кокшеньги — центры феодальных вотчин³. Относительно Пенешского городища это было известно: городок на Пенешке, построенный в середине XV в. новгородским боярином Василием Степановичем, — укрепленное поселение «замкового характера», такой же, как, например, Федосьин городок — центр Кемско-Сугорского удела⁴. Действительно, скопление укрепленных поселений в Подвинье и особенно в бассейне Ваги, где был сосредоточен основной массив земель, принадлежащих новгородским боярам, очень плотное. Трудно представить, что на Двине и Ваге была в то время какая-то реальная власть, которая располагала таким количеством укрепленных административных центров. Разделяя точку зрения о социальной интерпретации ряда северных городищ, предложенную Ю. С. Васильевым, можно значительно расширить список памятников, включив в него подавляющее большинство городищ XIV—XV вв. в бассейне Двины и Ваги. Археологические работы на ряде памятников, несмотря на бедность культурного слоя, выявили данные, позволяющие более определенно судить о социальном облике укрепленных боярских усадеб. Сельский характер этих поселений подтверждается находками серпа, зерна. В то же время обнаружение остатков железоделательного производства позволяет говорить о различного рода производствах на этих поселениях в той мере, в какой было необходимо для вотчинного феодального хозяйства⁵.

Не менее интересны укрепленные боярские усадьбы как памятники оборонного зодчества. Важно наблюдение П. А. Раппопорта, что в XIV—XV вв. все укрепления Залесской земли независимо от социального облика (города, укрепленные усадьбы, военные крепости) относятся к одному плановому типу — мысовому⁶. К однорядному (простому) мысовому типу относятся Пенешское и Федюнинское городища, обследованные в 1974—1977 гг.

Пенешское (Смотроковское) городище (рис. 1, 1) находится в 17 км к юго-востоку от г. Шенкурска, у д. Смотроковка, на высоком мысу, образованном изгибом р. Большая Пенешка (Пинежка), в 600 м от впадения ее в Вагу. Обследование 1959 г. показало, что культурный слой на памятнике уничтожен распашкой. Интерес к памятнику закономерен — Пенешское городище укрепленная усадьба видного новгородского боярина Василия Степановича, владельца обширных земель по Ваге и ее притокам⁷. Городская усадьба, принадлежавшая ему в Новгороде Великом, находилась в Славенском конце города, на Нутной улице⁸. В 1446 и 1456 гг. новгородский боярин Василий Степанович был посадником⁹, в конце жизни он отошел от бурной политической жизни Новгорода и удалился в свои важские владения. В «Житии преподобного Варлаама Важского» постройка городка отнесена к середине XV в.: «созда градец мал... на высокие горы... Пенежский градок именуемый»¹⁰.

Городище — укрепление мысового типа. С западной стороны оно защищено рвом шириной 10—15 м, глубиной до 3 м. К настоящему

времени сохранился вал протяжением около 65 м и высотой до 4 м. Перепад высот верхней площадки вала и дна рва около 6,5—7 м. Для изучения деревянных конструкций внутри вала в его средней части была заложена разведочная траншея по оси З—В шириной 2 м и протяженностью 12 м. Монолитное тело вала (рис. 1, II), обнаружилось после снятия дернового и подзолистого слоя (мощность слоя 0,22—0,45 м в верхней части вала, со стороны городища — 0,8 м). Таким образом, удалось представить первоначальные размеры вала: высота по отношению к уровню площадки городища 2,42 м и ширина в основании около 11 м. Вал насыпан из плотной глинистой почвы, поэтому его оползание не прослеживалось. На гребне глинистого вала, непосредственно под подзолистым слоем, обнаружены остатки деревянных конструкций очень плохой сохранности (вероятно, следы деревянной крепостной стены, поставленной на вершину вала). Основная трудность раскопок и их фиксации состояла в том, что плотно слежавшийся суглинок представлял собой очень плотную массу. Но благодаря такой плотности, не пропускающей влагу и воздух внутрь вала, удалось проследить остатки деревянных внутривальных конструкций. Сохранилось не столько само дерево, сколько точный отпечаток положенных в суглинок бревен. Отпечатки этих бревен явились своеобразным «негативом». Отчетливо видны были не только продольные следы древесины, но и поперечные. Отпечатались и торцы бревен. Такая своеобразная сохранность следов деревянных конструкций внутри вала необычна: особенно в местах «сочленения» пустот, там где бревна были врублены в замок. Удалось не только выяснить элементы планировочной структуры деревянных конструкций, способ рубки бревен, но и определить последовательность и общую конструкцию сооружения вала (рис. 1, II).

Первоначально под основание вала, в западной его части, были положены два продольных бревна диаметром около 0,25 м и засыпаны суглинком. Затем к ним с восточной стороны стали подсыпать суглинок, одновременно укрепляя брустверную стенку засыпки бревнами (диаметр бревен 0,3 м), кладя их так же вдоль вала. Это сооружение потом еще несколько раз присыпано с восточной (приступной) стороны. На следующем этапе сооружения вала установили клетку из бревен, рубленных в обло, с остатком: продольных три венца и два венца поперечных (рис. 1, II). Это основная деревянная конструкция внутри вала (рис. 1, III, а).

В северной части траншеи выявлены два узла стыковки бревен, уложенных вдоль и поперек вала. Продольные бревна непрерывной лентой лежали в два яруса (по три бревна), предохраняя насыпь от оползания с напольной стороны (рис. 1, III, б—ж). Поперечные бревна длиной около 2,5 м были врублены с продольными бревнами каждого яруса в обло. Таким образом, внутривальная деревянная конструкция как бы облицовывала ядро вала с напольной стороны, а центральная часть вала была укреплена своеобразными бревенчатыми клетками.

В 1977 г. проведены разведочные раскопки на Федюнинском городище у д. Подгородье (Вологодская обл., Кичгородецкий район) на р. Ентале¹¹. Городище занимает оконечность мыса коренного берега (рис. 2, I), с трех сторон — западной, южной и юго-восточной — окружено рвом. В юго-западной части городища сохранился участок вала.

Для изучения внутривальных конструкций была заложена траншея, пересекающая ось вала. От уровня древней дневной поверхности до вершины вал имел высоту 2—2,5 м (рис. 2, II, Г). Почти сразу же, под дерном на вершине вала, обнаружены остатки деревянной крепостной стены. На высоте около 2 м от подошвы вала в восточной части траншеи открыт верхний горизонт бревен от конструкции верхней части вала — это первый ярус облицовки восточной стены насыпи (рис. 2, II, 2).

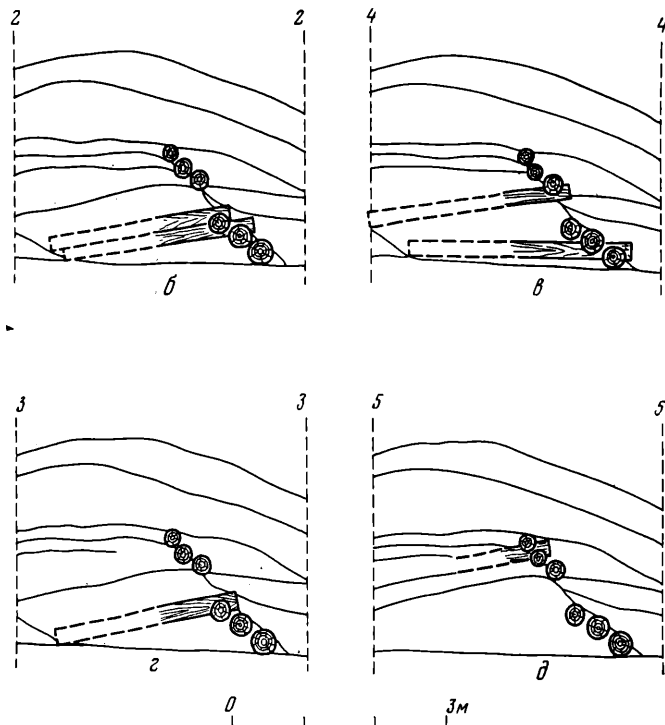
Нижний ярус конструкций (рис. 2, II, 1—3) лежал непосредственно на уровне подошвы вала, на тонком гумусном слое (2—3 см), и пред-

ставлял собой довольно сложное сооружение. Можно с уверенностью говорить, что восточный склон вала — это вертикальная стенка из бревен, сохранившаяся в раскопе на высоту 1,3 м. Учитывая развал мощных бревен у основания этой стены, можно говорить, что первоначальная высота стены была не менее 2,5 м. Деревянная стена с успехом выдерживала тяжесть песчаного вала, так как в нее врублены мощные поперечные бревна. Для того чтобы они не прогибались под тяжестью песка, между ними были проложены еще и продольные бревна (рис. 2, II, 1). Наклонность поперечных бревен в верхнем ярусе конструкций вала объясняется отсутствием там подобных прокладок, в результате чего бревна прогнулись под тяжестью песчаной насыпи вала. Таким образом, можно дать гипотетическую реконструкцию оборонительных сооружений вала: 1) нижний ярус бревен «облицовывал» основание вала приблизительно на высоту 2,5 м; 2) верхний ярус, возможно, представлял собой такую же стенку на высоту около 1 м, т. е. сторона вала, обращенная внутрь крепости, была полностью облицована деревом. С напольной стороны в разведочную траншею попали лишь бревна, идущие вдоль вала, а поперечные бревна в раскоп не попали. Можно предполагать, что вал здесь тоже имел облицовку из бревен, но бревна могли быть присыпаны, а скат вала покрыт дерном. Жесткие конструкции типа сруба можно предполагать лишь в верхних частях насыпи, где прогон бревен составлял максимум 6 м. Конструкции нижнего яруса вала представляли собой не срубы, а клетки из бревен, поперечные концы которых были лишь впущены в толщу насыпи. Сложность и «многоорельефность» внутривальной конструкции можно объяснить лишь характером грунта, с которым пришлось иметь дело строителям, — это песок.

Отдельные небольшие фрагменты обнаруженных горшков дают основание датировать памятник XIV—XV вв. Любопытные сведения о Фе-

Рис. 1. Пенешский городок

I — план городища; II — разрез вала по линии 1—1: (1 — материк; 2 — предматериковый слой; 3 — дерево; 4 — слой насыпки; 5 — суглинок); III — траншея и вал; а — план траншеи; б — разрез по линии 2—2; в — разрез по линии 3—3; г — разрез по линии 4—4; ж — профиль западной стенки траншеи (1 — дерн; 2 — глина; 3 — глина с гумусом; 4 — предматериковый слой; 5 — материк).

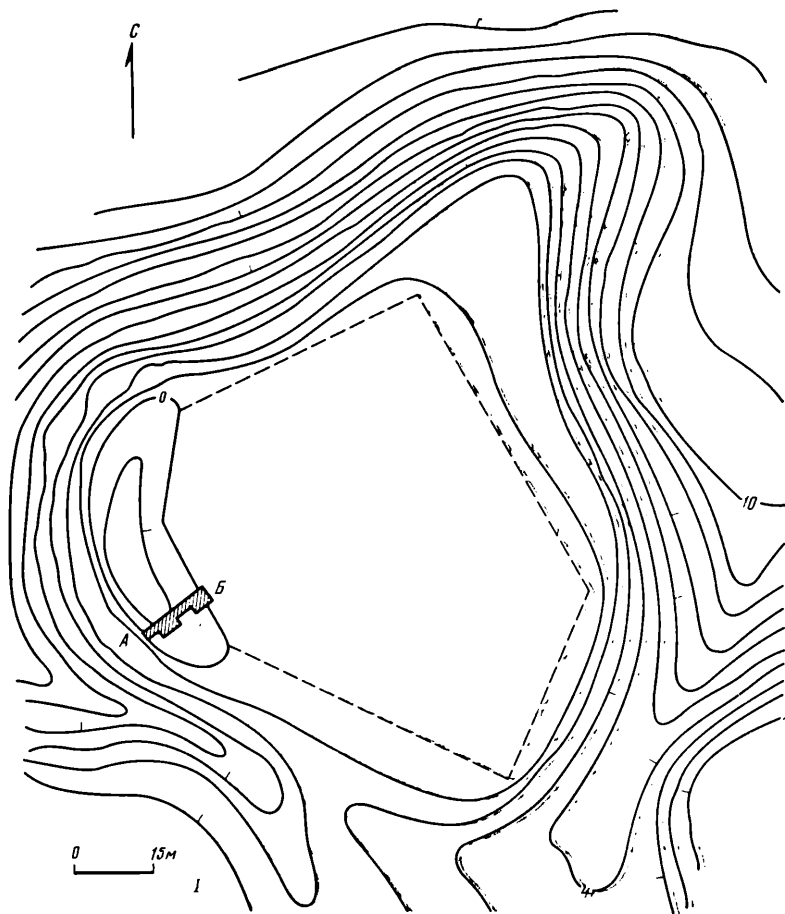
дьюнинском городище содержат Писцовые книги Устюжского уезда 1623—1626 гг.: «В Утмановской волости городок Сосновец стоит на старой осыпи, а сделан острогом на речке на Ентале, на нем церковь архистратига Михаила да перед вороты на выставке другая церковь Чудотворца архистратига Михаила, деревянная клетка»¹². Памятник, а теперь можно определенно говорить, что это городище Сосновец, функционировал дважды: в XIV—XV вв. и в начале XVII в.

Таким образом, Пенешское и Федюнинское городища — памятники одного из важных, но малоизученных этапов русского деревянного оборонного зодчества — XIV—XV вв.

К настоящему времени мы не располагаем исчерпывающими сведениями о данной категории памятников. Однако некоторые наблюдения сделать можно. Вряд ли городища мысового типа имели оборонительные сооружения только с одной, напольной стороны, а с других сторон защищались лишь естественными преградами — крутыми склонами мыса, озерами, реками. Городища должны были иметь круговую оборону. Интересные наблюдения в связи с этим были сделаны во время раскопок Емецкого городка. В раскопе вдоль одной из сторон площадки городища удалось зафиксировать фрагмент бревенчатых сооружений типа клеток, внутри которых находились печи-каменки¹³, т. е. речь идет о том, что, кроме усиленной валом и рвом напольной стороны, вдоль других склонов мыса Емецкого городка первоначально имелись оборонительные со-

Рис. 2. Федюнинское городище (городок Сосновец)

I — план городища; II — планы и разрез вала: 1 — разрез вала по линии А—Б, 2 — план верхнего горизонта внутривальных конструкций, 3 — план нижнего горизонта внутривальных конструкций (а — серый гумус; б — гумус с песком; в — гумус с угольными; г — предматериковый слой; д — гумус с камнем; е — уголь; ж — песок; з — глина; и — дерн; к — зола; л — дерево; м — материк)

оружения, которые могли представлять собой поставленные вплотную или через интервалы дома-срубы, жилые или хозяйственные постройки.

О наличии круговой обороны свидетельствуют и элементы планировки памятников. Дело в том, что наряду с городищами так сказать «просто» мысового типа, когда укрепленное поселение занимало часть вытянутого мыса (Пенешское, Емецкое городища), есть памятники несколько другого облика. Место для сооружения подобных укреплений выбиралось на высоком коренном берегу, на участке, ограниченном с двух сторон оврагами, ручьями; с третьей, napольной стороны укреплялось рвом. Укрепления имели, по существу, три приступные стороны, что, несомненно, предполагало наличие круговой обороны. Вряд ли можно согласиться с тем, что форма укрепленных площадок в сооружениях XIV—XV вв. «точно соответствует конфигурации холмов, на которых эти укрепления воздвигнуты»¹⁴. В литературе о городищах на северных территориях зачастую дается описание их как овальных или круглых. Эти характеристики можно отнести за счет теперешнего их состояния — распаханности валов, разрушения кромки городищных площадок. Там, где сохранились непо потревоженные участки валов, можно с уверенностью говорить о наличии в дерево-земляных укреплениях боярских усадеб элементов регулярной планировки. Особенно отчетливо это прослеживается на городищах «скрытого» мысового типа, когда говорим о четырехугольных, трапециевидных или полиугольных вариантах планировки. Известно о прямолинейности, «регулярности» каменных стен Орлецкого кремля в низовьях Северной Двины, о его трапециевидной планировке¹⁵. Кажется, что прогрессивные тенденции русского оборонительного зодчества отразились лишь на облике этого памятника каменной северной фортификации XIV в. Однако небольшие северные укрепленные поселения — боярские усадьбы XIV—XV вв., имевшие дерево-земляные оборонительные конструкции, в большинстве случаев не отличались особым архаизмом в планировке. Новгородские феодалы,

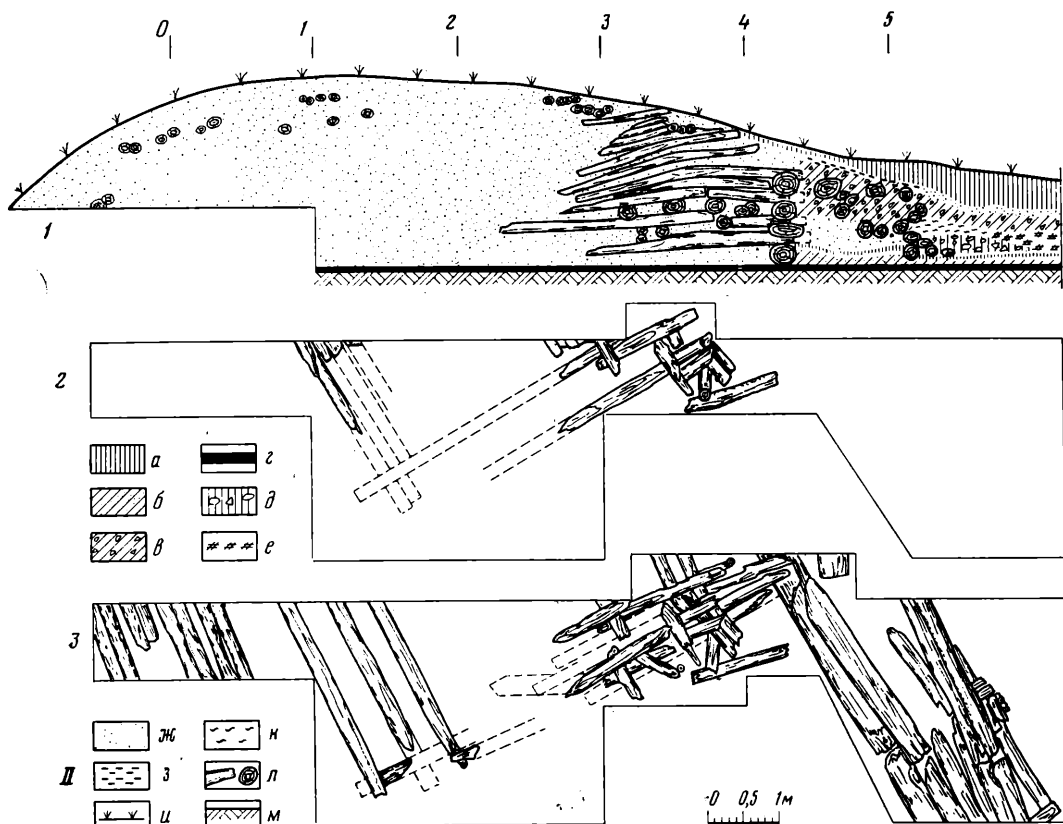

Рис. 2. (Окончание)

учитывая характер и значимость подобных центров, при их возведении использовали приемы, обычные для практики оборонного строительства XIV—XV вв. В настоящее время только начинают поступать материалы, позволяющие точно датировать возникновение укрепленных усадеб на севере, но уже есть основание считать, что часть из них построена в начале XIV в. Нельзя исключить, что использование элементов «регулярной» планировки при возведении дерево-земляных оборонительных конструкций вокруг северных боярских вотчин началось не во второй половине XV в.¹⁶, а, как свидетельствуют материалы последних лет, несколько раньше — в XIV в.

В свое время П. А. Раппопорт предложил непременно выяснять региональные — «областные» — отличия, используя в качестве своеобразного индикатора характер внутривальных деревянных конструкций¹⁷.

Для рассматриваемого круга памятников внутривальные конструкции обнаружены и исследованы лишь в трех пунктах: Емецком городке, Пенешском городке и Сосновце на Ентале. Все три памятника дали различные варианты внутривальных конструкций, поэтому делать выводы о региональных «традициях» пока нет оснований.

После ликвидации независимости Великого Новгорода боярские укрепленные усадьбы были заброшены. Развитие городской жизни на этой территории продолжают не укрепленные феодальные усадьбы, а те поселения, жители которых были связаны прежде всего с солеварением или железодельными промыслами. Но дело в том, что «городские» черты центров феодальных вотчин проявились прежде всего в планировочных и конструктивных элементах оборонительных сооружений. Укрепленные боярские усадьбы являлись, по существу, сельскими поселениями; в истории русского военно-оборонительного зодчества северных земель они представляют XIV—XV вв. — эпоху и очень сложную, и пока еще недостаточно изученную.

¹ Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955; Шурьгина А. П. Новгородская боярская колонизация в XIV—XV вв. — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1948, вып. 78, с. 9; Миронова В. Г. Проблема хронологии некоторых Двинских актов. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археологический сборник. Вологда, 1970, вып. 1, с. 246; Васильев Ю. С. К вопросу о двинских боярах XIV—XVI вв. — В кн.: Материалы XV сессии симпозиума по проблеме аграрной истории СССР. Вологда, 1976, вып. 1, с. 5 и сл.; Овсянников О. В. Орлецкий городок. — КСИА, 1964, вып. 96, с. 116—119; Он же. Емецкий городок. — КСИА, 1965, вып. 104, с. 135—138; Он же. Из истории средневековых укреплений на Архангельском Севере. — В кн.: Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967, с. 164—173; Он же. Люди и города средневекового Севера. Архангельск, 1971, с. 9—20.

² Эта точка зрения высказана уже в указанных работах О. В. Овсянникова. В качестве крепостей-убежищ рассматривает северные городища и А. В. Никитин. См.: Никитин А. В. Работы в Вологодской области. — АО 1968 г. М., 1969, с. 23.

³ Васильев Ю. С. Указ. соч., с. 5.

⁴ Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935, с. 62.

⁵ Овсянников О. В. Новые данные о Емецком городке. — КСИА, 1977, вып. 150, с. 97—103; Назаренко В. А., Овсянников О. В. Археологические работы в Архангельской области в 1979 г. — АО 1979 г. М., 1980.

⁶ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв. — МИА, 1961, № 105, с. 207.

⁷ ГВНИИ. М.; Л., 1949, № 279. Подробно об этой боярской вотчине см.: Данилова Л. В. Указ. соч., с. 282—286.

⁸ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 219.

⁹ Там же, с. 299.

¹⁰ Житие преподобного Варлаама Важского. СПб., 1893, с. 13.

¹¹ Овсянников О. В., Назаренко В. А. Археологические работы в Архангельской и Вологодской областях. — АО 1977 г. М., 1978, с. 9—10.

¹² ЦГАДА, ф. 1290, кн. 507, л. 404—404 об.

¹³ Овсянников О. В. Новые данные о Емецком городке, с. 97—103.

¹⁴ Раппопорт П. А. Указ. соч., с. 94.

¹⁵ Овсянников О. В. Орлецкий городок, с. 116—119; Он же. Археологические раскопки в Орлеце в 1971 г. — АО 1971 г. М., 1972, с. 39—40; Он же. Каменная крепость XIV в. в низовьях Северной Двины. — КСИА, 1974, вып. 139, с. 114—117.

¹⁶ Раппопорт П. А. Указ. соч., с. 95.

¹⁷ Там же, с. 218.

ОБ ИСТОЛКОВАНИИ ГРАЖДАНСКИХ ПОСТРОЕК НА ПЛАНАХ ОЛОНЦА КОНЦА XVII—НАЧАЛА XVIII в.

Среди изобразительных источников по истории древнерусской архитектуры особое место занимают чертежи, позволяющие с известной приближенностью судить не только о планировке городских кварталов, но и о внешнем виде зданий, а иногда даже и об архитектурном ансамбле древнего города. Однако графические источники, по меткому замечанию Г. Г. Громова, «при всей их ценности столь же молчаливы, как и археологические материалы»¹. Для их расшифровки необходимо широкое привлечение соответствующих письменных документов. Так, до недавнего времени даже широко известные планы Тихвинского посада атрибуировались весьма неточно². Такова же судьба и дошедшего до нас во фрагментах плана Олонца (рис. 1), на котором запечатлен облик большой деревянной крепости и внутригородских строений³. В архиве он датирован 12-м годом XVIII в., первыми его публикаторами отнесен к 70-м годам XVII в.⁴, В. Г. Брюсовой — к XVII в. без какого-либо уточнения⁵, и, наконец, О. В. Овсянников в своей недавней статье о каменных палатках XVII в. утверждает, что этот план создан не ранее 1741 г.⁶

Однако простое сравнение надписей на чертеже с описной росписью Олонца 1702 г. приводит нас к выводу о том, что они являются, по существу, двумя частями одного документа. Одновременное их составление в виде отчета перед Разрядным приказом о проведенных работах — явление, обычное для градостроительной практики XVII в.⁷

Описная роспись Олонца 1702 г.⁸

А город Олонец мерою от Никольской башни по стене вверх подле Мегрегу реку до первой штиугольной башни мерою 49 сажень с полуаршином, и то прясло в прошлом 1700 году построено вновь (л. 3).

... А вышнюю городовая стена новое прясло от земли с обламом до катка с загородной стороны пол 3 сажени... (л. 11 об.). А старая стена ниже и уже нового прясла полуаршином, а инде и слишком... (л. 12).

А внутри в тое (шестириковой.) башни от стены до стены мерою пол 4 сажени. Вышнюю та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени без поларшина, а от мосту до роскату сажень с аршином, а от роскату вверх шатра до шестерика пол 3 сажени... а в шатрике вверх сажень (л. 3 об.).

А от стены до обрубу в той стороне ширина 5 сажень... (л. 13).

Чертеж Олонца⁹

... кой башни по стене вверх подле Мегрег реку до первой штиугольной башни мерою 49 сажень с полуаршином.

На прясле помета: сие новое прясло.

Под пряслом надпись: Новое прясло вышнюю от земли з загородной стороны с обламом до катка пол 3 сажени, а иные круг города прясла ниже полуаршином, а инде и слишком ниже.

У шестириковой башни надпись: Ширина башни пол 4 сажени. Зри башням ширина и вышина имянно написана в росписи.

Надпись под соседним пряслом: От стены до обрубу 5 сажень.

Подобное сопоставление можно было бы продолжить и по остальным пряслам «городовой стены». О связи этих двух документов говорят не только текстуальные совпадения, но и прямая отсылка к «Росписи», содержащаяся в чертеже: «зри башням ширина и вышина имянно написана в росписи». Следовательно, если роспись относится к 1702 г.¹⁰, то и чертеж, составленный, без сомнения, одновременно, нужно датировать 1702 г.

Убедительным подтверждением этой даты является второй, более ранний план города Олонца (рис. 2), хранящийся в Библиотеке Академии наук¹¹. Не касаясь его описания и анализа, заметим, что на прясле, примыкающем с востока к воротной Никольской башне, можно прочесть: «стена ся повалилась в реку». Здесь имеется в виду то самое

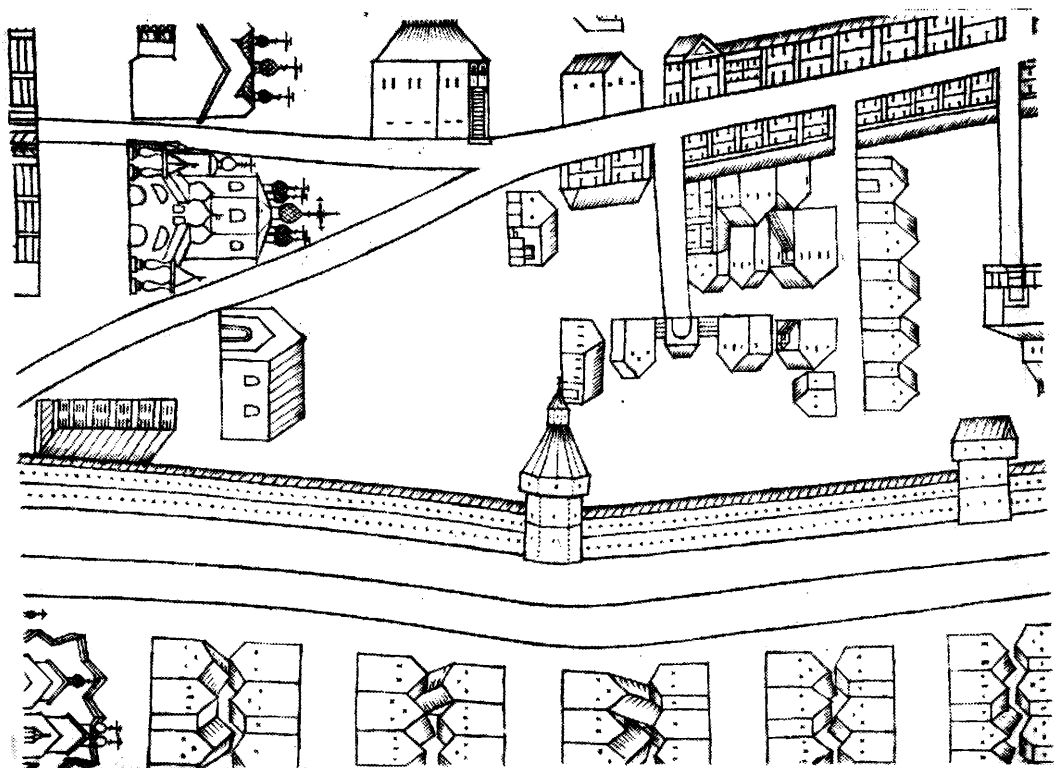

Рис. 1. Фрагмент плана Олонца 1702 г. (Без надписей)

прясло, которое в 1700 г. было «построено вновь». Следовательно, этот план выполнен незадолго до рассмотренного выше. Когда же?

Последний чертеж всюду показывает строительный материал: деревянные постройки отличаются желтым цветом и характерным рисунком сруба. Благодаря этому можно безошибочно сказать, что Троицкий собор к моменту составления плана был уже каменным. Известно, что ему предшествовала деревянная церковь «шатровая из трех шатрах», заново срубленная в 1671 г.¹² после пожара 1668 г. Тут прав О. В. Овсянников, указавший на ошибку В. Г. Брюсовой, которая отнесла возведение каменного храма к 1649 г.¹³ Говоря точнее, храм с приделом был выстроен протопопом Львом во второй половине 80-х годов XVII в., что становится ясным из собственноручной автобиографической записи протопопа на страницах составленного им рукописного сборника¹⁴. Вторая церковь Олонецкой крепости — Богоявленская, теплая, на две службы срублена осенью 1675 г.¹⁵ На плане Библиотеки Академии наук, в отличие от чертежа 1702 г., она изображена еще деревянной. Между тем протопоп Лев, живший в Олонце с 1685 г. по 1694 г., упоминает о строительстве там лишь одного Троицкого собора, из чего можно заключить, что каменная Богоявленская церковь была возведена уже после отъезда протопопа, т. е. во второй половине 90-х годов XVII в. Следовательно, план Библиотеки Академии наук составлен несколько раньше — в первой половине 90-х годов XVII столетия.

К этому надо добавить, что основные надписи на чертеже 1702 г. выполнены так называемым круглящимся полууставом последней четверти XVII в.¹⁶ с обычными надстрочными «оксами», «вариями», «долгими», выносными буквами и титлами¹⁷. Ряд второстепенных надписей (например «тюремный двор») сделан скорописью, типичной для того же времени. Кроме того, графический язык рассматриваемого чертежа характеризуется отсутствием масштаба и ориентации по сторонам света, совмещением собственно плана с ортогональными изображениями по-

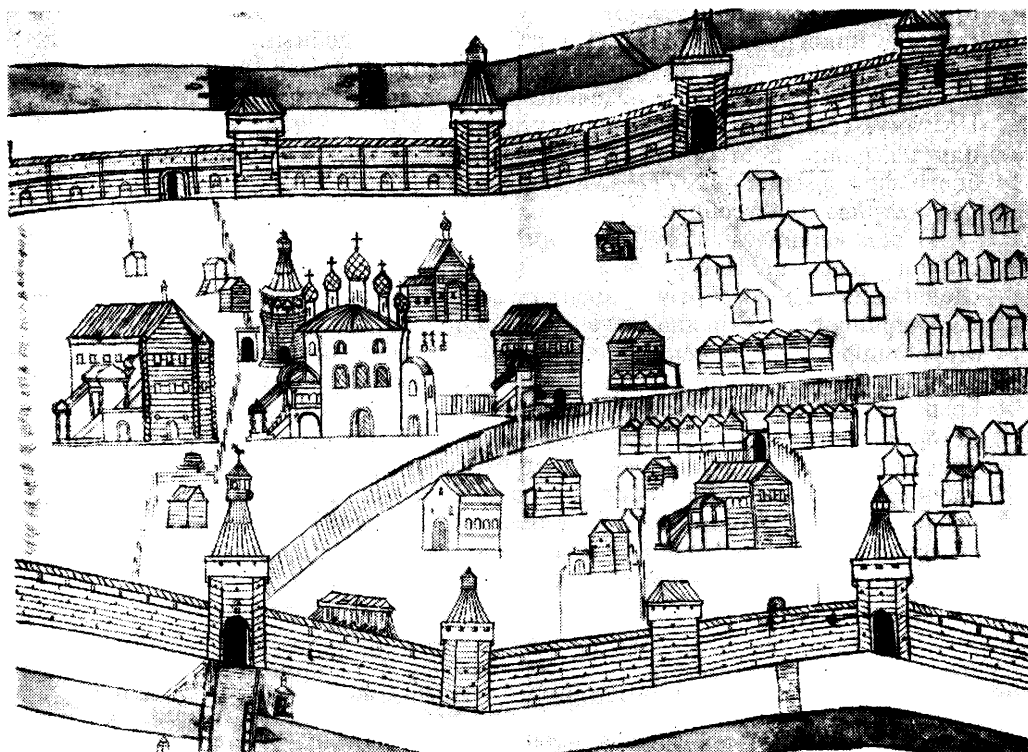

Рис. 2. Фрагмент плана Олонца первой половины 90-х годов XVII в. (Без надписей)

строек. Сказанное исключает возможность отнесения чертежа к середине XVIII в. и служит дополнительным доказательством того, что он исполнен еще в традициях древнерусской графики и даже должен быть признан несколько архаизирующим для 1702 г.

Атрибуция названных планов позволяет уточнить облик олонецкой «каменный полаты на содержание денежной казны и свинцу и протчих казенных припасов» — основной предмет исследования О. В. Овсянникова. На чертеже 1702 г. все постройки — каменные и деревянные — изображены одинаково. Возможно, это и привело исследователя к ошибочной идентификации палаты. Так, судя по прориси на рис. 2, за каменную палатку он принял деревянную «приказную избу», несмотря на надпись, имеющуюся на подлинном чертеже (на плане БАН написано: «приказ»), и по ней провел архитектурный анализ каменного здания. В то же время надпись «казенная пороховая полата» соответствует совсем другому зданию, расположенному к югу от Троицкого собора (на плане БАН оно называется «полата оружейная»). Это каменное здание не двухэтажное, как мыслилось автору, а одноэтажное, но, возможно, как и в Каргополе, имевшее погреб. Крыта палата двускатной тесовой кровлей. Предположение О. В. Овсянникова об одновременном существовании и бочечного покрытия не подтверждается рассматриваемыми планами. Да иначе и быть не может, ибо в «Сметной росписи», на которую он ссылается, говорится о расходе «в нутро (курсив наш. — Авт.) под бочки»¹⁸, т. е. не на кровлю, а «под пороховые бочки», особо упомянутые несколько ниже¹⁹.

А «приказная изба», судя по обоим планам, была деревянной постройкой на подклете с высоким крыльцом, верхний рундук которого крыт бочкой. Поэтому естественно, что изображенное на плане здание (имеется в виду «приказная изба») не соответствует сведениям «росписи полаты» 1669—1676 гг.²⁰ И не может соответствовать. При этом О. В. Овсянников неверно интерпретировал и рисунок «приказной избы»,

приняв вертикальную линию на ее фасаде за свидетельство дополнительной пристройки 1741 г. На самом деле подобным образом чертежник показал торцовый (восточный) фасад (у всех гражданских построек на чертеже торцы отделены такими же вертикальными линиями). Поэтому, если учесть двойную путаницу, вывод о том, что «изображенная на плане постройка как бы совместила два этапа в строительной биографии здания — XVII в. и первую половину XVIII в.»²¹, не может рассматриваться вообще.

В заключение необходимо обратить внимание на метод публикации старой графики. Исторические чертежи, являющиеся источниками исследования, целесообразно воспроизводить в подлинном виде, ибо при перечерчивании нередко исчезают подписи, одни детали, кажущиеся второстепенными, опускаются, другие — вольно интерпретируются (так на прориси «приказной избы» искажены формы кровельного гребня и крыльца). Атрибуция чертежа должна не только строиться на изучении истории той или иной интересующей исследователя постройки, но и учитывать всю совокупность датирующих признаков — графические и палеографические особенности, данные сопоставимых письменных и изобразительных источников. Уточнить же план и определить характер архитектуры олонечкой каменной палатки можно, по-видимому, лишь с помощью археологических раскопок.

- ¹ Громов Г. Г. Русское крестьянское жилище XVI—XVII вв.: (по графическим источникам). — Вестн. МГУ, 1967, № 3, с. 75.
- ² Там же, с. 63; *Он же*. Русская материальная культура XVII в. — Вопр. истории, 1975, № 4, с. 118. Ср.: Мильчик М. И. Древнерусский архитектурный ансамбль на чертежах и иконе XVII в. — История СССР, 1974, № 2, с. 204.
- ³ ЦГАДА, ф. 192, Карты Олонечкой губ., № 3.
- ⁴ Еленевский Е. П., Миронов И. М. Планы городов Карелии XVII—первой половины XIX в. Петрозаводск, 1960, с. 8.
- ⁵ Брюсова В. Г. По олонечкой земле. М., 1972, с. 99.
- ⁶ Овсянников О. В. О каменных палатках XVII в. в северорусских городах. — КСИА, 1977, вып. 148, с. 108.
- ⁷ Тиц А. А. Русское каменное жилое зодчество XVII в. М., 1966, с. 305; Алферова Г. В. Организация строительства городов в Русском государстве в XVI—XVII вв. — Вопр. истории, 1977, № 7, с. 61—63.
- ⁸ ЦГАДА, ф. 137, Олонец, кн. 22.
- ⁹ Начало текста — на соседней, утраченной части листа.
- ¹⁰ «Прошлыми годами „Описная роспись“ постоянно именуется 1700 и 1701-й, причем последний, как правило, с точным указанием дат: «... в прошлом 1701 году октября в 4 день...» (ЦГАДА, ф. 137, Олонец, кн. 22, л. 22 об.); «... в прошлом 1701 году июля в 20 день...» (там же, л. 37) и т. д. Это обстоятельство позволяет считать следующий, 1702-й год годом составления датируемой росписи. Так же датирует ее и недавно опубликованная печатная архивная опись. См.: Книги Московских приказов в фондах ЦГАДА. М., 1972.
- ¹¹ БАН, оп. собр. иностр. рук., F° 266, т. 2, л. 116. О чертеже см.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра I. М.; Л., 1961, с. 192.
- ¹² РИБ, т. VIII. СПб., 1884, стб. 913—914.
- ¹³ Брюсова В. Г. По олонечкой земле..., с. 100—101.
- ¹⁴ Известия церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1883 г. Киев, 1884, с. 28.
- ¹⁵ ЦГАДА, ф. 137, Олонец, кн. 8, л. 146, 158 об.
- ¹⁶ Костюжина Л. М. Книжное письмо в России XVII в. ГИМ. Б. м., 1974, с. 49.
- ¹⁷ Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956, с. 377.
- ¹⁸ РИБ, т. VIII, стб. 942.
- ¹⁹ Там же, стб. 945.
- ²⁰ Овсянников О. В. О каменных палатках..., с. 108.
- ²¹ Там же.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП — Античные города Северного Причерноморья
АО — Археологические открытия
БАН — Библиотека Академии наук
ВДИ — Вестник древней истории
ВСНРПМ — Владимирские специальные научно-реставрационные производственные мастерские
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГАПО — Государственный архив Псковской области
ГВНИП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГИМ — Государственный исторический музей
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИОП — Инспекция охраны памятников
КОРГО — Кавказский отдел Русского географического общества
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛМУИ — Львовский музей украинского искусства
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАО — Московское археологическое общество
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПСНРПМ — Псковская специальная научно-реставрационная производственная мастерская
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РИБ — Русская историческая библиотека
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР
ЧИНИИ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт
AAA — 'Αρχαιολόγικα ἀναλέχματα ἐξ Ἀθηνῶν
BHS — Biuletyn historii sztuki. Warszawa
BSA — The Annual of the British School of Archaeology at Athens
MDAFA — Memoires de Delegation archéologique française en Afghanistan
SA — Slovenska archeologia. Bratislava

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>П. А. Раппопорт.</i> Архитектура Древней Руси и археология	3
<i>Л. А. Беляев.</i> Архитектурная археология домонгольской Руси за последние двадцать лет	10
<i>Г. К. Вагнер.</i> Функциональный аспект в интерпретации архитектурно-археологических фрагментов	21
<i>Г. А. Пугаченкова.</i> К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии	24
<i>В. И. Марковин.</i> Заметки об ингушской архитектуре	31
<i>О. М. Иоаннисян.</i> Центрические постройки в галицком зодчестве XII в.	39
<i>А. Л. Якобсон.</i> О периодизации раннесредневековой архитектуры в Болгарии (V—VI вв.)	47
<i>А. Н. Щеглов.</i> Об определении высоты построек по развалам сырцовых стен	50

Публикации

<i>К. К. Марченко, Я. В. Доманский.</i> Древнейшее общественное сооружение в Нижнем Побужье	58
<i>И. Р. Могытч.</i> Результаты исследования церкви Пантелеймона близ Галича	65
<i>О. Г. Гусева, О. М. Иоаннисян, Н. К. Стеценко.</i> Исследование Никольского собора в Старой Ладoge	70
<i>С. П. Михайлов.</i> Исследование собора Иоанна Предтечи в Пскове	74
<i>П. А. Раппопорт.</i> Церковь Пантелеймона в Новгороде	79
<i>Н. Б. Селиванова.</i> Опыт петрографического изучения строительных растворов построек Новогрудского детинца	83
<i>Е. Ю. Медникова.</i> К вопросу о качестве извести в древнерусских строительных растворах	89
<i>В. А. Тюленев.</i> Оборонительный комплекс Кариэпортти Выборгской крепости	91
<i>О. В. Овсянников.</i> Укрепленные усадьбы XIV—XV вв. как памятники оборонного зодчества Русского Севера	97
<i>М. И. Мильчик, Г. М. Штендер.</i> Об истолковании гражданских построек на планах Олонца конца XVII—начала XVIII в.	105
Список сокращений	109

Археология и архитектура

КСИА, вып. 172

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Ю. Г. Гордина
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Н. Н. Плохова
Корректоры Ф. А. Дебабов, Т. С. Козлова

ИБ № 25221

Сдано в набор 9.08.82. Подписано к печати 17.11.82. Т-20125

Формат 70×108^{1/16}.

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная. Печать высокая

Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 10,8. Усл. кр.-отт. 10,2. Тираж 4750 экз.

Тип. зак. 1692. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7 Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, 9 линия, 12